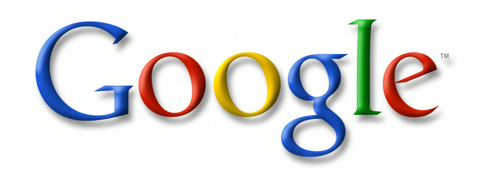


ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худѣкова. Владимірскій пр., № 12.
1892

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

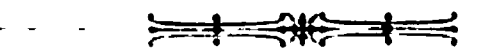
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ВТОРОЙ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1892

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе 8 выпусковъ „Живой Старины“ за первые два года.

Годъ первый.

Выпускъ I-й.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

СТРАН.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

СТРАН.

Выпускъ II-й.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.



Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

СТРАН.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ IV-й.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ II.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Годъ второй

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

СТРАН.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

СТРАН.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

СТРАН.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.



Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и Отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Очеркъ русской діалектологіи.

III. Малорусское нарѣчіе.

Въ нашу задачу не входитъ опредѣленіе границъ малорусскаго нарѣчія съ языками польскимъ, словацкимъ, мадьярскимъ и румынскимъ. Мы можемъ ограничиться указаніемъ, что сѣверо-западная граница его идетъ въ царствѣ Польскомъ по губерніямъ Сѣдлецкой и Люблинской, такимъ образомъ, что города Бѣлая (по-польски Biała) въ первой и Холмъ (по-польски Chełm) во второй окружены малорусскими поселеніями [1]); что далѣе оно слышится въ значительной части австрійской Галиціи [2]); что наконецъ ему принадлежитъ прилегающая къ Галиціи узкая полоса Угріи (здѣсь малорусское нарѣчіе постепенно сливается съ словацкими говорами и точное опредѣленіе границы едва ли возможно) [3]) и сѣверо-западная часть Буковины.

Малорусское нарѣчіе сравнительно съ нарѣчіями великорусскимъ и бѣлорусскимъ имѣетъ рядъ особенностей.

---

[1]) Границы русскаго Забужья въ царствѣ Польскомъ см. на спеціальной картѣ Щебальскаго («Карта русскаго Забужья», 1880 г.); о нихъ см. также въ статьѣ Кояловича: «Объ этнографической границѣ между западною Русью и Польшею» (перепечатанной у Шолковича, «Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ зап. Россіи», вып. I, Вильна, 1885), и въ изданіи Батюшкова: «Холмская Русь», Спб. 1887 (глава I). Поляки отрицаютъ существованіе русскаго населенія въ Забужьѣ; см. статью: «Fantazye geograficzne na temat ziemi Lubelskiej i Podlaskiej» (Ateneum 1882 г. № 11). Должно замѣтить, что русское Забужье входило въ составъ владѣній Даніила Галицкаго и его преемниковъ.

[2]) Границы въ книжкѣ Зубрицкаго: «Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation im Galizien», Lemberg, 1849 (русскій переводъ въ Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи 1863 г.), и въ статьѣ: «Границы русскаго и польскаго народа по языку въ Завислоцкой Руси» (Прикарпатская Русь, Площанскаго, часть 3-я, Львовъ, 1885).

[3]) Послѣдній трудъ, говорящій о границахъ между Русскими и Словаками въ Угріи,— статья А. Л. Петрова: «Замѣтки по угорской Руси» (Ж. М. Н. Пр. 1892 г. № 2). Здѣсь указана литература вопроса.—Границы русскаго населенія въ Австро-Венгріи см. еще на картѣ Головацкаго (при его «Пѣсняхъ»).

Древнее (=ороографическое) *о* въ извѣстныхъ случаяхъ (въ слогахъ, за которыми когда-то слѣдовали *ъ*, или *ь*, или *и*, въ историческое время, какъ гласные звуки, исчезнувшіе изъ произношенія) болѣе или менѣе значительно измѣнилось и звучитъ или какъ какой-либо дифтонгъ, или какъ *у*, или какъ *і*, или какъ другой совершенно отличный отъ *о* звукъ. Напримѣръ, древне-русское конь въ малорусскомъ нарѣчіи звучитъ куонь, или кунь, или кінь, или еще какъ-нибудь иначе.

Древнее (=ороографическое) *е* въ тѣхъ же случаяхъ также болѣе или менѣе значительно измѣнилось и звучитъ или 1) какъ тѣ звуки, въ которые перешло *о*; напримѣръ, тетъка (=наше тётка) превратилось въ тюотка, тютка, тітка и проч.; или 2) какъ тѣ звуки, въ которые перешелъ древній *ѣ*; напримѣръ, древне-русское шесть звучитъ шіесть (съ дифтонгомъ *іє*), шесть, шість [1]).

Древній (=ороографическій) *ѣ* звучитъ или какъ дифтонгъ *іє*, или какъ *є* (=мягкое *е*), или какъ *і* (=мягкое, «острое» *и*); такъ, древне-русское лѣто звучитъ ліето, лєто, літо; древне-русская форма род. ед. *еѣ* (=наше её) звучитъ *єіє*, *єє*, *єі*, *іі*.

Древнія (=ороографическія) *и* и *ы* послѣ согласныхъ, кромѣ *j*, въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ звучатъ одинаково: или мягче, чѣмъ наше *ы*, и тверже, чѣмъ наше *и* (мы передаемъ этотъ звукъ черезъ букву *и* [2]), или вполнѣ какъ наше *ы* (мы передаемъ черезъ *ы*); такъ, древне-русское *мыти* звучитъ *мити* или *мыты*, съ однимъ и тѣмъ же гласнымъ въ обоихъ слогахъ. При этомъ древнее мягкое *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л*: *ли*хо [3]), или какъ великорусское твердое *л*: *лы*хо.

---

[1]) Объ исключеніяхъ, вызванныхъ аналогіей (во*ло*съ, во*ло*хъ, во*ро*гъ, го*ло*дъ, го*ло*дний, г*о*дно и т. п. съ одной стороны и го*лі*вонька, во*рі*женьки, сл*із*оньки, к*іл*окъ, сн*іп*окъ, в*ік*онце и т. п. съ другой), мы считаемъ излишнимъ распространяться (см. наши «Лекціи по исторіи русскаго языка», изд. 2-е, стр. 54); замѣтимъ лишь, что въ разныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія эти исключенія до нѣкоторой степени различны; напримѣръ, отъ отецъ форма родит. ед. звучитъ по-украински *о*тця, а по-галицки в*і*тця.

[2]) «До сихъ поръ въ малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ прийшли, минули). Но она до такой степени несвойственна южно-русской рѣчи, что полтавецъ или чигиринецъ не можетъ даже въ великорусской книгѣ произнести звуковъ вы, мы и т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ ми, ви, но никогда не скажетъ вы или мы такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ малороссійскомъ языкѣ, котораго образцомъ служитъ для меня наиболѣе общее Малороссіянамъ нарѣчіе, именно полтавско-чигиринское,—вовсе нѣтъ звука *ы*... Напримѣръ, слово волы произносится Малороссіянами похоже на то, какъ если бы написать это слово французскими буквами (voly)». Кулишъ, Записки о южной Руси, I, стр. VII—VIII; рѣчь здѣсь идетъ объ украинскомъ *и*.

[3]) Поляки обыкновенно пишутъ: łycho.

Древніе мягкіе согласные передъ *е* звучатъ болѣе твердо, чѣмъ у насъ, такимъ образомъ, что слогъ *не* или произносится ближе къ нашему *нэ*, чѣмъ къ нашему *не* [1]), или даже какъ наше *нэ*; при этомъ древнее мягкое *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л* [2]), или какъ наше твердое *л*. Тѣ же согласные передъ *є* звучатъ какъ наши мягкіе.

Древніе (=ороографическіе) звонкіе согласные въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ передъ глухими согласными въ большей части малорусскихъ говоровъ сохраняются: ло*б*ъ (а не ло*п*ъ, какъ у насъ), бі*г*ъ (=богъ), ді*д*ъ (=дѣдъ), ні*ж*ъ (=ножъ), ві*з*ъ (=возъ), ні*ж*ка (=ножка).

Древніе мягкіе губные *б, в, м, п* передъ *а* (т. е. въ слогахъ *бя, вя* и т. д.) звучатъ какъ *б*j, *в*j, *м*j, *п*j (причемъ *б* и проч. часто тверды): *въя*ну (=вјану, наше вяну), пà*мъя*ть, *пъя*ть (но: *свя*тий), причемъ вмѣсто *бj* и проч. въ формахъ 3 л. мн. ч. можетъ являться *бл* (*л* мягкое), а вмѣсто *мj—мн* (*н* мягкое): лю*бл*ять, *мн*ясо (мясо).

Кромѣ этихъ главныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, отмѣтимъ въ области звуковъ слѣдующія.

Звукъ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ, образовавшійся изъ *е*, въ малорусскомъ нарѣчіи слышится въ несравненно меньшемъ количествѣ словъ, чѣмъ въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и бѣлорусскомъ, и не находится въ какой-либо зависимости отъ ударенія. Мы его находимъ наиболѣе часто послѣ шипящихъ согласныхъ и j, въ слогахъ, имѣющихъ послѣ себя твердые согласные: украинск. ж*о*нà, ч*о*ловікъ, ч*о*тйри, ж*о̀*втий, ш*о*стйй, щ*о*кà (но: ч*е*ревйкъ, ш*е*рсть, ч*е*сàти, ч*е*пурний, ш*е*птàти, ещѐ и т. п.), ёго, ёму (но: мо*є*=моё и др.), л*ё*нъ, сл*ё*зà, тр*ё*хъ, с*ё*гò, с*ё*мỳ; при этомъ въ однихъ говорахъ *о* изъ *е* чаще, въ другихъ рѣже: украинск. *ё*го—галицк. *є*го, украинск. ўс*е* (=всё)—галицк. ўс*є́*.

На мѣстѣ звука *о*, не ударяемаго, спорадически, въ однихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже, можетъ слышаться *у*: украинск. *у*пъять (опять). Но въ формахъ неопредѣленнаго наклоненія *у* слышится во многихъ говорахъ постоянно: куп*у*вàти, торг*у*вàти, таньц*ю*вàти и т. п.

На мѣстѣ того же звука *о* послѣ согласныхъ спорадически можетъ слы-

---

[1]) «Буква *е* въ малороссійскомъ языкѣ (точнѣе: въ украинскомъ говорѣ) произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ великорусскомъ словѣ дерево, а близко къ тому, какъ во французскомъ словѣ délecter; и потому слово дерево по-малороссійски надобно произносить такъ или почти такъ, какъ если бы оно было напечатано французскими буквами (dérévo). Но есть въ малороссійскомъ языкѣ и острое *е* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ великорусскомъ словѣ денегъ. Это *е* я выражаю буквою *є* (напримѣръ, въ словѣ зілле)». Кулишъ, Записки о южной Руси, I. стр. VIII.— Украинское *е* «твердіше одъ московського *е* и ніби мякше одъ московського же *э*». Номисъ въ «Черниговскомъ Листкѣ» 1862 г., № 2.

[2]) Поляки пишутъ: łeczu=лечу.

шаться также *а*, въ тѣхъ случаяхъ, когда за слогомъ съ *о* слѣдуетъ слогъ съ *а* (*я*): укр. б*а*гатий, г*а*ràздъ, г*а*рячий, х*а*зяинъ. Одни говоры имѣютъ это *а* въ бòльшемъ (но вообще небольшомъ) количествѣ словъ, другіе въ меньшемъ.

На мѣстѣ звука *е* въ концѣ формъ имен.-вин. ед. средн. р. на *ье*, въ значительной части малорусскихъ говоровъ слышится *а* (т. е. *я*): укр. життя̀, весілл*я* (=житье, веселье). Оно можетъ переходить изъ этихъ формъ въ формы творит. ед.: весіллямъ, и въ уменьшительныя: весіллячко.

На мѣстѣ *у* послѣ согласныхъ въ разныхъ говорахъ въ отдѣльныхъ, очень немногихъ словахъ слышится *і*: укр. зам*і*жъ (=замужъ), ог*і*рокъ (=огурецъ), д*і*брова, галицк. ф*і*рманъ (=фурманъ), кл*і*чъ (=ключъ).

Древнее (=ореографическое) *у*, будучи безъ ударенія, можетъ, какъ въ бѣлорусскихъ говорахъ, не составлять слога или даже переходить въ *в*: ўмію (умѣю), ўмивàю, ў мене и *в*мію, *в*миваю, *в*ъ мене, *в*ъ jіхъ (у нихъ)

Древнее *в*, въ свою очередь, передъ согласными (въ ихъ числѣ и j-мъ) и въ концѣ словъ [1]), подобно *в* бѣлорусскихъ говоровъ, часто звучитъ какъ не составляющее слога *у*: укр. праўда, моўляти, діўчѝна (= дѣвчина), слоў или сліў (=словъ, род. мн.); это ў вмѣстѣ съ предъидущими гласными, образуетъ одинъ звукъ-дифтонгъ. Предлогъ-префиксъ *въ* можетъ переходить какъ въ *у* не составляющее слога, такъ и въ *у* составляющее слогъ, даже въ *ув*, *уво*: укр. ў полі и *у* полі, *увъ* огню̀, *уво* сні.

Древнее твердое *л* въ серединѣ словъ передъ согласными [2]) и въ концѣ формъ прошедшаго времени, какъ въ бѣлорусскихъ говорахъ, обыкновенно звучитъ какъ ў, образующее съ предъидущими гласными одинъ звукъ-дифтонгъ: укр. воўкъ, ішоў (=шелъ), буў (=былъ), но можетъ звучать (передъ гласными) также какъ *в*: укр. я бу*в*ъ одинъ.

Гортанное *г* звучитъ всегда какъ лат. *h*. Звукъ *g*—только въ полонизмахъ и германизмахъ, да въ предлогѣ *къ*, если слѣдующее за нимъ слово начинается съ *б*, *д*, *з*: *g* дому (=*къ* дому).

Шипящія *ж*, *ч*, *ш* въ большей части говоровъ обыкновенно звучатъ твердо; но они мягки передъ *і* и *е* (на мѣстѣ *ѣе*). Двойное *жж* также твердо.

На мѣстѣ нашего *ж* изъ *д* можетъ слышаться твердое *дж*: хо*дж*ў, ви*дж*у, звучащее въ большемъ или меньшемъ числѣ говоровъ какъ дифтонгъ [3]).

---

[1]) Гатцукъ въ своей малорусской азбукѣ («Украінська абетка», М. 1861) пишетъ голоўа, чоловікоўі, попоўе, молитўа и т. п., но едва ли не по какому-нибудь недоразумѣнію.

[2]) Не мало исключеній (подъ вліяніемъ аналогіи): укр. горілка и т. п.

[3]) «Зайшла річь про наші (украинскіе) приголоси *дз* и *дж* (*дз*вінъ, *дз*індзіворъ, б*дж*ола, *дж*ога, *дж*уръ и др.). Балакали, що приголоси сі у насъ не те, что московські *дз* и *дж*, а отъ-якъ грецьке дзета и тальянське *g* (передъ *е* и *і*)». Черниговскій Листокъ 1862 г. № 2, стр. 13.

Шипящее сочетаніе *щ* звучитъ какъ твердое *шч*: *шч*ока̀ (=щека), *ешче́* (=еще)[1].

Свистящее *ц* въ большей части говоровъ звучитъ твердо въ срединѣ словъ и мягко въ исходѣ ихъ: *ца*ри̂*ця*, двана̀ть*цять*, лю̂би*тця* (3 л. ед.), цари̂*цю* (вин.), хло̂п*цю* (дат.), Гри̂*цю* (зват.), хло̂пе*ць*, Гри*ць*. Впрочемъ передъ *е* въ исходѣ словъ оно звучитъ твердо: ли*це́* (при ли*ця*, ли*цю*).

Древнее мягкое *р*, въ однихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже, звучитъ твердо: укр. маті*ръ* (=мать).

Древніе мягкіе губные въ концѣ словъ обыкновенно звучатъ твердо: укр. сі*мъ* (=семь), сип*ъ* (=сыпь, повел.).

Звука *ф* въ значительномъ большинствѣ малорусскихъ говоровъ нѣтъ; его мѣсто занято или *х*, *хв*, или (рѣже) *п*: Хома, *хв*ортка, *П*илипъ, О*п*анасъ.

Древніе мягкіе согласные передъ суффиксомъ *ск* обыкновенно не только сохраняются, но и сообщаютъ мягкость согласному *с* суффикса: укр. ца̀*рьсь*кий.

На мѣстѣ нашихъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ j въ большей части говоровъ слышатся или двойные мягкіе согласные: укр. весі*лля*, камі*ння* (=каменье), су*ддя̀*, жи*ття̀*, підъ пі*чч*у (=подъ печью) и т. п., или образовавшіеся изъ нихъ простые мягкіе согласные: весі*ля*, камі*ня*, укр. щас*тя* (=счастье) и т. п. Но: *бъю*, *пъю*, при *ллю* и т. п.

На мѣстѣ ороографическихъ сочетаній *стк*, *стл*, *стн* всегда слышится *ск*, *сл*, *сн*: укр. неві*ска* (= невѣстка), щас*лѝ*вий (= счастливый), зві*сно* (=извѣстно).

На мѣстѣ нашихъ сочетаній *ро*, *ло*, *ле* (*о* изъ ъ, *е* изъ ь) могутъ слышаться сочетанія *ри*, *ли*: укр. к*ри*ва̀вий, чорно*бри́*вий (=кровавый, чернобровый), гал. д*ри*ва̀, *сли*зъ (=слёзъ, род.).

На мѣстѣ ороографическаго сочетанія *ѣй* въ формахъ сравнительной степени можетъ слышаться одно *і*: скорі̂ше (=скорѣйше).

Передъ каждымъ дифтонгомъ, *у* и *і* изъ древняго *о* въ началѣ словъ является *в*: *в*уонъ, *в*унъ, *в*інъ (=онъ).

Передъ начальнымъ *о* нѣкоторыхъ словъ почти во всѣхъ говорахъ можетъ являться *г*: укр. *г*острий (= острый). Число этихъ словъ въ однихъ говорахъ больше, въ другихъ меньше.

Между формами заслуживаютъ вниманія слѣдующія.

Формы дат. ед. именъ муж. р. существительныхъ могутъ оканчиваться не только на *у*, но и на *ови*, *еви* или *ові*, *еві*: бог*ови*, бог*ові*.

Формы им. (и вин.) мн. муж. р. могутъ оканчиваться на *ове*: бог*ове*.

---

[1]) Шейковскій въ своемъ словарѣ вмѣсто *щ* пишетъ всегда *шч*.

Формъ им.-вин. мн. муж. р. на *а*, въ родѣ великорусской город*á*, въ малорусскомъ нарѣчіи не существуетъ.

Формы мѣстн. ед. муж.-ср. р. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. обыкновенно съ древними свистящими: укр. на порô*з*і, но*з*і, ру*ц*і, со*с*і (=сохѣ), доч*ц*і или доц*ц*і, свас*ц*і (=свашкѣ).

Формы мѣстн. ед. муж. р. чаще имѣютъ окончаніе *у*, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчіи; они могутъ оканчиваться также на *ови*, *ові*.

Формы род. ед., им.-вин. мн. именъ существительныхъ женск. р. и формы им.-вин. именъ существительныхъ муж. р. такъ называемаго мягкаго склоненія оканчиваются на тѣ гласные, которые въ малорусскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ древнему *ѣ*: укр.-гал. душ*і*, сѣв.-малорусск. род. душ*іе*, им. дŷше; укр.-гал. кóн*і*, сѣв.-мал. кóн*е*; укр. кост*і*, гост*і* (при кост*и*, гост*и*).

Формы твор. ед. именъ существительныхъ женск. р. всегда оканчиваются на *ою* (откуда галицк. *оў*), безъ опущенія конечнаго гласнаго.

Формы зват. п. ед. ч. именъ муж. и женск. р. вполнѣ обычны во всѣхъ малорусскихъ говорахъ: укр. пôп*е*, козâч*е*, сŷнк*у*, місяц*ю*, Грŷц*ю*, жінк*о*, дон*ю* (дочка), Гал*ю* (Галя).

Формы вин. мн. отъ именъ означающихъ одушевленные предметы могутъ быть сходны не съ формою род. мн., а съ формою именит. мн.: укр. багатому чортъ діт*и* колише, галицк. пасу кон*і*.

Нѣкоторые говоры сохранили древнія формы двойств. ч. женск. р.: гал. дві но*зі* (обыкновенно: дві ног*и*); почти всѣ говоры утратили древнія именныя формы двойств. ч. муж. р.: два воŷк*и*. Формы род.-мѣстн. п. отъ *два* и *оба*—дв*охъ* и дв*ухъ*, об*охъ*.

Формы им.-вин. ед. муж. р. членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій оканчиваются въ однихъ говорахъ только на *ий (ый)*, въ другихъ—или на *ий*, или на *и*: добр*ий*, дôбр*и*, сліп*ий*, сліп*и*, въ третьихъ—только на *и*. Рядомъ: то*й* (=тотъ), с*ей*, ц*ей* (=сей). Но форма род. мн. именъ существительныхъ въ большинствѣ говоровъ—на *ей*: гост*éй*.

Формы им. ед. женск. р. тѣхъ же словъ оканчиваются не только на *ая*, но и на *а*: добр*а* горілка (=добрая), а формы вин. ед. не только на *ую*, но и на *у*: добр*у* горілку (=добрую).

Формы им.-вин. средн. р. тѣхъ же словъ оканчиваются не только на *ое*, но и на *е*, *ее*: дôбр*е*, дôбр*ее*, сліп*é*, сліп*ée* (=доброе, слѣпое), т*е*, т*ée* (=то).

Формы род. ед. муж. и ср. р. тѣхъ же словъ оканчиваются на *ого* или *его (ёго)*: дôбр*ого*, син*его* (син*ёго*). Изъ нихъ формы мѣстоименій *мой* и *твой* имѣютъ стяженіе гласныхъ: м*огô*, тв*огô*, также какъ и формы дат.: м*омŷ*, тв*омŷ*.

Формы род. ед. женск. р. тѣхъ же словъ оканчиваются на тѣ сочета-

нія звуковъ, которыя происходятъ въ малорусскихъ говорахъ изъ древне-русскихъ *ою, ею:* укр.-гал. доброї, тої, сѣв.-малор. дὸброе и т. д., въ большинствѣ говоровъ съ сохраненіемъ конечнаго гласнаго. Тѣ же окончанія въ формахъ род. ед. ж. р. мѣстоименій нечленныхъ: укр.-гал. *тої*, моєї, єї или її. Послѣдняя форма—также форма вин. ед.

Формы мѣстн. ед. муж.-ср. р. тѣхъ же словъ могутъ оканчиваться не только на *імъ* (=великорусск. *омъ*): дόбрімъ, но и на *ому*, какъ формы дат.: укр. у паньському селі.

Формы им.-вин. мн. тѣхъ же словъ оканчиваются на *иі* (*ыі*, *ие*): дόбриі, или на *і*, *ії*: дόбрі, дὸбрії (=добрые).

Формы род.-мѣстн., дат. и твор. мн. тѣхъ же словъ въ разныхъ говорахъ могутъ оканчиваться не только на *ихъ (ыхъ)*, *имъ*, *ими:* дὸбрихъ и т. д., но въ нѣкоторыхъ говорахъ также на *іхъ*, *імъ*, *іми:* дὸбріхъ и т. д.

Формы вин. (род.) ед. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго звучатъ: мене, тебе, себе или мя, мъя, мня, тя, ся; формы дат.: мені, мині, міні, тобі, собі (съ *і* или съ другимъ звукомъ въ концѣ, соотвѣтствующимъ древнему *ѣ*) или ми (мі), ти (ті), си (сі). Краткія формы въ нѣкоторыхъ говорахъ могутъ имѣть на себѣ логическое удареніе.

Мѣстоименіе тотъ можетъ имѣть формы им. и вин. ед. женск. р. тота, тоту; форма твор. ед. муж. звучитъ тымъ, род., дат., твор., мѣстн. мн.—тыхъ, тымъ, тыми, тыхъ.

Формы 1 л. ед. обыкновенно имѣютъ не гортанные, а шипящіе согласные: можу̀, печу̀ (=могу, пеку); съ тѣми же согласными могутъ быть и формы 3 л. мн. изъявит. накл. и формы повелит. накл. (поможѝ и т. п.).

Формы 3 л. ед. дѣйствительнаго залога оканчиваются или на *е*: веде́, или на *ить* (*итъ*): лю́бить; рядомъ *есть* и *є* (=есть). Формы возвратн. залога, если *ся* находится послѣ глагольной формы, всегда оканчиваются на *етця*, *ецьця*, *еця:* ведетця, или *итця*, *ицьця*, *иця*: любитця.

Формы 3 л. на *ае* могутъ въ большей части говоровъ имѣть сокращенное окончаніе *а*: ду̀ма (=думаетъ), питà (рядомъ: думае, питае).

Формы 1 л. мн., рядомъ съ окончаніемъ *мъ*, могутъ имѣть окончаніе *мо*: бу̀демо, дамὸ (=дадимъ), підьмό (повел. н.,=пойдемъ).

Формы 2 л. мн. повелит. н., рядомъ съ окончаніемъ *те*, могутъ имѣть окончаніе *ть* (*тъ*): ведіть, пустіть (=ведите, пустите).

Формы 1 и 2 л. мн. повелит. накл. глаголовъ 2-го спряженія обыкновенно имѣютъ передъ личнымъ окончаніемъ *і*, а не *и*: пустімо, пустіте.

Формы возвратн. зал. обыкновенно оканчиваются или на *ся* (*ця*), или на *сь*: укр. накрилась, криюсь, накриу̀сь.

Формы повелит. накл. въ однихъ говорахъ оканчиваются одинаково на

ть и *ти*, въ другихъ чаще или постоянно на *ти*; между ними можно отмѣтить формы пе*ктй* (=печь) и т. п., пе*кчй* и т. п.

Формы будущ. вр. въ большей части говоровъ могутъ состоять не только изъ *буду* съ формою неопредѣл. накл., но и изъ *му* (=иму) съ формою неопредѣл. накл.: *му* знати, знати*му*, кохати*му*ся и т. п.

Глаголы р*й*ю, м*й*ю и т. п. (=великорусск. рою, мою) во всѣхъ формахъ имѣютъ *и* (*ы*), такъ что, напримѣръ, формы повелит. накл. звучатъ р*и*й, м*и*й; отъ глаголовъ *бъю*, *пъю* и т. п. формы повелит. н. имѣютъ *и* (*ы*): б*и*й, п*и*й и т. п.

Глаголъ существительный въ формахъ прошедш. врем. и неопредѣл. наклон. имѣетъ въ корнѣ *у*: б*у*ў, б*у*ла́, б*у*ло́, б*у*ли́, б*у*ти (=былъ и пр.).

Глаголы *дамъ* и *ѣмъ* сохраняютъ формы настоящаго (=будущаго) врем. древнія: *дасй*, *дамо́*, *дасте́* и т. п.

Еще нѣсколько мелкихъ особенностей.

На мѣстѣ нашего гласнаго *и* въ началѣ однихъ словъ, неударяемаго, можетъ слышаться *й* не составляющее слога: Йвась; въ началѣ другихъ словъ— можетъ отсутствовать гласный: грати (=играть), не наче (не иначе); союзъ *и* послѣ гласнаго можетъ переходить въ j: мати *й* синъ.

Начальное *і* изъ *ѣ* обыкновенно имѣетъ передъ собою *j*: *j*істи, а начальное *і* изъ *и* не имѣетъ *j*-та, кромѣ мѣстоименныхъ формъ *jімъ*, *jіхъ*, *jіми*.

Предлоги-префиксы *съ* и *изъ* могутъ звучать какъ *зъ* (*зо*, *зі*) передъ гласными и передъ всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ быть произносимъ звукъ *з*: *зъ* мене, *зо* мною, *з*няти, *з*рубити, а *съ* можетъ звучать, сверхъ того, какъ *ізъ*, *изъ* или *ісъ*, *исъ*: укр. *ізнятя*, *ісъ* тобою. Но не мало случаевъ, гдѣ префиксъ *съ* сохраняется: укр. *с*мутний, не *з*мутний, *с*мерть и т. п.

Предлогъ-префиксъ *отъ* можетъ звучать какъ *одъ* или *відъ* (укр.-гал.) передъ гласными и всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ стоять звукъ *д*.

Мѣстоименіе и происшедшій изъ него союзъ звучатъ *що*, *шо*: обыкновенно и та и другая форма рядомъ.

Словарный матеріалъ въ говорахъ западной половины малорусской территоріи (начиная отъ западныхъ частей Подолья и Волыни и отъ Гродненской губ.) изобилуетъ полонизмами, а въ говорахъ карпатскихъ и угорскихъ, кромѣ полонизмовъ,—и словацизмами [1]).

---

[1]) Мы не имѣемъ ни одной удовлетворительной грамматики малорусскаго нарѣчія. Большая часть трудовъ по грамматикѣ этого нарѣчія принадлежитъ Галичанамъ (лучшіе учебники—Головацкаго, 1849 г., и Огоновскаго, 1889 г.; главные труды по малорусской діалектологіи—«Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ», Голо-

Малорусское нарѣчіе дѣлится на два поднарѣчія: сѣверно-малорусское и южно-малорусское, или украинско-галицкое. Сѣверно-малорусское поднарѣчіе занимаетъ сѣверную и сѣверо-западную часть малорусской территоріи и слышится въ значительной части малорусскихъ уѣздовъ Черниговской губ. [1]), въ частяхъ Переяславскаго и Пирятинскаго уѣздовъ Полтавской губ. [2]), въ сѣверной части Кіевской губ., въ сѣверной части Волынской губ. (въ Полѣсьи), въ юго-западной Минской губ., въ малорусскихъ уѣздахъ Гродненской и Сѣдлецкой губ. [3]). Южно-малорусскому поднарѣчію принадлежитъ вся остальная часть малорусской территоріи въ Россіи (между прочимъ малорусская часть Люблинской губ.), Галиція и Буковина. Говоры карпатскіе принадлежатъ ко второму, а угорскіе отчасти къ первому, но по большей части во второму изъ малорусскихъ поднарѣчій.

вацкаго, Львовъ, 1849, и «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», Огоновскаго, Львовъ, 1880 (дополненіе въ изданіи Краковской Академіи Наукъ: «Rozprawy i sprawozdania wydziału filologicznego», т. X, 1884). У насъ, кромѣ старой и плохой грамматики Павловскаго, имѣются лишь «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи», Науменка, Кіевъ, 1889, крайне слабый, да статья «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины», Михальчука (въ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», Чубинскаго, т. VII, вып. 2, Спб. 1877); сверхъ того, замѣчанія по малорусской грамматикѣ и діалектологіи—въ изслѣдованіяхъ Потебни и Житецкаго. Единственный оконченный малорусскій словарь—«Малоруско-німецкий словарь» Галичанина Желеховскаго, Львовъ, 1886; отрывки словарей изданы Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ и Шейковскимъ.

Мы пользуемся для изображенія звуковъ малорусскаго нарѣчія правописаніемъ Кулиша, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

[1]) «Въ отношеніи говора, Черниговскую губ. можно раздѣлить на три части: сѣверную (бѣлорусскую), среднюю (переходную) и южную (чисто малороссійскую)... Въ средней части переходное нарѣчіе» (такъ авторъ называетъ сѣверно-малорусскіе говоры). «Уѣзды, говорящіе этимъ нарѣчіемъ—Новгородсѣверскій, Сосницкій, Городнецкій, Черниговскій и Остерскій. Естественную границу этому нарѣчію можно опредѣлить р. Десну, потому что во всѣхъ уѣздахъ, лежащихъ за Десною, можно сразу замѣтить большое склоненіе говора на сторону чисто малороссійскаго языка, и хотя еще въ сѣверныхъ частяхъ задесненскихъ уѣздовъ слышно колебаніе говора то на сторону переходнаго говора, то на сторону чисто малороссійскаго, за то въ южныхъ частяхъ этихъ уѣздовъ говоръ уже чисто малороссійскій». Черниг. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 4, стр. 25—26. Авторъ несомнѣнно уменьшаетъ территорію сѣверно-малорусскихъ говоровъ въ Черниговской губ.

[2]) Тотъ-же авторъ приводитъ слова Карпенка: «Вліяніе черниговскаго нарѣчія ощутительно, даже до Переяславля,—и въ Полтавской губ. Мѣстечко Борисъ-Поле и въ Пирятинскомъ уѣздѣ, но тамъ еще говорятъ: п*уо*пъ, к*уо*нь и т. п.». Онъ считаетъ невѣрнымъ показаніе Карпенка, но, какъ увидимъ, безъ основанія.

[3]) Въ Сѣдлецкой губ., «на границѣ Люблинской губ. и дальше по-надъ рѣкою Бугомъ, народъ... говоритъ обыкновеннымъ волынско-галицкимъ говоромъ.» Р. Филологич. Вѣстн. 1884 г. № 2, стр. 255.

ть и *ти*, въ другихъ чаще или постоянно на *ти*; между ними можно отмѣтить формы пе*кти́* (=печь) и т. п., пе*кчи́* и т. п.

Формы будущ. вр. въ большей части говоровъ могутъ состоять не только изъ *буду* съ формою неопредѣл. накл., но и изъ *му* (=иму) съ формою неопредѣл. накл.: *му* знати, знати*му*, кохати*муся* и т. п.

Глаголы р*и́*ю, м*и́*ю и т. п. (=великорусск. рою, мою) во всѣхъ формахъ имѣютъ *и* (*ы*), такъ что, напримѣръ, формы повелит. накл. звучатъ р*ий*, м*ий*; отъ глаголовъ *бъю*, *пъю* и т. п. формы повелит. н. имѣютъ *и* (*ы*): б*ий*, п*ий* и т. п.

Глаголъ существительный въ формахъ прошедш. врем. и неопредѣл. наклон. имѣетъ въ корнѣ *у*: *бу*ў, *була́*, *було́*, *були́*, *бу*ти (=былъ и пр.).

Глаголы *дамъ* и *ѣмъ* сохраняютъ формы настоящаго (=будущаго) врем древнія: *даси́*, *дамо́*, *дасте́* и т. п.

Еще нѣсколько мелкихъ особенностей.

На мѣстѣ нашего гласнаго *и* въ началѣ однихъ словъ, неударяема может слышаться *и* не составляющее слога: Йвась; въ началѣ другихъ словъ можетъ отсутствовать гласный: грати (=играть), не наче (не иначе); союз послѣ гласнаго можетъ переходить въ j: мати й синъ.

Начальное *і* изъ *ѣ* обыкновенно имѣетъ передъ собою *j*: *j*істи, а н чальное *і* изъ *и* не имѣетъ *j*-та, кромѣ мѣстоименныхъ формъ *jімъ*, *jіхъ*, *jі*

Предлоги-префиксы *съ* и *изъ* могутъ звучать какъ *зъ* (*зо*, *зі*) пер гласными и передъ всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ б произносимъ звукъ *з*: *зъ* мене, *зо* мною, *з*няти, *з*рубити, а *съ* можетъ чать, сверхъ того, какъ *ізъ*, *изъ* или *ісъ*, *исъ*: укр. ізняти, *ісъ* тобою. Не мало случаевъ, гдѣ префиксъ *съ* сохраняется: укр. смутний, не змутний, си и т. п.

Предлогъ-префиксъ *отъ* можетъ звучать какъ *одъ* или *відъ* (укр.-г передъ гласными и всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ ст звукъ *д*.

Мѣстоименіе и происшедшій изъ него союзъ звучатъ *що*, *шо*: обы венно и та и другая форма рядомъ.

Словарный матеріалъ въ говорахъ западной половины малорусской т ритори (начиная отъ западныхъ частей Подолья и Волыни и отъ Гродненск губ.) изобилуетъ полонизмами, а въ говорахъ карпатскихъ и угорскихъ, кр полонизмовъ,—и словацизмами [1]).

[1]) Мы не имѣемъ ни одной удовлетворительной грамматики малорусскаго нарѣч Большая часть трудовъ по грамматикѣ этого нарѣчія принадлежитъ Галичанамъ (лучш учебники—Головацкаго, 1849 г., и Огоновскаго, 1889 г.; главные труды по м лорусской діалектологіи—«Розправа о языцѣ южно-рускомъ и его нарѣчіяхъ», Го

А. Сѣверно-малорусское поднарѣчіе.

Сѣверно-малорусскіе говоры, за немногими исключеніями, принадлежатъ къ числу или переходныхъ, или смѣшанныхъ, или—вмѣстѣ—и переходныхъ, и смѣшанныхъ. Они обыкновенно или составляютъ переходную ступень отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому и отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ южно-малорусскому, или заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ бѣлорусскими чертами, примѣсь чертъ южно-малорусскихъ.

Главныя особенности разнообразныхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ — дифтонги *уо*, *уэ*, *уи* и т. п. или *у*, *ю*, *и* на мѣстѣ древнихъ и великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, дифтонгъ *іе* или *е* (рядомъ съ *і*) на мѣстѣ древняго *ѣ*, южно-малорусскаго *і*, болѣе или менѣе частое твердое *р* на мѣстѣ древняго мягкаго *р*, постоянно твердые шипящіе. Сверхъ того, эти говоры, повидимому (наши свѣдѣнія, къ сожалѣнію, крайне скудны), отличаются бо́льшею твердостью всѣхъ вообще согласныхъ, чѣмъ говоры южно-малорусскіе.

Изъ мелкихъ особенностей большей части сѣверно-малорусскихъ говоровъ можно отмѣтить отсутствіе *я* изъ *є* въ формахъ им. - вин. ед. средн. рода, которыя звучатъ: весіль*є*, весіл*е* и т. п. (не: весілл*я*, весі*ля*), отсутствіе *о* въ куп*о*вати (если нѣтъ *у* изъ *о* неударяемаго: *у*го̀нь = огонь) и отсутствіе стяженія *ає* въ *а*: ду̀м*ає* (не: ду̀м*а*).

Говоры значительной части малорусской территоріи Черниговской губ.—говоры переходные.

Говоръ Городненскаго уѣзда [1]) акаетъ, по-бѣлорусски: м*а*я̀, д*а*ро̀га, к*а*ва̀ль. Онъ имѣетъ еще: *і* на мѣстѣ южно-малорусскаго *и*, спорадически: свінн*я̀*, везал*і* (= вязали), *е* вмѣсто *я*, тоже спорадически: *е*къ (= укр. якъ), *е*кій (= якій), *е*рина̀ (= ярина), особенно въ исходѣ словъ: до̀л*е* (им. ед.), баю́с*е* (1 л. ед.), байтьц*е* (3 л. мн.), также щ*а̀*ст*е*, чита̀нн*е* (им. ед.), формы им. ед. муж. р. прилагательныхъ на *и* (не на *ий*): до̀бр*и*, формы неопредѣленнаго наклоненія только на *ть* (не на *ти*). Что̀ именно слышится въ немъ на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, мы не знаемъ; записано: в*у*нъ (= онъ), к*у*нь (= конь), стару̀начка, галу̀вачка, тю̀тка (тетка), утю̀къ (= утекъ), серпу̀въ, канюв̀ъ (род.), серпу̀мъ, канюм̀ъ (дат. мн.), но во всѣхъ этихъ словахъ и вообще вездѣ подъ удареніемъ должно слышаться

---

[1]) Черниговск. Губернск. Вѣдомости 1860 г. № 4; Основа 1862 г. № 10, ст. «Изъ Городнецкаго уѣзда».



не *у*, а какой-либо дифтонгъ (простыя *у*, *ю* только въ слогахъ безъ ударенія), вѣроятно, дифтонгъ *уэ* [1]). Точно также намъ остается неизвѣстнымъ, что̀ слышится на мѣстѣ *ѣ*; матеріалы изъ Городненскаго у. на мѣстѣ *ѣ* имѣются только *і* и *е*. Еще въ этомъ говорѣ отмѣчены: формы мѣстн. ед. у некру̀цкаму наборі, род. мн. женск. р. жа̀бау̌, птіцау̌, неопредѣленнаго накл. *буть*; мѣстоименіе *шо*; формъ дат. ед. на *ови* или *обі* и дат. мн. муж. ср. р. на *амъ*, въ родѣ серп*а̀мъ*, въ немъ нѣтъ (формы дат. мн. только на *умъ*).

Говоры уѣздовъ Черниговскаго, Сосницкаго, Новгородсѣверскаго и Остерскаго [2])—говоры также болѣе или менѣе акающіе. Которые изъ нихъ имѣютъ дифтонги, которые не имѣютъ, мы не знаемъ.

Одинъ говоръ Сосницкаго уѣзда, повидимому, очень богатъ дифтонгами. Въ немъ отмѣчены дифтонгъ *уэ*, *юэ* на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і*, и дифтонгъ *іе* (съ преобладаніемъ второй части звука) [3]) на мѣстѣ ударяемаго *ѣ*: б*іе*съ (бѣсъ), д*іе*дъ, д*іе*ло (дѣло), а иногда и неударяемаго: на доро̀з*іе*, до̀л*іе*, д*іе*у̌ча̀та, л*іе*со̀къ [4]), хотя обыкновенно при отсутствіи ударенія *ѣ* = *е*: бежи̌шъ, сенцо̀, беда̀. Тотъ же дифтонгъ является также на мѣстѣ великорусскаго *е*, южно-малорусскаго *і* въ словахъ въ родѣ с*іе*мъ (семь). Въ другомъ говорѣ того же уѣзда отмѣчено *у* на мѣстѣ ударяемаго *о*, *е*: в*у*нъ, жиду̀у̌, жу̀нка, но едва ли вѣрно (вѣроятно, черезъ *у* переданъ дифтонгъ), и сочетаніе *ǰі* на мѣстѣ ударяемаго *ѣ* (или какой-нибудь дифтонгъ съ преобладаніемъ второй части звука): в*ǰі*теръ, в*ǰіе* [5]), замѣняемое нерѣдко простымъ *і*: діти (им. мн.), собі; сверхъ того, въ этомъ говорѣ *і* и *е* на мѣстѣ неударяемаго *ѣ*: ді̀тѐй (род.), до̀брюі (род. ед.), до̀брие (им. мн.); также зілье. О другихъ особенностяхъ говоровъ Сосницкаго у. мы почти ничего не знаемъ; но въ нихъ нерѣдко твердое *р*

---

[1]) «Второй дифтонгъ нашего (черниговскаго) говора—*уо*. Его произносятъ протяжнѣе обыкновеннаго, сильно относя нижнюю челюсть въ сторону; въ немъ какъ-бы смѣшаны *у* и *о* склоняющееся то къ *э*, то къ *ы*: въ Сосницкомъ, Черниговскомъ, Городнецкомъ уѣздахъ—болѣе къ *э*, въ Козелецкомъ, Борзенскомъ—болѣе къ *ы*». Дифтонгъ возможенъ только подъ удареніемъ: к*уо*лъ, но коло̀къ, коне́ць, к*уо*зка, пор*уо*гъ, г*уо*лле (укр. гілле), т*юо*тка, н*юо*съ (несъ), *юой* (сй). Изъ записки Н. Н. Бордоноса.

[2]) Черниговскія Губернскія Вѣдом. 1860 г. № 4; Основа 1862 г. № 10 (статья: «Изъ Городнецкаго уѣзда»). Авторъ этихъ статей (если не ошибаемся, они принадлежатъ одному лицу) видитъ въ говорахъ Городненскаго и этихъ четырехъ уѣздовъ одно цѣлое.

[3]) По словамъ Бордоноса, этотъ дифтонгъ «произносится рѣзко и на слухъ представляетъ какъ бы сліяніе *ь* и *ѣ* или *и* и мягкаго *е*»

[4]) По словамъ того же лица, «въ концѣ словъ неударяемый дифтонгъ теряетъ долготу и переходитъ въ мягкое *е* съ легкой примѣсью *і*».

[5]) Этнографич. Сборникъ, I; Потебня, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи (Филологич. Зап., 1870 г.), стр. 108. Оба автора пишутъ *ьи*. Бордоносъ заявляютъ, что подобнаго дифтонга въ Сосницкомъ уѣздѣ онъ не слыхалъ.

вмѣсто мягкаго: царъ, цара̀ (повидимому, непостоянно: ударя̀е), встрѣчается *е* вм. *я* и употребительны формы имен. ед. на *и*: до̀бр*и*, даже ду̀обр*и*.

Говоръ Остерскаго уѣзда имѣетъ дифтонгъ у̑*и* (или у̑*і*) на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*: стару̑*и*нка, жу̑*и*нка [1]), иногда переходящій въ простое *и*: в*и*нъ (онъ, южно-малор. вінъ), и дифтонгъ *іе* на мѣстѣ *ѣ*: міеша (мѣшаетъ), иногда переходящій въ *і*: віра. Еще отмѣчено (кромѣ аканья, повидимому, спорадическаго): хлоп*ця*, *лле* (= льетъ), *в'яжу* (= вяжу), озватьсе (= озваться), на*ю*чу (= научу), ф. неопредѣл. накл. на *ть* (но: тяг*ти̂*). Повидимому, въ этомъ говорѣ есть заимствованія изъ южно-малорусскаго поднарѣчія: тiлько.

Говоры уѣздовъ Глуховскаго и Кролевецкаго также болѣе или менѣе акаютъ.

Говоръ с. Локотковъ, Глуховскаго у. [2]),—«смѣсь литовскаго (т. е. бѣлорусскаго) съ малорусскимъ». Аканье—спорадическое: в*а*да̀, ч*а*ловекъ, сн*о*по̀къ [3]); рядомъ съ *е* малорусскимъ—*е* и (безъ ударенія) *і*: послу̀хайте, земля̀, прілітела; рядомъ съ *и* малорусскимъ—*і*: вод*и̂*ті, труб*и̂*ті (неопред. н.); мѣсто *ѣ* занято то *і*, то *е*, *е*: слідъ, вікъ, місяць, нед*е*ля, гн*е*вѝть, послѣ *р*—даже *и*: гр*и̂*ю (= грѣю); *р* обыкновенно твердо: тр*а*сца (но: господаря̀). На дифтонги нѣтъ указаній; отмѣчено: м*и*й (мой), ж*и*нка, п*у*дъ заметомъ, п*у*дъ Міхайл*о*у̑ку. Еще: І*лля*, пле*тт*ю (твор. ед.), волос*се* (им. ед.), смел*и* хлопецъ (им. ед.), покойн*и* дідъ, нос*е*, ход*е* (3 л. ед.), въ усимъ родомъ (бѣлоруссизмъ).

Говоръ мѣстечка Понорницъ, Кролевецкаго у.,—также съ спорадическимъ аканьемъ: в*а*но̀ (= оно), д*а*несу̀, п*а*сто̀й (повел. н.), *а*тту̀ля, ч*а*л*а*векъ (но: позненьк*а*, р*а*спита̀емось и т. п.); даже: на дв*у*рѐ = на дворѣ; онъ имѣетъ на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і* дифтонгъ *ы*у̑, съ преобладаніемъ второй части звука: в*ы*у̑нъ (онъ, южно-малор. вінъ), р*ы*у̑вня (ровня), в*ыу*зъ (возъ), ст*ыу*лъ (столъ), пар*ы*у̑гъ, п*ы*у̑у̑начъ (полночъ), пан*ы*у̑у̑ (род. мн.), у пуст*ы*у̑й хаті [4]) (рядомъ съ *о*: пастой, по-

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1854 г., № 8. Авторъ передаетъ этотъ дифтонгъ черезъ *уй*. У Рудченка, Народныя южно-русскія сказки, II (Кіевъ, 1870), одна сказка, № 18, записана въ Остерскомъ уѣздѣ, но не на мѣстномъ говорѣ.

[2]) Въ 38 верстахъ отъ Глухова, въ 28—отъ Новгородсѣверска. Записки Черниг. Губ. Стат Комит., кн. I, 1866. Матеріалы очень плохо записаны.

[3]) Даже, будто бы: попровляю, устова̀ть.

[4]) Черн. Губ. В. 1854 г. № 17. Авторъ передаетъ этотъ дифтонгъ черезъ *ыу* (ошибкою, вмѣсто *уы*?). Матеріалы, изданные здѣсь и перепечатанные у Рудченка, Народныя южно-русскія сказки, I, № 41 (Кіевъ, 1869), и отсюда, съ замѣчаніями, у Потебни, Замѣтки, стр. 110,—записаны дурно. Текстъ изъ мѣстечка Воронежъ, Кролевецкаго у., изданный Драгомановымъ въ «Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ», Кіевъ, 1876, стр. 52, какъ и большая часть текстовъ этого сборника, записанъ еще хуже (можно отмѣтить лишь: кр*у*зь полу, п*у*дійме).



вел.), а на мѣстѣ неударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і*— иногда простое *у*: п*у*тъ плотомъ; мѣсто *ѣ* въ немъ чаще всего занято *і*: світъ, діло, па щецi, вiстимо, также: весiлля (рядомъ: чалавекъ, ведьма, зелле). Сверхъ того: *е* (=*е*?) вмѣсто *я*: даветь (3 л. мн.), пуднели (подняли), въ *е*ыуй кунпанiи, згадаецце; *лн* вм. *льн*: во*лн*о. Еще: ёго, ёму, сёго, ўсёго, весi*лля* (им. ед.), ўга*лле* (им. ед.), пахо*дж*ае, *дз*вонокъ; формы: им. ед. муж. дôбр*и*, те*й*, род. ед. смерт*и*, добра*і*, им. мн. усяк*е* (= всякіе), 1 л. мн. на *мо*, 3 л. ед. адвiч*а* (= отвѣчаетъ), дум*а*, неопред. наклон. на *ть*: договарува*ть*; префиксъ *ві* = вы: вiтти (= выйти).

Говоръ мѣстечка Мрина, Нѣжинскаго у., почти на границѣ Нѣжинскаго и Козелецкаго уѣздовъ, имѣетъ спорадическое аканье («въ немногихъ словахъ»): г*а*рiлка, зар*а*дй (=зароди, повелит.), благ*а*дарйть, и дифтонгъ *уы*, являющійся какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: к*уы*нь, м*уый*, во*у*к*уы*ў (=волковъ, род. мн.), п*уы*дъ гôродомъ, ж*уы*нка, по б*уы*льщ*уы*й части, н*ю*исъ (=нёсъ), т*ю*итка (тетка), *ю*ий (ей), даже: ноч*уы*вать, рядомъ съ весiлле, пiчъ (=веселье, печь), *і* на мѣстѣ *ѣ*, рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *е*: бежйшь, петýхъ, бедà, стр*е*чае, спорадическое *е* на мѣстѣ *я*: *е*йцé, деве*т*й (род.,=девяти), твердое *р*: *ра*дъ (=рядъ), вече*р*àти, тепé*ра* (рядомъ съ вече*ря*ти, тепе*ря*), *вья* вмѣсто *вя* и т. п.: *вья*ну, iм*ья*, даже *мня*со, iм*ня* (=имя), двойные мягкіе гласные: насi*нн*е, весi*лл*е (съ *е* въ формѣ им. ед.), *дж* вмѣсто *ж* изрѣдка: хо*дж*ў, *ц* вмѣсто *ти*, *ци*: остав*ц*я (3 ед.), мôля*ц*я (3 мн.) и т. п. Формы: им. ед. муж. р. на *ий*, род. ед. мого. Сверхъ того: на *ю*лицi, *ю* лесi, *ю*сi (=въ лѣсѣ, всѣ), *е*нъ (=онъ) и т. п., род. мн. люд*ей* и т. п., тв. мн. плечй*ма* и кур*ма* (рядомъ: плечà*ми*, кур*ми*=курами), буд. ходити*му*, неопр. н. на *ти* (рядомъ на *ть*). Наконецъ, въ нѣсколькихъ словахъ, заимствованныхъ изъ южно-малорусскаго поднарѣчія,—*і*: вiконце, голiвонька [1]).

Говоръ мѣстечка Олишевки, Козелецкаго у., «отличенъ отъ чисто малороссійскаго, но нисколько не похожъ и на литовскій» (т. е. бѣлорусскій). Въ немъ нѣтъ аканья, а дифтонгъ на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і* звучитъ какъ *ыу*: б*ыу*гъ, м*ыу*й, в*ыу*льни, замѣняясь иногда черезъ *у*: утюкъ, лебедюў (род. мн.); но: пiчъ (=печь). Мѣсто *ѣ* «почти всегда» занято *і*; *я* «въ нѣкоторыхъ случаяхъ» замѣняется черезъ *е*: *е*къ, *е*кй; формы им. ед. муж. на *и*: в*ыу*льн*и*. Еще: формы буд. вр. писати*мемо*, ходити*мемо*, неопред. накл. на *ти* (рядомъ на *ть*) [2]).

Говоръ села Красиловки, того же уѣзда, повидимому, одинаковъ съ оли-

[1]) Вѣстникъ славянства, Качановскаго, кн. VII, 1892.

[2]) Черн. Г. Вѣд. 1854 г. № 22 и сл. Авторъ передаетъ дифтонгъ черезъ *ъу* (ошибкою, вмѣсто *уъ*?).

шевскимъ: то же отсутствіе аканья; тотъ же дифтонгъ *ыу*: дв*ыу*ръ, в*ыу*нъ, к*ыу*ньска голова, т*ыу*льки, ж*ыу*нка, даже: у н*ыу*чі, появляющійся даже безъ ударенія: велик*ыуй* (дат.-мѣстн. ед. ж. р.), хотя обыкновенно въ неударяемыхъ слогахъ слышится *у*: п*у*дкуплю (подъ удареніемъ: своюй доцці, дат. ед. ж. р.); то же *і* на мѣстѣ *ѣ* (п*і*чъ=печь); то же спорадическое *є* на мѣстѣ *я*: *є*къ, *є*кого. Еще: знахор*ыуу*, род. мн., рядомъ съ веч*еря*ти, г*рі*зу (=грызу), м*н*ясо (=мясо), і*лл*ю (=лью) [1]).

О говорѣ села Рудьковки, того же уѣзда, можно сказать то же самое; отмѣчено: в*у*нъ, т*у*лько, жунка, на т*уй* жердоцці, даже: м*у*хъ=мохъ (черезъ *у*, очевидно, переданъ дифтонгъ), соб*і*, чолов*і*къ, е*і* (род.) и т. п., рядомъ съ *бе*ж*і*гъ, мешокъ (п*і*чъ=печь), неопр. накл. на *ть* [2]).

О говорахъ Борзенскаго у. наши свѣдѣнія ничтожны. Въ текстахъ, записанныхъ на хуторѣ Николаевкѣ, мы читаемъ: *би*льша, *зи*бравъ (=собралъ), даже р*и*тъ=ротъ, но: на голлі (ю.-малор. г*і*лля); чоловікъ, хл*і*бъ, утікъ (прош.), ж*і*нка [3]). Еще: формы им. ед. муж. р. на *ий*, дат. ед. на *ові*, 3 л. ед. на *е* вмѣсто *ить*: прос*е*, ход*е*.

Говоръ той части Конотопскаго у., которая прилегаетъ къ уѣздамъ Сосницкому и Борзенскому, повидимому, не имѣетъ дифтонговъ.

Данныя изъ мѣстечка Батурина указываютъ на *и* и *у* на мѣстѣ великор. *о*, южно-малорусск. *і*: н*и*чъ (=ночь), г*и*рко, т*и*лько, по одн*ий* дорозі, той царіуні, п*у*дъ деревомъ, п*у*дъ вечоръ, п*у*дкормить, повор*у*хнецця; на *і* изъ *ѣ*: соб*і*, і*і* (род. ед.), также: нісъ=несъ, на спорадическое *є* изъ *я*: *є*йце, на твердое *р*: веч*ера*ю; но: веч*еря*ти, ца*рь*, ца*ря*. Еще: тер*пъ*ячий, при пяна (=пьяна), формы им. ед. муж. на *ий*, им. ср. р. похмілл*є*, дат. мойму. Наблюдатель говоритъ: нарѣчіе, «можно сказать, — чисто украинское. Отличительная черта: въ выговорѣ замѣтна твердость, несвойственная другимъ мѣстамъ Украины, напримѣръ, Полтавской губ. Тамъ, напримѣръ, говорятъ: в*і*зъ, а здѣсь: в*и*зъ» [4]).

Говоръ другой части того же уѣзда еще ближе къ южно-малорусскому

---

[1]) Черн. Г. В. 1855 г. № 17.

[2]) Рудченко, Сказки, I, №№ 8 и 22; Потебня, Замѣтки, стр. 107.—Довольно подробное описаніе договора с. Рудьковки, Остерскаго у., составленное Новицкимъ (которымъ записаны сказки №№ 8 и 22 въ сборникѣ Рудченка), помѣщено въ Трудахъ Чубинскаго, VII, стр. 598. Его данныя нѣсколько расходятся съ данными текстовъ; напримѣръ они, указываютъ на глухой гласный (ъ) на мѣстѣ вр. *о*, ю.-м. *і*: вънъ очевидно, Рудьковка Козелецкаго у. то же село, что Рудьковка Остерскаго.

[3]) Рудченко, I. №№ 2, 24. Здѣсь, рядомъ съ *и* на мѣстѣ *о*, *е*, также *і* (ошибочно?), більше, пішла. Въ этомъ сборникѣ (II, №№ 3, 13) еще два текста, записанныхъ въ Борзенскомъ у., но повидимому, не на мѣстномъ говорѣ.

[4]) Черн. Губ. Вѣд. 1860 г. №№ 15, 16, 17. Матеріалы перепечатаны у Рудченка, Сказки, I, № 72, II, № 35.

или даже уже южно-малорусскій. Такъ, въ с. Голёнкѣ онъ «составляетъ переходъ отъ твердаго къ такъ называемому степовому, или полтавскому. Здѣсь можно услышать: *вi*нъ, *скi*лькі, *стi*лькі» (тогда какъ ближе къ Борзенскому и Сосницкому уѣздамъ: в*и*нъ, ск*и*лько, ст*и*лько). Однако отмѣчено: далеб*у* (=укр. далеб*і*). Еще: г*а*рілка, *є*йцó, ср*і*те*нне*, мід*і* (род. ед.) [1].

Въ говорѣ мѣстечка Борисполь, Полтавской губ., на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, слышится дифтонгъ *уы*: в*уы*нъ, к*уы*нь, ж*уы*нка, в*ю*ы*ў* (велъ), сво*ю*ый [2], а на мѣстѣ тѣхъ же звуковъ неударяемыхъ—*ы* и (рѣже) *у*: нà нычъ, ў тый хàті, въ велйкый пригоді, сват*ы*ў (род. мн.), п*у*дъ нычъ (=подъ ночь), рядомъ съ *і*, несомнѣнно заимствованнымъ изъ южно-малорусскаго поднарѣчія: г*і*рко, пор*і*гъ, бок*і*ў (род.), *ій* (дат.). Мѣсто *ѣ* занято звукомъ *і*: *л*ісъ, и изрѣдка безъ ударенія (послѣ губныхъ и *р*) *е*: *бе*жйть, *ве*нчàти, *ве*нéць, заст*ре*лю. Мѣсто великорусскаго *и* занято, кромѣ звука *и* (или *ы*?), еще, въ небольшомъ рядѣ словъ, звукомъ *і*: з*і*ма, випуст*і*ў, даже: ут*і*кти. Рядомъ съ *е*, вмѣсто него, встрѣчается *и* (неударяемое): *жи*нў (= жену, 1 л. ед.), *ли*тйть (3 л. ед.), и *є*: день. Затѣмъ: *у* вмѣсто неударяемаго *о*: чоловік*у*ві, мàч*у*ха; твердое *р*: косàръ, вечéр*а*, цар*уы*ўна (рядомъ: прядў, вірять, 3 л., рятувàти); *дж* въ *седжў* *дз*; въ *дз*еркало; мягкіе шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: бі*ж*ять, кри*ч*ять, пи*щ*ять; *лн*, *лк* вмѣсто *љн*, *љк*: си*лн*о, ту*лк*и. Еще: двойные согласные: весі*лля*, пла*тт*е, зъ р*ужж*я (рядомъ: весі*лье*, пла*ть*е, сви*ня*, тре*тю*, вин. ед., *с*яе = сіеть, проси*ця*, 3 л. ед.), даже *ззі*мъ, рядомъ съ *зьі*мъ (=съѣмъ). Формы: им. ед. муж. р. на *ий*, род. ед. печ*і*, граз*і*, печат*і* (но: смерт*и*), *тоеі*, *туєі*, *теі*, *туиеі* (при *тоі* =той), *цéві*, *всієі*, дат. ед. бог*ові* и т. п., матер*і*, мѣстн. на печ*і* (но: у осен*и*), твор. *тоєю*, *туєю*, *усією*, им. мн. здоров*і*, як*і*, оч*і*, двер*і* (но: вин. мн. у груд*и*), тв. мн. грош*има*, 3 л. ед. на *тъ* и *ть*: роби*тъ*, побач*е*, слух*а*, 2 л. мн. повелит. накл. іді*ть* и іді*тъ*, буд. бити*му*, возвр.

---

[1] Черн. Г. Вѣд. 1860 г. № 46. Покойный М. А. Туловъ указываетъ въ «сѣверныхъ уѣздахъ» Черниговской губ. существованіе, на мѣстѣ великорусскаго *о*, южно-малорусскаго *і*,—звука, который не похожъ ни на *і*, ни на *и* (*ы*) и есть смѣшанный, возникающій, подобно французскому u, въ словахъ, напримѣръ, munir, и нѣмецкому ü въ словахъ, напримѣръ, Brüder, Mühle, при томъ положеніи языка, котораго требуетъ звукъ *і*, и при такомъ положеніи губъ, какого требуетъ звукъ *у*. Только французское u представляетъ смѣсь небнаго *і* съ *у*, а малорусское (въ словѣ нісъ=носъ)—смѣсь гортаннаго *и* съ *у*». Филологич. Записки 1879 г., вып. 4—5, стр. 20. Этотъ звукъ не тотъ ли, который у насъ ниже передается черезъ *ю* (вюзъ=возъ и др.)?

[2] Труды Чубинскаго, II. Рядомъ съ *уы* мы находимъ здѣсь *уо*: п*уо*пъ (стр. 110), и *юи*: п*юи*пъ, н*юи*чъ (стр. 422). Точность записи оставляетъ желать лучшаго. Еще: Труды, VII, 591.

зал. звінчались и звінчались. Наконецъ: дифтонгъ *уы* въ отдѣльныхъ словахъ слышится вмѣсто *и:* н*уы*ва (=нива), за н*уы*мъ, хвост*уы*къ, также въ зá*муыж*ъ, поб*юы*гъ (прош. вр.).

Говоръ м. Хабнаго («Хабне»), Кіевской губ., Радомысльскаго уѣзда, очень близокъ къ говору бориспольскому. Тотъ же дифтонгъ *уы:* в*уы*нъ, м*уы*й, т*уы*й дорозі, корол*юы*ўна, *юы*й (=ей) [1]), переходящій иногда въ простыя *ы* и *у* и подъ удареніемъ, и особенно безъ ударенія: в*ы*нъ (=онъ), одн*ы*й, другый (дат. ед.), привъ*юз*ъ, сво*юй* (дат.), п*у*тъ тѝномъ, п*у*дошдỳ, рядомъ съ которымъ заимствованное изъ южно-малорусскаго поднарѣчія *і:* вінъ, тілько, паніў (род.), *лі*гъ (=легъ), *ій* (=ей), и изрѣдка заимствованное изъ бѣлорусскаго *о:* *бо*гъ, на гни*ло*мъ дубі. На мѣстѣ *ѣ*—*і* (также: весілля) и изрѣдка, безъ ударенія (особенно послѣ губныхъ и *р*),—*е:* *бе*дá, застр*е*лю̀, чòрние. На мѣстѣ *и* (или *ы*?) изрѣдка *і:* кіну (1 л.), за сѝнімъ моремъ, даже: жінити =женить). Еще: спорадическое *е* вмѣсто *я*: *е*кѝ, схов*а*ўс*е*, бѝтис*е*, куп*а*тц*е* (неопред. н.), даже бач*е*тъ (3 л. мн.); твердое *р:* уп*ра*мъ (=упрямъ), т*ро*мъ (дат.), зва*ру* (=сварю), ца*р*ъ (при: звір*ря*, род.); очень рѣдкое *дж:* *седжу̀*; твердое *ц* въ концѣ словъ: хлоп*ц*ъ, рушн*и*цы (род. ед.), рядомъ съ мягкимъ: гарн*ець*, купц*я̀*, смієт*ця*); двойные мягкіе согласные: ко*лос*ся, весі*лл*я (им. ед.), при сипле*ца* или сипле*ця* (3 л.). Формы: им. ед. на *и*: дòбри, род. *е*гò (не ёго), мо*е* (=моей), *тое*і, дат. ем*у̀* (но ўсёму), мѣстн. у о*чі*, им. мн. гост*і*, твор. мн. тро*ма* дітьми, 3 л. на *тъ:* проси*т*ъ (рядомъ на *ть*?) 2 л. мн. на *т*ъ (рядомъ съ *те*): пі*т*ъ (=пейте), неопред. накл. на *т*ъ: купѝ*т*ъ, купов*а*тъ (рядомъ на *ти*), возвратн. зал. не только на *ся (ця)* и *се (це)*, но и на *са:* обещаўса; наконецъ, древнія формы двойств. ч.: дві хат*і*, дві руц*і*, чотири коров*і*.

Говоръ м. Горностайполь, того же уѣзда (на юго-востокъ отъ Хабнаго), повидимому тотъ же, что и говоръ Хабнаго. Дифтонгъ *уы:* н*уы*съ (=носъ), *юы*й, но к*уо*пъ (род.), при вінъ, пойду, привъёзъ (=привезъ); *і* и *е*, *е* на мѣстѣ *ѣ:* бідни, обедъ, пес*о*къ; спорадическое *е*, *е* на мѣстѣ *я:* пòесъ, бьетц*е*, див*е*тц*е*, ход*е*тъ, роб*е*тъ (3 мн.); твердое *р:* гово*ру*, бу*ро*ю (тв.), бонда*ръ;* рѣдкое *дж:* си*дж*у. Формы: им. ед. на *и*, род. ёго, моі (=моей), дат. ёму, мо*і*, 3 л. на *тъ*, 2 л. мн. повелит. н. на *тъ* (рядомъ на *те*): пі*т*ъ, неопр. накл. на *тъ* (рядомъ на *ти*): купова*т*ъ. Еще: ход*о*тъ и ход*а*тъ (3 л. мн.) [2]).

---

[1]) Тамъ-же, II и VII, стр. 540. Рядомъ съ *уы* встрѣчается и *уо:* к*уо*пъ (род. мн.).
[2]) Тамъ же, VII, стр. 539.

Говоръ с. Чаповичи, того же уѣзда, имѣетъ дифтонги *уы* и *уо:* р*уы*мни (=ровный), н*уо*сь, при привъ*ѐ*зъ, *і* и *е* на мѣстѣ *ѣ:* *бі*да́, ме*шо́*къ, стена́, чо̀рние, є, *е* вмѣсто *я*: пòесъ, ходетъ, твердое *р*, *въі* вмѣсто *ві*: *объі*дъ (=обѣдъ), мягкое *ц* въ концѣ словъ. Формы: им. ед. на *и*, род. *є́*го, моє, 3 л. на *тъ*, 2 л. повел. н. на *тъ*, неопр. на *тъ;* формы дат. и мѣстн. ед. могутъ имѣть гортанный: по голов*кі;* формы возвр. з., повидимому, могутъ оканчиваться на *са:* диві*тса* [1]).

О разнообразныхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ волынскаго Полѣсья наши свѣдѣнія недостаточны, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія описаній звуковъ этихъ говоровъ.

Данныя изъ Ласковской волости, Овручскаго уѣзда, таковы: дифтонгъ *уы* на мѣстѣ великорусскаго *о* (*е*), укр. *і*: м*уы*й, к*уы*нь, в*юы*зъ (=везъ), рядомъ съ *і*: в*і*нъ; *і* и *е* на мѣстѣ *ѣ*: б*і*лы, брови чорныє, мешокъ, стена̀; *є* и *е* изъ *я*: пòєсъ, хо*де*тъ, но: *лежа*тъ (3 л. мн.); твердое *р*; твердое *ц*; *дж*; формы им. ед. муж. р. на *ы*, род. ёго, дат. мо*йму*, им. мн. чорн*е* волосы, 3 л. на *тъ*, 2 л. мн. повел. н. на *тъ* (пы*тъ*, бы*тъ*), неопред. н. на *тъ* (но: пе*кты*), двойств. ч. дві ру*ці*, дві корові. Далѣе, рядомъ: ход*ы*ў, пект*ы* (неопр. н.) и *си*ну (зват. отъ сынъ), *би*тъ (=бить, неопр.), съ двумя разными звуками [2]).

Данныя изъ другой, неизвѣстной намъ мѣстности того же уѣзда (вѣроятно, сѣверной его части), еще болѣе неполныя, чѣмъ вышеизложенныя, указываютъ только на звукъ *и* (или *ы*?) на мѣстѣ ударяемаго великор. *о*, укр. *і*: біс*и*ў (род. мн.), рядомъ съ нерѣдкими *і*: в*і*нъ, и *о* (бѣлорусскимъ): вонъ (=онъ), чорт*о*ў (род. мн.). Этотъ говоръ имѣетъ *і*, *є*, *е* на мѣстѣ *ѣ*: чолов*і*къ, лесъ, ў свет*і*, *бе*жить, дòбриє (им. мн.), *ц* въ исходѣ словъ то твердое, то мягкое: за̀й*ца* и за̀й*ця*, боя*ция*, формы имен. ед. на *ий* и *и*, 3 л. на *ть*, 2 л. повелит. н. то на *ть*, то на *тъ*, неопред. н. на *ть*. Мѣсто *и* (или *ы*) иногда занято звукомъ *і* (бѣлорусскимъ): свіцу̀ [3]).

Данныхъ изъ сѣверной (лѣсной) части Житомирскаго уѣзда, смежной съ Овручскимъ у., мы почти совсѣмъ не имѣемъ. Извѣстно лишь то, что здѣсь слышится дифтонгъ *уо*: к*уо*нь, в*уо*лъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 541.

[2]) Труды, VII, стр. 541. Необходимо имѣть въ виду, что помѣщенные въ *Трудахъ*, матеріалы и очень дурно записаны, и очень дурно изданы.

[3]) Рудченко, Сказки, I, № 34.—Потебня, Замѣтки, стр. 106.—*Стецкій* говоритъ, что близь Овруча въ *лѣто*, *хлѣбъ*, *сѣно* слышится звукъ средній между *ы* и *і*. Wołyń, I, стр. 256 (Lwów, 1864).

[4]) Труды, VII, стр. 582.

Данныя изъ мѣстечка Корецъ, Новградволынскаго уѣзда: дифтонгъ *уы*: м*уы*й, при *ы*: р*ы*ўня (=ровня), и частомъ *і*: мій, вінъ, прывъізъ (=привезъ); *і*, *є* и *е* на мѣстѣ *ѣ*: тобі, бідà, ведрò, стенà; твердое *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ; формы им. ед. на *ый* и *ы*, дат. ед. на *овы*, 3 л. на *ть*, 2 л. повел. н. на *ть*, неопр. н. на *ть* (и на *ты*). Сверхъ того: *мнясо*, и*мъя* (=имя), пры*вʼі*зъ (=привезъ); щасте, здоровъе (им. ед.); указаній на *дж* вмѣсто *ж* нѣтъ; мѣсто украинскаго *и* занято, повидимому, звукомъ *ы*; польскія формы будущ. вр.: буду робыў (=буду робить) [1]).

Данныя изъ с. Сехи, Ровенскаго уѣзда: дифтонгъ *уы*: м*уы*й, мо*юы*й (дат.), рядомъ съ *ы*: р*ы*вны (=ровный); *і*, *є*, *е* на мѣстѣ *ѣ*: нев*і*ска, б*і*лые, чорны*е*, б*е*дà, ст*е*нà, можетъ быть, даже *и*: хл*и*бъ, сн*и*гъ; спорадическое *є*, *е* изъ *я*: р*е*бы (=рябой); твердое *р*; твердое *ц*; формы им. ед. на *ый* и *ы*, дат. мойму, 1 л. ед. ход*ю*, пу*стю*, ло*мъю*, 3 л. и друг. на *ть*. Сверхъ того: соло*мъ*яный, о*бʼі*дъ (=обѣдъ), здоровъ*я* (им. ед.). О звукѣ, занимающемъ мѣсто украинскаго *и*, можно лишь догадываться, что это *ы* (отмѣчено рядомъ: ход*ы*ў и пект*и*) [2]).

Данныя изъ с. Сарны, того же уѣзда: дифтонгъ *уе́*: м*уе*й, дв*уе*ръ, ст*уе*лъ, дор*уе*женька, яг*уе*донька, к*уе*сточка, прів*юе*зъ (=привезъ), сл*юе*зонька, москал*юе*ў (род.), даже безъ ударенія: черв*уе*нц*уе*ў, рядомъ съ *у* (подъ удареніемъ и безъ ударенія): стўйте, подарк*у*ў, въ ѯр*уй* пшеници, п*у*дъ столецъ, п*у*тперлà, и (рѣдко) съ *і*: на ранн*і*й росыѐ, при *о* и *е* въ ст*о*лецъ, въ *о*всые, мат*е*нка, греб*е*нецъ; дифтонгъ *ые* (*іе*) съ преобладающею второю частью: д*ые*ло, в*ые*къ, в*ые*е, въ с*ые*няхъ, л*ые*тъ (род.), соб*ые*, на двор*ые*, у печ*ые* (=въ печи), мост*ые*те, топч*ые*те (2 л. повел.), зажж*ые*мо, ламл*іе*мо (1 л. повел.), п*ые*чъ (=печь), с*ые*мъ, вес*ые*лье, з*ые*лье, при *е*, *є*, *и*, *і*: д*є*ўкі (им. мн.), у вен*ò*чку, светлiца, б*е*ленькі, засп*е*вàти, м*е*сйти, гр*е*шити, л*є*новатиса, тво*є* коникі (им. мн.), *є*ду, с*и*нож*á*ть, на уліц*и*, матенц*и* (дат.), на дороз*и*, ў стоз*и*, ў город*и* (мѣстн.), на св*ые*т*и*, тоб*і*, ў частокол*і*, на мор*і*, добро*ї* (род.), золоти*ї* (им. мн.), мужн*ії* жони; то твердое, то мягкое *р*: зо*ра*, вече*рà*ю, деве*руе*ў (род. мн.), господа*ръ*, п*рі*везў, за две*рі*ма; твердое *ц*; твердые шипящіе (но: дру*ж*іна, старо*щі*, им. мн., *чі* и т. п.; двойные мягкіе согласные: пла*тт*є (им. ед.), видава*нн*є, жи*тт*я (род.), при: здоро*вя* (род.) зые*лл*є, весые*лл*є (им. ед.); *бъя* вм. *бя* не отмѣчено (*вя*ну); *дж* также не отмѣчено; *ы* (не въ дифтонгѣ) нѣтъ; формы: им. ед. на *ий* и *и* (послѣ гортанныхъ на *і*: беленьк*і*), род. ед. то*єі* (при то*і*), дат. на *ови*, *мные*, мойму, мѣстн. ў печ*ые*,

---

1) Труды, VII, стр. 542; Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, Кіевъ, 1876, стр. 345.

2) Труды, VII, стр. 543.

им. мн. орлѓ, купцые, твоє гості, твор. дверіма, 1 л. ед. просю, 3 л. на тъ, 2 л. ед. повел. написа (=напейся), 1 л. мн. повел. зажжыемо, ламлѓемо, 2 л. мн. мостыете (=мостите), неопр. ўтекти, возвр. з. на са: крийса, хваліўса, ростилавца (всегда съ однимъ ц); що и шо. Сверхъ того, постоянно: і вмѣсто и послѣ гортанныхъ, л, р, ж, ч: нѓгі, ворогі, ласкѓ (род.), кѓдаю, свекрухѓ (род.), калѓна, лѓстъ, булі, далѓ, прѓвезу, на морѓ, дружѓна, свыечѓ (им. мн.), збираючѓ; мягкіе гортанные и л передъ е: окенце, однѐньке (им. ед.), быеле лічко, міле, белесенькі, доленька; отдѣльные случаи аканья: гарыелка, прівѐзяно. Наконецъ: помѐне (=помянетъ) [1]).

О говорѣ жителей с. Каменнаго, того же уѣзда, мы знаемъ лишь то, что онъ—«твердый, съ преимущественнымъ преобладаніемъ удареній на твердыхъ гласныхъ», и что слово хлѣбъ въ немъ звучитъ «хлыибъ» [2]).

Данныя изъ окрестностей с. Любомль, Владимирскаго уѣзда, показываютъ, что мѣстный говоръ очень близокъ къ говору Пинчуковъ и имѣетъ: у, ы и і рядомъ на мѣстѣ великор. о (е), укр. і: муй, двуръ, тулько (также: прынюсъ=принесъ), нычка, бісыў сынъ, кѓнь (=конь), гѓлье, подкѓўка; ѓ, є, е (послѣ р, ц—также ы) на мѣстѣ ѣ: колѓно, сѓно, мнѓ (дат.), горылка, по светліцы, віўцы (им. мн.), поеду, повеваѐ, мне (дат.), ве (род.), білые (им. мн.), отвѐдаю, на рѐчцы, на дворѐ (также: сѓмъ=семь, зелье); сохраненное л въ концѣ формъ прошедшаго врем.: былъ, зослалъ (рядомъ съ ў: быў); твердое р; твердое ц (не всегда: мамьцю, вин. ед.); твердые

---

1) Волынскія Губ. Вѣдомости 1880 г. №№ 2—8. Издатель напечатанныхъ здѣсь свадебныхъ пѣсенъ сообщаетъ, что «звукъ, соотвѣтствующій русскому ы, но выговаривающійся мягче послѣдняго» имъ переданъ черезъ ы, и что дифтонгъ уе произносится «какъ ве», но что онъ передалъ его черезъ уе, «потому что этими буквами правильнѣе выражается народное произношеніе». Онъ пишетъ вмѣсто ые, іе—ъе, ье, что указываетъ на преобладаніе въ дифтонгѣ второй его части.

2) Кіевское слово 1887 г. № 110, корреспонденція изъ с. Каменнаго. — Къ Ровенскому уѣзду относится еще слѣдующее. «Господствующій на Полѣсьѣ языкъ—малороссійскій, въ разныхъ его видоизмѣненіяхъ. Замѣчательно, что чѣмъ ближе мѣстоположеніе къ Волыни, тѣмъ языкъ облагороженнѣе, и напротивъ, чѣмъ далѣе отъ Волыни въ глубь Полѣсья, тѣмъ языкъ тверже, дебелѣй и какъ бы исковерканный. Еще страннѣе, что на близкомъ разстояніи одного селенія отъ другаго, напримѣръ, на пространствѣ 10 верстъ, одно и то же слово произносится не одинаково; напримѣръ, въ с. Яполоти, Ровенскаго уѣзда: хлибъ, ныжъ, сокира; въ с. Студыняхъ, за 8 верстъ отъ Яполоти, говорятъ: хлыбъ, нужъ, сукыра. Въ с. Кричильскѣ, Ров. у., всякое слово произносится весьма мягко, напр., въ клюни хлибъ молотили, цистили и витрили. На рубежѣ Волынской губ. съ Минскою въ произношеніяхъ словъ буквы перемѣняютъ: а на е, я на ѣ и на о; напримѣръ, вмѣсто чай—чей, вм. троячка—троѣчка, вм. много—мниго; во всѣхъ глаголахъ, оканчивающихся буквою я, перемѣняютъ на ѐ или о; напр., снилося, спалося произносятъ: снылосѐ, спалосѐ, или грубѣе: снылосо, спалосо. Во многихъ мѣстахъ употребляютъ слова иностранныя; напр., почти всегда союзъ и замѣняютъ греческою частицею кс въ собственномъ значеніи; напр. йшла Стоця кс Хима, покинь жынку кє диты». Волынск. Губ. Вѣдомости 1859 г. № 15.

шипящіе; *мъя* (=мя, вин. ед.); формы им. ед. на *ый* и *ы* (послѣ *к* на *гй* и *г*: міленькгй, міленькг), род. ед. женск. р. на *ое*, *ее* (мілее) и *ой* (мілой), дат. мойму, мѣстн. ў своёй лихей беді, твор. очыма, трема дорогамі, 3 л. на *тъ*, возвр. з. на *са* (рѣже на *ся*); *що*. Вмѣстѣ съ этими чертами рядъ чертъ бѣлорусскихъ: спорадическіе мягкіе согласные передъ *е*: веде, вернўўсь, *не* мае (при твердыхъ согласныхъ въ *еде* и т. п.); *ы* и *і*: называтi, міли, пгсатг, долгна, лгстъ; рѣже: лыстъ, тыхо, ўлылася (=влилася); изрѣдка мягкія *дз* и *ц*: надзея, ходзі, кіпіць (3 л.), трейцяя (=третья). Еще: сылно (=сильно) [1]).

Данныя изъ с. Великая Глуша, Ковельскаго уѣзда (немного южнѣе Припети, въ сѣверной части уѣзда), таковы, что по нимъ трудно составить себѣ достаточно ясное понятіе объ его говорѣ. Въ немъ отмѣчены только *и* и *і* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і:* мий, рімний (=ровный; также прывізъ, мойй, дат.), при *о:* копъ (род. мн.); но, вѣроятно, есть *ы* и *у*: мый и т. п.; далѣе, въ немъ *і* и *ы* на мѣстѣ *ѣ:* убідъ (=обѣдъ), вітеръ, быда̀, стына̀, при каминь; *у* на мѣстѣ неударяемаго *о:* убідъ, увѐчка, угонь: *е* изъ *я:* мнесо, пьеть, нанеты (неопр. н.); здоровье (им. ед.); формы твор. ед. чорнею, білею, 1 л. ходю, просю, 3 л. на *тъ*, неопр. пекты. Мѣсто украинскаго *и* занято, повидимому, черезъ *ы* [2]).

Говоръ пѣсенъ, записанныхъ гдѣ-то «въ западной части Волынской губ.» Костомаровымъ, имѣетъ рядомъ: *у*, *і* и *о* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і:* муй, вунъ, кунь, двуръ, гуса́руў (род.), матюнка, мій, вінъ, двіръ, явіръ, жінка, воликіў (род.), мой, вонъ (=онъ), конь, ночка; *і* вмѣсто *ѣ* (даже: слізами); твердое *р:* въ нараді, въ мору, не терайте, матіръ, рядомъ: виряжае, кряче, за комор*ю;* двойные мягкіе согласные: обіллешся, рядомъ: нове подвуръе, полёванье, житя, коханя, щастя (им.), здоровъячко; *въя* вм. *вя:* въяжў, румъянець, времъячко, рядомъ: привязати; *дж* (очень рѣдко): ходжў; сохраненное *л* въ горілка, сопілка, пул-копи, столъ. Между формами нѣсколько подольско-галицкихъ: твор. ед. женск. р. милоў (=милою, рѣдко); польскія формы: прош. врем. 1 л. пустила-*мъ*, 2 л. зморозиве-*съ* (=ты сморозилъ), не ўміла-*съ*, сослагат. н. 1 л. би-*мъ* не згасла; формы возвр. з. свої *ся* цурали, якъ *ся* маешъ, где *ся* ўзяла. Еще: дзвінъ, род. червоной, твоей, тей (=той), рядомъ съ теі, тіеі, дат. козакові, мі, молодої бондарувні, 3 л.

---

[1]) Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851, стр. 378 слѣд. - Въ луцкомъ Полѣсьѣ говоръ мягче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Полѣсья, болѣе близокъ къ бѣлорусскому нарѣчію и имѣетъ много оригинальнаго; онъ, между прочимъ, различаетъ по родамъ формы мн. ч. прош. вр.: булі, муж. р., булы, женск. и ср. р., а формы возвр. въ немъ оканчиваются на *сё*: зробылосё. Stecki, Wołyń, I, стр. 256.

[2]) Труды, VII, стр. 548.

ед. перескоче (рѣдко), 2 л. повел. на *ть*, буд. бити*му*, неопр. воло*кти*; формы *мі*, *мя* могутъ быть съ логическимъ удареніемъ [1]).

Говоръ пѣсенъ откуда-то изъ «волынскаго Полѣсья» (вѣроятно, изъ сѣверной его части) имѣетъ: *у* (чаще), *ы*, *і* (рѣже) и *о* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і*: м*у*й, в*у*нъ, ж*у*нка, гребюнка, даже ж*у*ўтый (=жолтый), н*ы*жкі, др*ы*бный, в*і*нъ, др*і*бный, по крутой гор*і*, родненькі (им. ед.), животъ, клёнъ; *і*, *є*, *е*, даже (послѣ *р*) *ы* на мѣстѣ *ѣ*: тоб*і*, нед*і*ля, е*і* (род.), гор*і*лка, б*е*дна, св*е*чы, кры*ве* ногы, св*е*тыла, д*е*тяты, л*е*сокъ, стр*е*ляты, гор*ы*лка, на гор*ы* (мѣстн.); также: п*і*чъ, вес*і*ллечко, кор*ы*нье; твердое *р*: з*о*ра, зві*р*ъ; мягкое *ц* въ исходѣ словъ (но: *це*, не *цє*); двойные мягкіе согласные: весі*лл*ечко, рядомъ съ коры*нье* (им. ед.), обо*ль*етця; *въя* вм. *вя*: *пъя*тà, при *вя*ну, *пю*ть (=пьютъ); очень рѣдкое *дж*: се*дж*ў; формы им. ед. на *ый* и *ы* (послѣ *к*— на *ій*, *і*: миленьк*ій*), им. ед. муж. *сей*, дат. *мні* (при *міні*, *мені*), род. мн. гост*і*, мѣстн. мн. по сін*ѐхъ*, 3 л. на *ть* (чаще) и на *тъ*, 2 л. мн. повел. на *ть* и на *тъ*: веді*тъ*, неопр. на *ть* (и на *ты*), возвр. зал. на *ся*. Рядомъ изрѣдка бѣлоруссизмы: ст*а*іть, кол*а* ёго, кол*а* твоей хаты, гор*а*бейко (=воробей), людськ*ія* (им. мн.), пам*е*ті (=памяти, род.); *і* на мѣстѣ украинск. *и*: білым*і* рученькам*і*, остатн*ій* (им. ед.), к*і*ну (постоянно послѣ *к*), нòг*і* (им. мн., при нòг*ы*), кос*ці* (=кости), е*сць* (=есть), те*ся* (род.), свыс*ця*лка, свое*й* Оленкі (род.) [2]).

Говоръ м. Скороднаго («Скородне»), **Минской** губ., Мозырскаго уѣзда, вѣроятно, очень близокъ къ сосѣднимъ бѣлорусскимъ говорамъ. Отмѣчено: спорадическое (рѣдкое) аканье и спорадическое (частое) дзеканье: н*а*човàць, при мор*ò*зъ, о*кн*ò и т. п., хо*дз*іць, при моло*д*ецъ, ст*е*нà, спорадическіе мягкіе согласные передъ *е*: м*е*чъ, моло*д*ецъ, бѣлорусскія і и *ы*, дифтонги *уо* и *уы*: н*уо*съ, л*уы*й, при *у*: юй, прывюзъ, рядомъ съ *о*: столъ, голоўка, *і* и *е*, е на мѣстѣ *ѣ*: л*і*съ, вітру (зват.), на дорозі, б*е*дà, ме*ш*òкъ, чорные (мн.), спорадическое е, *е* вмѣсто *я*: повесъ, робецъ (3 мн.), твердое *р*, твердое древнее *ц* (но ру*ці*), *дж*: хо*дж*ў, мъясо, формы: им. ед. на *ы*, дат. мойму, твор. ед. на *ею*: білею (при *ою*), 3 л. на *ть* (*ць*), 2 л. повел. носі*ть*, піте, лі*це*, неопр. н. пе*кті*; остатки древнихъ формъ двойств. ч.: дві о*ці*, дві ру*ці*. [3])

Говоры Пинчуковъ, жителей **Пинскаго** уѣзда, отличаются нѣкото-

---

[1]) **Малорусскій литературный сборникъ**, изд. Д. Мордовцевымъ, Саратовъ, 1859, №№ 9, 13, 14, 19, 20, 21, 26 и др.

[2]) **Zbiór wiadomości do antropologii krajowej**, XII, статья Брыкчинскаго.—**Стецкій** указываетъ какъ на полѣсскую черту—на формы дат. мн. на *умъ*: пан*умъ*, и мѣстн. на *ухъ*: у мужык*ухъ*. Wołyń, I, 256.

[3]) **Труды**, VII, стр. 595.

рымъ разнообразіемъ; къ сожалѣнію, и здѣсь наши свѣдѣнія оставляютъ желать многаго.

Говоръ с. Плотница (къ югу отъ Припети, близь устья Горыни) близокъ къ говорамъ волынскаго Полѣсья. Онъ имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і* дифтонгъ *ўы*: мўый, кўыпъ (род. мн.), ўый (дат. женск. р.), даже рюывный (*ю* близко къ нѣм. ü?), рядомъ съ *у* и *о*: суль (=соль), голдўка; на мѣстѣ *ѣ*—*і* и *е*: тобі, бідный, беда, мешокъ (также: прывызъ, камень); твердое *р*; то твердое, то мягкое *ц* въ исходѣ словъ: хлопецъ и хлопець, хлопцю; мягкіе шипящіе въ исходѣ словъ: держять, лошя; *въя* вм. *вя*: соломъяный, даже: мнясо; формы им. ед. на *ый*, род. его, дат. ему, *мні*, 1 л. ходю, летю, пустю, 3 л. на *ть* (даже: ідеть, при іде, знае), неопред. н. пекты. Сверхъ того, встрѣчается *і* на мѣстѣ укр. *и* (по крайней мѣрѣ послѣ *к*) [1]).

Говоръ другой мѣстности Пинскаго уѣзда (неизвѣстно, какой именно) имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*—рядомъ *у*, *ю* (вѣроятно, близкое къ ü), *ы*, *і*, *о*: муй, мюй (=мой), мій, мой, рўдный, рюдный, рыдный, рідный, солўмка, голўўка, гыркый, кінь, нічка, війско, гіркый, головка, ножка, горкый; также: прынюсъ, вышнюў (=вишневъ); *і*, *е* и *е* на мѣстѣ *ѣ*: білый, въ лісі, віе, мні, другоі (род.), еі, золотые, ходемъ, смешу, секу, также: сімъ, пічъ, постіль, зілле (при печъ, зелле), даже *ы*: пытушокъ, мачосы (дат.,=мачехѣ), головы, дірчыны, свекроўцы (дат.); эпорадическое (частое) *е* вмѣсто *я*: екъ, коне, короле (род.), стоечы, звезады, прынеты (неопр.), даже: дірче (им. ед.); твердое *р* (но: на горі, оріхъ и т. п.); двойные мягкіе согласные: зелле, зілле (но: веселье); твердое *ц* (косцы и т. п.). Формы им. ед. муж. на *ы*, род. на *оі*, *ое* и *ее*: быстрее ріки, род. смерты, дат. на *ові*, им. мн. на *ове*, твор. ед. женск. твею, другею, твор. мн. моіма плечыма, чорныма бровыма, мѣстн. мн. на воротехъ, ў молодыхъ летехъ [2]), 1 л. ед. просю, косю, 3 л. на *ть* и на *ть*, буд. бітіму, неопр. на *ты* (стерегты) и *ть*, возвр. з. на *са*; сверхъ того, формы 3 л. мн. прош. говореле, розлучеле [3]); буты, буў; *що*. Въ этомъ говорѣ очень много бѣлоруссизмовъ. Согласные въ немъ по преимуществу твердые: «у Пинчуковъ пользуются особенною любовью твердые звуки *ы*, *у*, *э*»; «звуки *л*, *м*, *н*, *р* и зубное *д* Пинчуки произносятъ твердо»; «гортанные *г*, *к*, *х* соединяются съ твердымъ звукомъ *ы* вм. *и*», говоритъ наблюдатель; но кажется, рядомъ съ обычными твердыми встрѣчаются менѣе обычные согласные мягкіе: тебе, просіты. Звука *и*, повидимому, здѣсь нѣтъ; его мѣсто занято *ы* (=бѣлорусское *ы* и *и*): маты, сілы=сѣли, коскы=коски. Случаи употребле-

---

[1]) Труды, VII, стр. 514.
[2]) Записано: воротѣхъ, летѣхъ.
[3]) Записано: говореле, разлучеле.

нія ё изъ *е* болѣе часты, чѣмъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ; случаи аканья встрѣчаются: р*а*мень (=ремень), также какъ и случаи употребленія і (или *ы*) вмѣсто не ударяемаго *е*: пон*ї*ділокъ. Формы: повел. н. *бї* (=бей), под*ы*те, позов*ы*те (2 мн.). Наконецъ отмѣчено: *зу*лье=зелье, пере*пу*лочка=перепелочка, ді*тат*і=дитяти, *ю*міраты, *ю*лыца, *ву*ехаў=выѣхалъ, им. ед. *ю*тей [1]).

Въ говорѣ окрестностей Пинска мы находимъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *ї* — рядомъ *у* и *ї* (послѣ *р*—*ы*): св*уй*, м*ї*стъ, бер*ы*зенка, даже *е*: з*е*рка (=зорька, звѣзда), при частомъ *о*: вонъ, домъ (также: прыв*ю*зъ, о трет*юй* годыны, мѣстн., на с*ї*мъ світы); на мѣстѣ *ѣ*—*ї*, *ы*, *е*, *е*: д*ї*ло, т*ї*ло, тоб*ї*, на св*ї*т*ы*, въ город*ы* (мѣстн.), сп*ы*ваты, на нéб*ы*, на дворы̀, д*е*ўчына, дорогы*е*, *е*е (род.), с*е*чé, стенà, венòкъ, рекà (также: п*ї*чъ=печь, с*е*мъ=семь, спас*е*нье); отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: *го*лье (при здорове*ч*ко); твердое *р*; твердое *ц*; изрѣдка *дж*: хо*дж*аты (также *дз*вонъ, при звонъ); формы им. ед. муж. на *ый*, средн. р. на *е*, *ее*, род. ед. муж. р. не только на *ого*, но и на *его*: тых*его*, женск. не только на *ое*, *ої*, *ой*, но и на *ее*, *еї*, *ей:* мил*ее*, одн*ей*, сво*е*, св*еї*, св*ей* (=своей), им. мн. молодè (=молодые), дат. мн. хлопц*омъ*, 1 л. ед. ко*тю*, просю̀, се*чу*, 3 л. на *тъ* и (чаще) на *ть*, возвр. зал. на *са*; *цю*. Согласные, повидимому,—по преимуществу твердые (ничего въ родѣ *веде*, вес*тї* не отмѣчено). Звука *и* какъ будто нѣтъ (все *ы*). Рядомъ рѣдкіе случаи аканья: ˘ор*а*бейко (=воробейко), б*а*рòмъ (тв. ед.), и бѣлорусскаго ё (*о*): бер̀оза [2]).

Говоръ мѣстностей сѣверной части Пинскаго уѣзда («надъ Пиною, Припетью и Цною») свободенъ отъ дифтонговъ. Въ немъ слышится *у* и *ы*: к*у*нь, др*у*бны, н*у*жка, дор*у*женька, пост*уй* (повелит.), по т*уй* дуброві, вèсюлъ, по ўсюмъ, н*ы*чка (=ночка), уд*ы*вонька (=вдовонька), г*ы*рке, з*ы*ронька, рядомъ съ частымъ *о*: подворье, гол*о*ўка, дор*о*женька, повёзъ, съ *ї*: зъ в*ї*дного (=одного, рѣдко), и даже съ *е*: к*е*ска (=коска, коса); *ї*, послѣ *р*—*ы* (подъ удареніемъ), *е*, *е* на мѣстѣ *ѣ*: д*ї*ла (=дѣла, 3 л.), д*ї*ду (зват.), полет*ї*ла, тоб*ї*, забер*ы*мъ (1 л. мн. повелит.), зустр*ы*ў (=встрѣтилъ), на гор*ы*, тоб*е*, в*е*ньчыкъ, д*е*дòкъ, *е*ду, *е*хаў, *е*е (род.), золоты*е*, ўс*е*, ратà*е*, тво*е* (им. мн.), венòкъ, свечы; также: пл*ї*чъ (род. мн.); спорадическое (рѣдкое) *е*, *і* вмѣсто *я*: дзев*е*ць (=девять), зоўзул*і* (им. ед.); спорадическое *у* вмѣсто неударяемаго *о*, южно-малорусскаго *о:* к*у*шуля (=кошуля), сл*ю*зонькамі (=укр. слёз-); древнее *л* вмѣсто ў: до*л*го, по*л*ны, то*л*къ (рядомъ: доўго, жоўты, любіў);

---

[1]) Булгаковскій. Пинчуки. Этнографическій Сборникъ. Спб. 1890 (=Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., XIII, вып. 3). Тексты записаны недостаточно точно.

[2]) Zbiór wiadomósci, II, ст. Быковскаго.

твердое *р*: на*р*ажена и т. п.; твердое древнее *ц* (не изъ *т*): въ ныр*ц*ы (=въ норкѣ); твердые шипящіе; отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ (слюбова̀*не*, полёва*не*); *вья* вмѣсто *вя*, рядомъ съ *вя: вья*ну при *вя*ну. Формы: им. ед. на *ы*: добр*ы*, род. женск. р. молодо*е* и молод*ой*, даже: крынічн*ые* воды̀, род. муж. р. мого, дат. *мні*, дат. мн. на *омъ*: деткомъ (рѣдко), твор. плечы*ма*, 1 л. ед. хо*дю*, ко*сю* (рядомъ съ хо*жў*), пу*стю*, 3 л. на *тъ*: ході*тъ*, рядомъ на *ть*, *ць*: хо̀ді*ць*, буд. біті*му*, неопр. н. почти всегда на *ті* (рѣдко на *ть*), возвр. зал. на *са* и *ца* (рѣдко на *ся* и на *се*, *це*): бою*са*, кланяти*е*, суділо*се*; также: остатки формъ двойств. ч.: тры дуд*е*; *бу*ті (=быть), *бў*, за*бу*ла, при бы*ць*, бы*ў*, была̀; *що*, при *што*.

При этихъ отчасти малорусскихъ чертахъ—длинный рядъ чертъ бѣлорусскихъ. Согласные у Пинчуковъ произносятся передъ *е* часто (не всегда) мягко: несў; ё изъ *е* у нихъ чаще, чѣмъ у Малоруссовъ: цёмны (=темный), мецёлка (=метелка), бер*о*за, пойдёмъ, ясёнъ, славёнъ; звука *и*, повидимому, нѣтъ и его мѣсто занято то *ы*, то *і*, по-бѣлорусски: с*ы*нъ, м*ы*т*і*, нов*ы*хъ, п*і*т*і* (пить), заморск*і* (им. ед.), но съ исключеніями: шумі*лы*, дзвоні*лы*; встрѣчаются, и нерѣдко, мягкіе *дз* и *ц*, вмѣсто мягкихъ *д* и *т* и рядомъ съ ними: *дз*евочка и *д*евочка, купі*ці* и купі*ті*, *ц*ебе и *т*ебе (род.); встрѣчаются (рѣдко) *а* вмѣсто неударяемаго *о* и *і* вмѣсто неударяемаго *е*: прова*д*іла, пра̀вог*а* (род.), *ла*жўса, *ба*юса, с*і*ло̀ (=село), п*і*родъ (=перёдъ), пов*і*рталі, р*ы*берце (=ребро); встрѣчаются (рѣдко) глухіе (=отзвучные) согласные вмѣсто звонкихъ: обі*тъ* (=обѣдъ). Сверхъ того: спорадическое твердое *л* вмѣсто мягкаго: си*л*но, стре*л*цы̀, кры*л*ца, формы им. ед. цёмн*ой* лесъ, міленьк*ой* (?, рѣдко), 1 л. мн. нап*и*моса, возьм*о*мо, поедомъ, сяд*о*мо [1]).

Наконецъ, мы имѣемъ нѣсколько данныхъ изъ села Старая (или Святая?) Воля (на Огинскомъ каналѣ, въ сѣверо-западной части Пинскаго уѣзда). Это: бол*уы*тъ (=болотъ, род. мн.), с*ы*ль (=соль), р*е*вный [2]) (=ровный), к*е*пъ (=копъ, род. мн.), хліў (=хлѣвъ), на дороз*і*, в*е*тру (зват.), *бе*да̀, *ме*шо̀къ, *ее* (род.), чорн*ые* (им.); твердое *р*; твердое *ц*; *мья*со, пры*вье*зъ (=привезъ); формы им. ед. на *ый*, дат. мо*й*му, 1 л. ходю, *лстю*, 3 л. на *тъ*, повел. куп*е*те, п*е*те (?=пейте), неопр. н. пе*кті*, двойств. ч. две слов*і*. Рядомъ: стя̀на (=стѣна); ход*і*тъ, молод*і*ца, роб*і*тъ; оролъ, кон*о*мъ (твор. отъ к о н ь). Случаевъ аканья (кромѣ вышеприведеннаго) и дзеканья не отмѣчено [3]).

---

[1]) Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego; Карпинскій, Говоръ Пинчуковъ (Р. Филол. Вѣстн. 1888 г. № 1).—Вѣроятно, также изъ сѣверной части Пинскаго у. пѣсни №№ 296—300 въ Сборникѣ пам. нар. творч. въ сѣверо-западномъ кр., о языкѣ которыхъ см. у Потебни, Замѣтки, стр. 105. Въ нихъ между прочимъ: нявістонька, гнязд*о*, зацв*я*л*а*.

[2]) Записано: ревный; опечатка?

[3]) Труды, VII, стр. 548. Матеріалъ здѣсь, какъ и вездѣ, записанъ неудовлетворительно.

Говоры малорусской части Гродненской губ. составляютъ двѣ группы, изъ которыхъ одна, занимающая южную (бо̀льшую) половину этой части, можетъ быть названа вполнѣ малорусскою, а другая, въ сѣверо-западномъ углу губерніи, представляется переходною отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому.

Передъ нами первая группа.

Изъ говоровъ южной части Гродненской губ., сосѣдней съ Пинскимъ уѣздомъ (гродненскаго Полѣсья), одинъ (Кобринскаго уѣзда) имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*—*у* рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *ы*: в*у*нъ, в*у*зъ, жыду̑у̑, жу̑нка и жынка; на мѣстѣ *ѣ*—*і*, *ы* рядомъ съ *е*: *і*жъ (=ѣшь), в*і*къ, *лі*то, *собі*, у *селі*, *еі* (род.), б*ы*да̀, дыткі, т*ы*сто, у̑ ха̀т*ы*, у пѐкл*ы*, сѐяты; спорадическое *і* на мѣсто украинскаго *и*: т*і*хо, особенно послѣ гортанныхъ: вік*і*, дытк*і*; по преимуществу твердые согласные. «Полѣшуки, говоритъ наблюдатель, всякое слово произносятъ твердо, рѣшительно и отрывисто: хо*дыты*, *сэяты*»; у нихъ «*ѣ*, *е*—грубо, какъ *э*; *и*—какъ *ы*: т*ы*сто, *тэпэ*ръ». Формы им. ед. на *ый*, дат. на *ові*, 3 л. на *тъ* и на *ть*, неопред. н. на *ты* (запря*кчы*), возвр. з. женыт*ся* и *ся* женыты; *що*. Еще: вітёръ, зват. бра*це* (=бра*це*?), б*ы*ваты при б*у*ваты [1]).

Въ другомъ говорѣ того же Полѣсья (Брестскаго уѣзда) отмѣчены: *у* и *ю* (близкое къ нѣмецкому ü?): снопу̑у̑ (род.), вѐч*у*ръ, на *ю*мъ, др*ю*бный; *і* и *ы*: р*і*дко, тоб*і*, въ долын*ы*, л*ы*нывый, также: п*і*чъ; мягкое *ц* въ исходѣ словъ; формы род. ёго, 3 л. на *тъ* и на *ть*. Еще: н*ы*=не (н*ы* загнала и т. п.); *са*чевыця (?) [2]).

Говоръ м. Дрогичинъ, Кобринскаго у., имѣетъ на мѣстѣ ударяемаго вр. *о* (*е*), укр. *і*—дифтонгъ *уы* или (рѣже) дифтонгъ *юы*̯(съ *ю*=ü?): м*уы*й, в*уы*нъ, н*уы*чъ (также: н*юы*съ=несъ, л*юы*гъ=легъ) и н*юы*чъ (=ночь), р*юы*съ (=росъ), а на мѣстѣ неударяемаго вр. *о*, укр. *і* — *у*: п*у*дыйму̑ (также: перст*ю*нѐкъ), рядомъ съ *ы*, *і* и *о*: н*ы*съ (=носъ), н*і*чъ (=ночь), кінь, к*і*тъ (=котъ), сват*і*у̑, сын*і*у̑ (род.), также: сво*і*й (дат.), *со*ль. Употребленіе въ однихъ и тѣхъ же словахъ и окончаніяхъ то дифтонга, то *і* привело къ появленію дифтонга на мѣстѣ *ѣ*: л*юы*зъ (=лѣзъ), при л*і*зъ, б*юы*гъ (бѣгъ, бѣжалъ, вр. бёгъ). Мѣсто *ѣ* въ этомъ говорѣ занято или *і*, или (безъ ударенія?) *е*, *є*: соб*і*, зв*і*ръ, б*е*да̀, сте*на̀* (также: с*і*мъ=семь, шість, кам*е*нь, шесьсо̀тъ). Затѣмъ въ немъ слышатся: твердое *р*: ца*р*ъ, ца*р*а̀, па*р*у̑ыу̑на (рядомъ: ца*рю*ыу̑на), мягкое *ц* въ исходѣ словъ: хлопе*ць*, хлоп*ця*, мягкіе

---

[1]) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Гродн. губ. I, стр. 635—638.

[2]) Сб. пам. нар. творч., №№ 159, 162—166.

шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: дер*жя*ть, *мня* вмѣсто *мя: мня*со, *мня*ты (но: здоро*въя*, при*въ*юзъ=привезъ), двойные мягкіе согласные: снід*ання*, весі*лле* (им. ед.), даже: *зз*істы (=съѣсть), при тре*тя* (=третья), одынатця*тю* (твор.), *зві*ў (=съѣлъ), *дж* въ хо*дж*у и т. п., изрѣдка *у* вмѣсто неударяемаго *о: ку*жемяка, и *і* вмѣсто *я*: *ўзі*ў (взялъ). Формы им. ед. ср. р. записаны то съ *е*, то съ *я:* *весілле* и *весілля*, сн*і*данн*е* и кам*і*ння. Изъ формъ замѣчательны формы им. ед. муж. р. на *ый* и на *ы*, род. ед. женск. *свеі*, *мо*і, твор. ед. ж. р. *тею*, *мею* (=моею), дат. сніго*вы* (=снѣгу), мо*йму* и *мему*, *теі* дытыні, им. мн. гост*і*, зят*і*, 3 л. на *ть* (здае*ця* и т. п., съ однимъ *ц*), буд. вр. быты*му*, 1 л. мн. повелит. возьм*і*мъ, вед*і*мъ, ход*і*мъ, неопр. н. на *ть* (при *-ты*, бере*чы*), возвр. з. на *ся* (*ця*) и *сь*; *що* и (рѣже) *шо*. Звука *и*, повидимому, нѣтъ и его мѣсто занято звукомъ *ы* [1]).

Въ говорѣ неизвѣстной мѣстности Дорогичинской волости, не смотря на близость ея къ м. Дорогичину, много особеннаго. Дифтонговъ въ немъ не отмѣчено [2]), и на мѣстѣ вр. *о* (*е*), укр. *і* являются *у*, *і*, *о*: молоденьк*уй*, сво*юй* (дат.), мà*тю*нка, в*і*нъ, в*і*йско, н*і*чка (даже б*і*йный = буйный), дороженька; на мѣстѣ *ѣ*—*і* и (безъ ударенія) *ы*: в*і*нъ, св*і*тъ, д*і*вушка, стар*і* (им. мн.), і*і* (род.), также: с*і*мъ=семь, быр*і*зка=березка, вы*н*òкъ, ў світ*ы*, ў мòр*ы*, ў долùн*ы*, ў пòл*ы* (мѣстн.), дол*ы* (род., при дол*і*); твердое *р* (но: р*і*чка); мягкое *ц* въ исходѣ словъ (но: сон*це*, хлоп*цы*, им., и т. п.); двойные мягкіе согласные: гуля*нне* (им. ед.), при *лге* (3 л.), тре*тя*; на Пры*пь*еті; формы им. ед. на *ый* и даже на *ой*: молод*ò*й, полков*ò*й (?, очень рѣдко), род. женск. р. на *еі* (м*еі*) и *ей* (добр*ей*), дат. на *овы*, мѣстн. женск. р. на *ей*: добр*ей*, мѣстн. мн. въ гост*юхъ*, 3 л. на *ть*, повелит. нап*и*мося, розойд*і*тесе, не свар*і*тесе; *що*. Сверхъ того: *е* вмѣсто *я*: наговорецця, 3 л. мн., случаи аканья (рѣдкіе): с*а*ловѐйко, частое *ы* вмѣсто неударяемыхъ *е*, даже *а*: уб*ы*руся, ж*ы*нà, с*ы*страа̀, в*ы*дѐ (=ведетъ), н*ы*, дон*ы*слà, нòч*ы*нька, н*ы*шлà (=нашла); *ё* (*о*) вмѣсто *е*: чытвёрта, высёла (=весела), зылёного, пры быр*о*жкỳ, гор*о*лъ (=орелъ), пер*о*дъ [3]).

Данныя изъ м. Бездежъ: *у* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: в*у*нъ, м*уй*, п*у*йдỳ, молоденьк*уй* (дат.), ў чùст*у*мъ полі (также: запр*ю*гши=запрегши); *і* и (безъ ударенія) *ы* и *е* на мѣстѣ *ѣ*: в*і*ра, тоб*і*, ў мор*і*, в*ы*нòчокъ, на помòст*ы*, молод*ые* (также: с*і*мъ); твердое *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ (даже: пер*ц*ёмъ, твор.); двойные мягкіе согласные: гуля*нне* (им.); формы им. ед. на *ый*, род. ёго, шырок*еі* и *-ей*, дат. молодцё*вы* (=молодцу), *мні*, им. мн. гост*ы*, сін*ы*,

---

1) Труды, II, стр 7, 59, 83, 87, 113, 129, 179, 229 и др.; VII, стр. 517.

2) По неумѣнію передать ихъ буквами, а не потому, что ихъ не слышится?

3) Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, №№ 10—14, 53—65, 117.

сусіде, 3 л. на *ть*, возвр. з. на *ся*; *що*. Еще: *ы* вм. *е* безъ ударенія: н*ы* д*а*ў, с*ы*стр*а*, л*ы*тіў; *ё* (*о*) вм. *е*: зел*ё*ного, дал*ё*кая, по*ё*ны (им. мн.), ор*о*лъ; изрѣдка *ц* вм. *т*: *есць* (=есть), щас*ця* (род.) [1].

Данныя изъ мѣстности близь Бездежа почти тѣ же; отмѣтимъ: *у*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: *у*нъ (в*у*нъ?=онъ) и т. п. и в*і*нъ; *і* и *ы* на мѣстѣ *ѣ*: д*і*дъ, на н*е́*б*ы*; формы им. на *ый* и *ы* (велік*і* стукотъ), род. до св*ій* хаты; бѣлоруссизмы: вел*і*к*і*, им. ед., мол*і*тыся, перейм*ая*, 3 л. ед. [2].

Данныя изъ с. Молодово, Кобринскаго у.: *у*, *ы*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: п*у*зьно (=поздно), ў т*уй* траві, ў чыст*у*мъ полі, м*ый*, ст*ый* (=стой, пов.), пл*ы*тъ, н*ы*ченька, ворог*ы*ў (род.), даже: мн*ы*го (=много), м*ій*, н*і*чъ, г*і*ркый, р*і*дный, козак*і*ў (род.), дор*о*жка, н*о*жка (также: мо*ій*, дат., пч*и*лочка, бер*и*зка=пч*і*лочка, бер*і*зка?); *і* и (безъ ударенія) *е*, *є* на мѣстѣ *ѣ*: св*і*тъ, тоб*і*, д*е*ўч*а*, сп*е*в*а*ты, л*е*н*ы*ва, б*е*да, половы*є* (им. мн.; также: пост*і*лечка, кам*е*нь); твердое *р*; то мягкое, то твердое *ц* въ исходѣ словъ: хлоп*ця*, ул*ыцю* и ў церко*ўцы*, молод*ыца*, седел*це;* двойные мягкіе согласные: кох*а*нн*е*, ж*ы*тт*е* (им. ед.), при безголо*вэ*ечко; формы им. ед. на *ый*, им. ср. р. на *е*, *ее*, род. женск. р. темн*еі*, т*еі*, твор. темн*ею*, дат. *мні*, им. мн. кон*ы*, колодяз*ы*, гост*ы*, сін*ы*, улане, тв. мн. оч*ыма*, 3 л. на *ть* и *тъ*,, возвр. з. на *са* и *сь;* *що*. Еще: в*і*но (=вино; кажется, *і* вмѣсто *ы*—послѣ гортанныхъ: солодк*їй* и т. п.), пом*е*нулы (=помянули), пры бер*о*жкў, сы*лно*, сыдел*це* [3])

Данныя изъ с. Озяты, въ западной части Кобринскаго у.: *у* (часто), *ы*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: м*уй*, т*уй* (дат.), післ*у*ў (род.), п*у*дъ вербою, также: веч*у*ръ, къ н*юй*, п*ы*рц*ѐ* (перо), р*ы*дн*ы̆й*, в*і*нъ, зл*і*сть, также: пры-н*і*сь, прыв*і*зъ, *ій* (дат.), н*о*ченька, дор*о*женька; *і* и (безъ ударенія) *ы*, *е* на мѣстѣ *ѣ*: л*і*сь, соб*і*, добры*і*, также: пост*і*ль, з*і*лле, д*ы*ўч*а*, в*ы*нокъ, б*ыжы* (повел.), на м*о*р*ы*, пры дор*о*з*ы*, ў хат*ы*, на Вкраін*ы* (мѣстн.), у Марус*ы* (род.), также: пост*ы*л*е*нька (=постель), исц*е*ліў, молоды*є*; твердое *р* (не всегда?); мягкое *ц* въ исходѣ словъ (но хлоп*цы*, им., гребень*це*мъ, твор.); мягкое *ч* (и вообще шипящіе?): вынч*а*ты, пле*ча* (род.), не*щя*сный (рядомъ съ твердымъ?); двойные мягкіе согласные: зі*лля* (род.), коха*нне* (им.), ко-ха*нне*чко, при сніда*не*чко, тре*тя*я; формы им. ед. на *ый*, им. ср. р. на *е*, род. те*і*, ме*і* мяткы, мыле*і*, твор. т*ею*, мыл*ею*, так*ею*, дат. на *овы* (ко-н*евы*), *мні*, *ё*му, им. мн. гус*ы*, гост*ы*, рекрут*е*, мѣстн. мн. въ ворот*ёхъ*, ў сін*ёхъ*, 3 л. на *тъ* (?), 1 мн. повел. одошл*і*мо; *що*. Еще: у зел*ё*н*уй* дубровы, невес*ё*лая, чер*о*тъ (=очеретъ), *й*с-пудъ кр*а*меню (=кремня) [4]).

---

[1]) Тамъ же, №№ 35, 121, 138—143, 157—158.

[2]) Матер. для геогр. и стат. Россіи. Гр. губ. I, стр. 631—632.

[3]) Живая Старина 1890 г., вып. 1 и 2. Тексты записаны не вполнѣ точно.

[4]) Сборникъ пам. нар. тв. №№ 15—30, 66—95, 205. Труды Чубинскаго, VII, стр. 550; Потебня, Замѣтки, стр. 126—134.

Данныя изъ мѣстъ близъ г. Кобрина: свѝй, дѝмъ, мàтюнка, слѐзка, коска (=коса); зелѝзны ворота, вѝтёръ, слыдкы (=слѣдки); землыцю (вин.); твор. свею; «е вездѣ какъ э» [1]).

Данныя изъ Козицкаго прихода: вуозъ (=возъ), муой батько; уѝхаў; формы: род. ёго, возвр. зал. на се [2]).

Данныя изъ с. Череватицы: муй; цвѝтъ, вѝкъ; птыця, молодыця; посединнячко; ны буде, лѝтіла (=летѣла); красѐнця (кросна); на свы крыльця [3]).

Говоръ Каменецко-литовской волости, въ сѣверной части Брестскаго уѣзда, имѣетъ: на мѣстѣ вр. о, укр. ѝ—у и ю: муй, стулъ, нюсъ (=несъ), юй (дат.), хвюстъ (=хвостъ), при о въ дорожка; на мѣстѣ ѣ—ѝ и ы: лѝсъ, тобѝ, по болотѝ, въ хаты (мѣстн.), при сѝмъ (=семь), весѝлье, пѝчъ; твердое р; то твердое, то мягкое ц въ исходѣ словъ; формы: им. ед. на ый и ы (маленькѝ), всѐй садъ (=весь), род. велыкеѝ, меѝ, дат. ёму, мнѝ и менѝ, молодеѝ, твор. чорныма очыма, 3 л. на тъ и на ть. Еще: ныділя, лытіла, выдѐ (=веде); діўче (им.); зелёный; дь ёму (=къ нему).

Данныя изъ села Косичи, того же уѣзда: муй, вунъ, буйся, своюй (даже: мнуго), дрюбный, при вѝзъ (=везъ); бѝлый, пры мѝсяцѝ, спеваю, ждўтые (мн.), на долѝны, по дубровы; твердое р; мягкое ц въ исходѣ словъ; дж; мягкіе шипящіе: дожялы (спорадически?); отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: снідàнье, корыньечко (но: розмоўлянне, о мему жытті); формы им. ед на ый (соловѝй), род. ёго, теѝ и тей, темнеі, дат. ёму, мнѝ, удоўцёвы, мему (=моему), им. мн. кўре, каваліре, мѣстн. по сінѐхъ, 3 л. на ть; повел. печы; польскія формы прош. вр. еще-мъ я не здрадыў, есь перебрала; що. Еще: нывіста, поныділокъ, лытичы; 3 л. есць [4]).

Данныя изъ м. Великая Рыта, въ восточной части Брестскаго уѣзда: нуысъ, туылько, чорнуый (дат. ж. р.), люыгъ (=легъ), прывѝзъ (=привезъ), мѝдъ (=медъ); дѝдъ, бѝдный, стѝны (мн.), коровѝ (дат.), на голоўцы, и бедà, стенà; твердое р; мягкое ц въ исходѣ словъ (но: -цы); мягкіе шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: лежять, ускочять; мнясо, мняты (=мять); дж; формы им. ед. на ый, род. егò, меѝ, готовей, дат. мнѝ, сыновѝ, коневі, твор. чорнею, 3 л. на ть, 2 л. повел. пѝте, лѝте (=пейте), неопред. н. на ты (берегчы); польскія формы 2 л. прошедш. вр. казавесь (ты сказалъ) [5]).

---

[1]) Матер. для геогр. и стат. Россіи. Гродн. губ., I, стр. 630—631.

[2]) Тамъ же, стр. 633 (здѣсь невѣрно напечатано: воузъ, моуй).

[3]) Сб. пам. нар. тв. №№ 31, 152.

[4]) Сб. пам. н. тв. №№ 181—203, стр. 288 (Каменецъ); №№ 34, 123, 144—148, 150, 151, 155, 156 (Косичи).—Потебня, Замѣтки, стр. 118—126.

[5]) Труды, VII, стр. 552; Матер. для геогр. и стат. Россіи. Гродн. губ., I, 633.

Данныя изъ м. Пожежинъ, того же уѣзда: *муый*, *вуынъ*, *прынюысъ*, даже: *мнуыго*, *путъ* *тȍполемъ*, *розбуыйныкуў* (род.), *трѐтюй* (дат.), рядомъ съ *бiльше*, *пiйдѐшъ*, *розбуыйныкiў* (род.), *жiнка*, *пчiлмы* (твор.), *розвiў*; *бiдный*, *собi*, *жiнцi*, *сiмъ* (=семь); твердое *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ; мягкiе шипящiе (спорадически?): *жяба*; *въяжў*; *щȁсте* (им.), *iззiлы* (съѣли); формы им. ед. на *ый*, род. *своi* и *свеi*, *теi*, *доброй*, *одней*, дат. на *овi*, *менi*, твор. *тею*, род. мн. *коный*, *грошый*, 3 л. на *тъ* и на *ть*, неопр. н. на *ты*; *що* и *шо* [1]).

Данныя изъ Влодавскаго благочинiя, въ юго-западной части того же уѣзда (по Бугу): *матюнка*, *с-пудъ* кореня; *вiрно*, на *мȍсты*, на *крыныцы*; твердое *р*; формы род. *меi*, им.-вин. мн. *запрагў* *коны* *вороныi*, 3 л. на *тъ*; польская форма 2 л. мн. прош. вр.: *вмiлы-сьте*; *що* [2]).

О говорахъ Пружанскаго уѣзда мы знаемъ мало.

Въ говорѣ с. Картузъ-Береза (къ юго-востоку отъ г. Пружанъ) дифтонги *уы* и *уо* на мѣстѣ вр. *о*, *е*, укр. *i*: *луый*, *суоль*, *руовный*, рядомъ съ *о*: *носъ*; *i* и *е* на мѣстѣ *ѣ*: по *дорозi*, *бедȁ*, *стенȁ*, *ев* (род.), *чорные* (также: *камень*); твердое *р*; твердое *ц* въ исходѣ словъ; *мнясо* (=мясо), *прывъёзъ* (=привезъ); *здоровье* (им.); формы им. ед. на *ый*, род. жен. р. *мое*, дат. на *овi* (*коневi*), 1 л. *ходю*, *ломью*, *любью*, 3 л. на *тъ*, будущ. вр. *ходытыму*, неопред. н. *берегчы*; двойств. ч. *двi хатi*, *двi словi*; *що*. Сверхъ того: случаи аканья: *начаваты*; *оролъ* (=орелъ) [3]).

Въ говорѣ деревни Чахецъ (Михайловской волости) рядомъ: *кунь*, *вiнъ*, *копъ* (род.), *женчыкоў* (род.); *хлiбъ*, *добрые*, *горылка*, *выбегȁты*, также: *сiмъ копъ*; то твердое, то мягкое (?) *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ: *яйця*; двойные мягкiе согласные: *гулянне* (им.); формы им. ед. на *ый*, дат. на *овы*, 3 л. на *ть* и *тъ*, повел. *жнiте*; *що*. Еще: *далёкый* [4]).

Говоръ м. Селецъ, если можно о немъ вѣрно судить по имѣющемуся у насъ матерiалу, обыкновенно на мѣстѣ вр. *о*, укр. *i*, имѣетъ *о*: *Богъ*, а на мѣстѣ *ѣ*—*е* и *е*: *лень*, *мне* (дат.), *ежте* (повел.), *годное* (=одной, род.), *бедȁ*; затѣмъ, въ немъ твердое *р*, формы род. *моѐго*, дат. *ѐму*, мѣстн. у *ночѐ* (въ ночи), 3 л. на *тъ*, возвр. з. на *са* и *съ*. Еще: *десеть*, *тресы* (=десять, тряси); *бiтi* (=бити); *начовало* [5]).

Близь м. Сельца слышно: *тулько*, *богъ*, *вывѐў* (=вывелъ); *горiты*, *дiду* (зв.), *зъiў* (=съѣлъ), *дорозi* (дат.), *собi*; то твердое, то мягкое *р*: *повiръ*

---

[1]) Труды, II, стр. 50, 336, 608.

[2]) Мат. для геогр. и ст. Россiи. Гр. г., I, стр. 634. Напечатано: матiонка.

[3]) Труды Чубинскаго, VII, стр. 549. Здѣсь трудно догадаться, какiе звуки обозначаются буквами *ѣ* и *ц*.

[4]) Сб. пам. нар. тв., №№ 96—100; Потебня, Замѣтки, стр. 101—103.

[5]) Сб., стр. 289 сл; Потебня, стр. 102—103.

(=-повѣрь), рідко; форма им. ед. поломє; ф. род. ёго, дат. *мні*; *що*. Повидимому, нерѣдко *і* вмѣсто *ы*: водіты (неопр.) [1]).

Данныя изъ м. Шерешево (близь г. Пружанъ): тулько, мой; ліеъ, місто, руцы (дат.); ф. им. ед. на *ы* (послѣ *к*—на *і*: велікі лісъ). Повидимому, нерѣдко *і* вм. *ы*: заводылі; деготь [2]).

Передъ нами вторая группа гродненскихъ малорусскихъ говоровъ.

Эти говоры, слышимые въ сѣверо-западной части Гродненской губ., въ Бѣлостокскомъ и отчасти Бѣльскомъ уѣздахъ, и обыкновенно называемые (по м. Заблудову) заблудовскимъ говоромъ,—богаты дифтонгами. Они имѣютъ: на мѣстѣ вр. *о* (*е*), укр. *і*, подъ удареніемъ,—дифтонгъ *уо* (съ преобладаніемъ *о*), безъ ударенія (а иногда и подъ удареніемъ), — *у*: муой, куонь, двуоръ, пщуолъ (=пчолъ, род.), на юомъ (=на немъ), на юой, лебъюодка (=лебедка), пъюорце (=перце, перышко), пудъ дòмомъ, ў гѐтумъ домі (=въ этомъ), лебъюдка (=лебедка), даже кудсонька (=косонька); на мѣстѣ *ѣ*, подъ удареніемъ,—дифтонгъ *іє* (съ преобладаніемъ *є*), послѣ *р*, *ц* и шипящихъ—*ыє*, безъ ударенія (а иногда и подъ удареніемъ),—*є*, послѣ *р*, *ц*, шипящихъ—*е*, въ концѣ формъ мѣстн. п.—*і*: ліето, на свієці (=на свѣтѣ), собіє (дат.), волы моіє половыє, єіє (род.), рыѐчка (откуда ръѐчка=рѣчка), стрыѐлка, цыѐлы, ў ночыѐ (въ ночи), белюсенькі (им. ед.), на дорозі, на ціелі (=на тѣлѣ), также: сіємъ (=семь), шыѐсць (=шесть) и т. п.; твердое *р*; твердые *ц* (не изъ *т*) и шипящіе (*жже*, *че*, *ще*); изрѣдка *дж*; *въя* вм. *вя* и т. п.: въяжў (=вяжу), лебъюдка, пъюрце, прівъюдзъ (=привезъ); полёванє (им. ед.); формы им. ед. на *ы*, род. ёгò, дат. ёмў, род. до моіє Касі, Марысі, здоровоі водзицы, нашеі памеці, дат. коневі, віетреві, мніє, тв. горéю (=горою), зв. лебедзю, 3 л. дѣйств. з. на *ть*, возвр. з. на *єце*, *іце*: боіцє, неопр. н. на *ці* (=-*ти*).

Рядомъ бѣлоруссизмы: мягкіе согласные передъ *є*: бєрў, цебє, вєрба, мєнє (род.), нєсу, сєстрà (но: перестáну); строго различающіяся другъ отъ друга *і* и *ы* (послѣ гортанныхъ *і*: ціхі, велікі, им. ед.); частое *ё* (*о*) изъ *є*: дзенёкъ (=денекъ), сосёнъ (род.), полётъ, озёра (мн. ч.), зелёны (но: ўсе=все, далеко и т. п.); мягкія *дз* и *ц* вмѣсто *д* и *т*: водзіца, дзве, цебє, ціхо; сóўнычко (=солночко); формы твор. ед. усімъ (=всѣмъ), род. мн. ўсіхъ и т. д.; быў, былò, бываці; *што*. Сверхъ того, встрѣчается, безъ ударенія, изрѣдка *є*, *е* изъ *я*: боюсє, боіце (=боится), двàцець, пòєса (род.), памєць [3]).

Конечно, эти говоры въ разныхъ мѣстахъ своего употребленія имѣютъ

---

[1]) Мат. для геогр. и стат. Р. Гродн. губ., I, стр. 629—630.

[2]) Тамъ же, стр. 628—629.

[3]) Этнографическій Сборникъ, вып. III (1858 г.). Потебня, Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, Воронежъ, 1866, стр. 141—143; Замѣтки, стр. 91—94.

свои мелкія особенности. Такъ, близь Заблудова дифтонгъ *уо* слышится, и довольно часто, на мѣстѣ какъ ударяемаго, такъ и не ударяемаго украинскаго *о*: ск*уо*рю, в*уо*лы̀, в*уо*дà, гѐт*уо*й (=этотъ, им. ед.), час*у*дкъ (им. ед.); здѣсь же изрѣдка встрѣчаются случаи аканья: *а*дзінъ, *а*днà, Турѐцк*а*і земі (род.); здѣсь же: с*е́*стрà, воёвàці, понёссе, при м*е*дъ; весе*лле* (им. ед.), зе*лле*, при за пе*ч*у (печью); це (=тя, вин.); стаўокъ (=ставокъ) [1]). Или, въ другой (неизвѣстной) мѣстности, Бѣльскаго уѣзда *і* часто слышится на мѣстѣ *ѣ* безъ ударенія: вінòчокъ; согласные передъ *е* часто (или всегда) тверды: і*де* (=ѣдетъ), *лебе*де (им. мн.); *дз* и *ц* рядомъ съ *д* и *т*: *дз*івўля и лебе*де*, потрà*ц*іла и ру*т*яный; кохà*нне* (им. ед.); ф. им. мн. лебеде [2]).

Южные сосѣди заблудовскаго говора должны быть отнесены къ первой группѣ гродненскихъ малорусскихъ говоровъ. Ближайшій къ нему—говоръ, называемый у Заблудовцевъ королёвскимъ и слышащійся около мѣстечка Нарева, доходя подъ г. Бѣльскъ. Онъ отличается отъ заблудовскаго отсутствіемъ бѣлорусскихъ особенностей: мягкихъ согласныхъ передъ *е*, *дз* и *ц* (и другихъ ?): пуой*де*, бу*де* [3]). Въ немъ еще указываютъ на дифтонгъ *оо* (съ первымъ сильно закрытымъ *о*?) на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і* (рядомъ съ *уо*), на болѣе частое *і* на мѣстѣ *ѣ*: білый, віе (рядомъ съ *іе* ?), на болѣе частое *е* изъ *я*: пъеть (=пять), даже ўзіў (=взялъ), на формы 1 л. хо*дю* (при хо*джу*) и 2 л. повелит. на *тъ*, на *што*. [4])

О говорѣ с. Чижи, Бѣльскаго у., мы знаемъ мало. Данныя таковы: м*у*й, к*у*нь, вор*у*тъ (род. мн.), на чуж*у*й стороні, нюсъ (=несъ), также: рюдный (съ *ю* близкимъ къ нѣмецкому ü ?), оўцà (=овца); білый, міданый, собі; твердое *р* (но: на морі); мягкое *ц*: оў*ця*, сѐр*цю*; тре*тя*я; формы им. ед. на *ый*, род. ёгò, дат. *мні*; б*у*лà. Рядомъ: денёкъ, зелёный; *што*. Наконецъ: пі*е*, біе (=пьетъ, бьетъ; полонизмы?) [5]).

Говоры другихъ мѣстностей Бѣльскаго уѣзда, тѣхъ, которыя граничатъ съ польскими (мазурскими) поселеніями, повидимому, уже вполнѣ малорусскіе. Кажется, они отличаются отъ говоровъ первой группы только употребленіемъ или свистящихъ согласныхъ вмѣсто шипящихъ (по-мазурски): ле*з*àла, в*з*е (=вже, уже), вы*с*ла, *ц*òрный, *сц*е (=ще, еще), пу*сц*у (Малешевскій и со-

---

[1]) Сборникъ пам. нар. тв., №№ 100—115; Потебня, Замѣтки, стр. 95.

[2]) Сб. пам. н. тв., № 149.—Авенаріусъ приводитъ изъ говора Бѣлостокскаго у. такія данныя: не ѣздымо (1 л.), вероука, воукé (им. мн.), пне стоящь (*е*=*ѣ*?). Зап. Ак. Н., т. 60.

[3]) Этногр. Сборникъ, III, стр. 104.

[4]) Труды Чубинскаго, VII, стр. 496.

[5]) Сборн. пам. нар. тв., №№ 32, 33, 125; Потебня, Зам., стр. 117. Черезъ *у* передается иногда дифтонгъ?

сѣдніе приходы, къ сѣверо-западу отъ г. Бѣльска [1]), или свистящихъ вмѣсто шипящихъ и на оборотъ—шипящихъ вм. свистящихъ: *зы*ў (=жилъ), при*сы*ў (пришолъ), ў вітхуй *ж*емлянкы, у *ш*ынего мóра, трыйчать літъ [2]).

Сѣверно-малорусскіе говоры Сѣдлецкой г., при всемъ своемъ разнообразіи, также представляютъ двѣ группы, изъ которыхъ первая находится въ ближайшей связи съ говорами полѣсскими и южными гродненскими, а другая—съ говоромъ заблудовскимъ.

Первая—чисто-малорусская, не только съ твердыми согласными передъ *е*, но и съ *ы* на мѣстѣ великорусскихъ *и* и *ы* (мыты=мыти), съ *і* на мѣстѣ *ѣ* и съ мягкимъ *ц* въ исходѣ словъ.

Одинъ изъ говоровъ этой группы слышится въ д. Желевше, Бѣльскаго уѣзда. По имѣющимся скуднымъ даннымъ, въ немъ ударяемымъ вр. *о* (*е*), укр. *і* соотвѣтствуютъ дифтонги *уі* (?) и *юі* (съ преобладаніемъ первой части звука): р*уі*дный, неударяемымъ—*у* и *ю*: по стюдян*у*й росі, матюнка; рядомъ съ *і*, на мѣстѣ *ѣ*, безъ ударенія, является *ы*: б*ы*лыты (но: біль, дóбрыі, іі, род.); послѣ *к*—*ы*: матюнк*ы*.

Другой говоръ принадлежитъ д. Кульчину. По нашимъ скуднымъ даннымъ, онъ имѣетъ: на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *ыі* (или *иі*, съ преобладаніемъ первой части звука) и *ы*: тыілько, стыілъ (=столъ), стыйте (повелит.), а иногда *і*: піде (=пойдетъ), безъ ударенія—*у*: нылю́б*у*ў (=нелюбовъ, род. мн.), д*у*пчіте (=топчите), матюнка; на мѣстѣ *ѣ*—*і*; неударяемое *о* можетъ замѣняться черезъ *у*: р*у*счѐше (3 л.), г*у*лóўка (=головка), а неударяемое *е*—черезъ *ы*: н*ы*лю́бъ, н*ы*хай, выпл*ы*тàты (здѣсь *ы* можетъ быть и на мѣстѣ *ѣ*); формы род. *є́*го, дат. *ті*, вин. *тя*, им. мн. сватк*ове*, 3 л. на *ть*; *буд*ó; *що*. Еще: шепуньк*і* (=шапоньки, им. мн.; при ручк*ы*).

Третій говоръ—въ с. Полоски, Бѣльскаго уѣзда (къ югу отъ Бѣлой). Данныя: в*уы*нъ, н*уы*съ, ж*уы*нка, п*у*дходыть (3 л.), вынъ (=онъ), вінъ, жінка, прывізъ; істы, тубі, еі (род.), гурі (=горѣ), хлыбъ, свытлыця, слыпый, *беда́*, *стена́*, кàм*ень*; твердое *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ; хо*дж*ў, сы*дж*ў; полюва*не*, убра*ня* (им.); *пь*еть (=пять), *мь*ісо, ро*бля*ть, *мні*ты (мять); *дь*екуе (=дякуе). Неударяемое *о* (=укр. *о*) можетъ замѣняться черезъ *у*: т*у*бі, т*у*бóю, на г*у*рі, ч*улу*вікъ, а неударяемое *е*—черезъ *ы*: л*ы*гла,

[1]) Мат. для географіи и стат. Р. Гродн. губ., I, стр. 647—648. Авторъ о Малоруссахъ Гродн. губ. (кромѣ Полѣшуковъ) замѣчаетъ: «Чернорусс, подобно Бѣлоруссу, растягиваетъ, чуть не мямлитъ» (стр. 638).

[2]) Зап. Ак. Н., т. 60, ст. Авенаріуса. Еще отмѣчено: в*у*нъ, что даетъ намъ право читать, вм. напечатаннаго вітх*о*й,—вітх*у*й.



ныcè, хлòпыць, ны дывься; мѣсто *я* можетъ быть занято черезъ *е* или даже *і*: седь (=сядь), пъеть, роздывлеўсе, лежеть (3 л.), почела, ўзіў (=взялъ), сіде (=сядетъ), при пòясъ. Формы: им. ед. на *ый*, род. злоі, меі, теі, однеі и *мей*, его и *е́го*, дат. на *овы* (конёвы), *мні* и *мені*, ему, *еі*, одн*ему*, вин. на *ню*, те (=тя), твор. *тею*, ма*лею*, мѣстн. мн. на конюхъ, по місттюхъ-ў меі халупі, ў твоі—, 3 л. на *ть*, буд. ты *меш* ходыты, неопр. н. только на *ты* (берехчы), возвр. з. *ся* родыть; польскія формы прош. вр. казаве-*съ*, казалы, *сте*; быў и *буў* (?). Еще: пшанѝця, змѐляна; зелёный; зімный (при зымный), але, слезы.

О четвертомъ говорѣ, д. Пещацъ, Бѣльскаго у., мы знаемъ лишь то, что; онъ имѣетъ дифтонгъ ўі, что въ немъ мѣсто *ѣ* занято не только *і*: вішаты, но и *ы*, *е* (безъ ударенія): дывòнька, ведрò, и что вмѣсто *я* въ немъ можетъ быть (какъ часто?) *і*: жіты (=жать), чісто (=часто), телі (=теля). Еще: дывòнькі, им. мн.

Пятый говоръ—въ Кленовицѣ, Константиновскаго уѣзда. Данныя: вўыйсько (или вў*и*йсько), кўынь, жўынка, обрю́*о*къ (=оброкъ), м*уй*, п*у*дъ гòру, рекрўт*у*ў (род.), мій; неділя, свытёлка; спорадическіе мягкіе шипящіе: *жя*ба, мчяты; хо*джў*, са*джў*; *въ*яжу, собі (дат.), стано*вь*ітеся (повел.); *дь*іўка (=дѣвка), *дь*ітки; формы дат. *мні*, 3 л. на *тъ*: коныкы и т. п.

Вторая группа, при твердыхъ согласныхъ передъ *е*, при твердомъ *р* (но: *рі* изъ *рѣ*), при мягкомъ въ исходѣ словъ *ц* (но: хлопе*цъ*), — различаетъ, по-великорусски и бѣлорусски, *ы* и *і*, и богата дифтонгами.

Говоръ с. Кошолы, Бѣльскаго уѣзда, имѣетъ: на мѣстѣ вр. *о* (*е*), укр. *і*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *уо* (съ преобладаніемъ второй его части), безъ ударенія—*у*: в*у*бйсько, п*у*дъ водою; на мѣстѣ *ѣ*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *іе* (съ преобладаніемъ второй части), безъ ударенія—*е* и (особенно послѣ *j*) *і*: д*іе́*ўка, на нов*іе́*, деўчіна, доброі (род. женск. р.), сл*і*пы̀; мягкіе шипящіе передъ *і*: *ші*нокъ, деў*чі*на, *жі*то; *дь*еўчіна (при *де*-); формы им. ед. на *ы* (молоден*ькі*), род. ёго, добр*оі*, тв*еі* (и тв*ей*), дат. ёму, *мніе*, им.-вин. мн. москал*іе*, сухар*іе*, ус*іе* (=всѣ), 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. позбудюмся, 3 л. мн. люб*ля*тъ, 1 л. мн. повел. побер*іе*мося, неопред. н., кажется, только на *ті*, возвратн. з. *ся* діве. Еще случаи аканья: ч*а*буткі, к*а*ханокъ; ед*е́*нъ (=одинъ), ковал*е́*ва, гай зел*е́*нелькі; ф. дат. себіе (?); быват*і*. Сверхъ того, въ кошольскомъ говорѣ на мѣстѣ ударяемаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ (и *р*) слышится дифтонгъ *іе* (съ преобладаніемъ въ немъ второй части): пр*іе*сті (=прясти).

Говоръ с. Хотычи, Константиновскаго уѣзда: м*уо*й (съ преобладаніемъ въ дифтонгѣ первой части), зав*юо*лъ (или зав*ью*олъ?), *юо*й (дат.), к*у*нця̀ (=конца); *ліе*съ (съ преобладаніемъ въ дифтонгѣ первой части), прілет*іе*ла

*сiе*мъ (=семь), д*iе*ў*ч*iнóнька, на дороз*i*, зазул*i* (род.), стреляті, въ лютуомъ горе; щас*тя* (род.); дiеў*ч*iна; формы прошедш. врем. на *лъ* (съ сохраненiемъ *л*: ўзя*л*ъ); формы: им. на *ый*, дат. *мнi*, вин. ед. *ей* (=ее), *тя*, им. мн. калiнов*i* лугi, 3 л. на *тъ*, неопред. н., кажется, только на *тi*, возвр. з. *ся* розлягаю, 2 л. ед. еслi-*сь* сестра моя (=если ты моя сестра); *былъ*; *што*. Еще: ёдёнъ; спорадическое *е* вмѣсто *я*.

О говорѣ Корницкаго прихода, того же уѣзда, мы имѣемъ болѣе свѣдѣнiй. Онъ имѣетъ: дифтонгъ ў*о* (подъ ударенiемъ): нў*о*съ, нюо*съ (=несъ), кол*юо*съ (род. мн.), на *юо*мъ, при *у* (безъ ударенiя): на дóбр*у*мъ, п*у*дъ водôю; дифтонгъ *iе* (подъ ударенiемъ, съ преобладанiемъ въ немъ первой части и съ твердымъ *е*): св*iе*тъ, р*iе*заті, въ руц*iе*, с*iе*мъ (=семь), м*iе*дъ, вес*iе*ле, въ огн*iе*, при *i* и *є* (безъ ударенiя): д*i*лiтi, в*i*дрô, крâсныє (им. мн.); простые мягкiе согласные вмѣсто двойныхъ: весiе*лє*, коха*нє*, при зу*бьє* или зу*бьє*; вообще твердые шипящiе (даже: *шы*есць = шесть); *вья* вм. *вя* и т. п.: *вья*ну (но: робятъ, 3 л., *мня*со); частое *дж* (но: чу*ж*і); звуонъ, звонiтi (не *дз*—); формы: им. ед. на *ы*, дат. на *овi*, ёму, *мнiе*, твор. гор*ою* и гор*ею*, добр*ою* и добр*ею*, мѣстн. на печ*iе*, им. мн. пн*iе* (=пни), огн*iе*, овтар*iе*, столяр*iе* (муж. р.), вiшн*iе*, клун*iе* (ж. р.), ус*iе*, мо*iе*, род. мн. ўс*iе*хъ (=всѣхъ), дат. мн. кôн*ю*мъ, лю̂д*ю*мъ, гўс*ю*мъ (при гўсёмъ), мѣстн. мн. на конёхъ, по сiенёхъ, у чоботёхъ, 1 л. любгю, печ*ў* (при пе*ку*), 3 л. на *тъ*, повел. iд*iе*мъ и iд*iе*мо, iд*iе*те, ход*iе*те, б*iе*те (=бейте), неопред. н. только на *тi* (помо*гчi*), возвр. з. *ся* бере, прош. вр. вже-*мъ* взяла, даве-*сь* (=ты далъ), мы-*сьмо* взялi; *що*. Еще: спорадическiе мягкiе согласные передъ *е*: *лє*жў, стé*лє* (*лє* постоянно, не *ле*), сi*нє*ю (твор.), ко*нє*вi (дат.), *сє*мi (род.), кi*є*лю; ё (*о*): зелёны, весёлы, вiетёръ, берôза; спорадическое *е* вмѣсто неударяемаго *я*: помéне, мiе*се*цю (дат.); мягкiя *дз* и *ц* вмѣсто мягкихъ *д* и *т*, если передъ ними *з* и *с*: роз*дз*iлiтi, с*ц*iна, куос*ць*, нес*цi*; *а* въ с*а*чевiця; *бы*ў.

Наконецъ, корницкiй говоръ имѣетъ на мѣстѣ ударяемаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, послѣ шипящихъ и *р* (но не послѣ *j*) дифтонгъ *iа* (съ преобладанiемъ въ немъ первой части): с*iа*дь (=сядь), ж*iа*ръ, душ*iа*, ч*iа*съ, р*iа*ма, и изрѣдка мягкiя *г* и *к* на мѣстѣ мягкихъ *д* и *т*: сiгiатъ=сидятъ), скiатi (=стяти).

Данныя говоровъ Радинскаго уѣзда: подъ ударенiемъ дифтонги ў*о* (д. Воинъ и др.), или *уô*, или ў*е* (Пашенки), и дифтонгъ *iє* (Воинъ, Безволя и др., съ преобладанiемъ первой части), *є* (Воинъ) и *i* (Воинъ, Пашенки), рядомъ съ *о*: мостъ, безъ ударенiя *у* и *i* (на неб*i*, убого*i* Марус*i*, род.; Воинъ); весiе*лє*, зiе*лє* (Воинъ), свi*ня*; т*рi*, бе*рi*, *жiл*ъ, розлуч*iл*ъ [1]) (прош. вр.; Воинъ, Рудня и

[1]) Послѣ шипящихъ и *р*—*i* произносится «нѣсколько шире», чѣмъ послѣ другихъ согласныхъ.

др.; но: жіў Радча и др.); формы им. ед. на *ый* и *ы* (Воинъ), род. ж. р. на *оі* и на *ой* (такеі), дат. *мнів* (*мні*), *ті*, тв*ему*, дяк*ові*, им. мн. учител*іе* (Безволя), 1 л. *спю*, 3 л. на *тз* (Воинъ, Рудня) и на *ть* (Безволя), возвр. з. *ся* несў, прошедш. вр. бачіла-*мз* и т. п.; *быті*, *былъ*; *што* (Воинъ, Рудня и др.) и *що* (Радча и др.).

Сверхъ того: спорадическіе *є*, *е* изъ *я*, *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ: коне (род.), ше́пка (Радча), ізъ весіеле (Воинъ; въ Руднѣ и др.: коня, шапка); спорадическіе мягкіе согласные: *л*єтіла, *л*єгко, лю*д*ей (род.), іє*д*ємъ (1 л.); мягкіе *сц* вм. *ст*: на помо*сц*і, го*сц*і (Воинъ). Еще: ве*с*ь (=везь, польск. weź, повелит.), голу*п*ка (Воинъ); перекінулася раб*ой* зазуленьк*ой* (твор., Пашенки) [1].

Наши свѣдѣнія о сѣверно-малорусскихъ говорахъ Угріи скудны и мало опредѣленны. Мы знаемъ, что на мѣстѣ вр. *о* (*е*), укр. *і* въ нихъ слышатся *уі*, *у* и *ю*: в*уі*нъ, в*у*нъ, вюнъ [2]), рядомъ съ *і*: вінъ, что въ однихъ изъ нихъ (въ Сатмарскомъ и Бережско-Угочскомъ комитатахъ) *у* и *ю* преобладаютъ надъ *і*, въ другихъ—на оборотъ [3]), что *ю* начинаетъ слышаться къ западу отъ Хуста (въ Марамарошѣ) и простирается на юго-западную часть Марамарошскаго комитата и на сосѣднюю часть Бережско-Угочскаго комитата, съ долиною р. Латорицы включительно (кромѣ ея верховьевъ [4]). Также мы знаемъ, что въ этихъ говорахъ много заимствованныхъ словъ (словацкихъ [5]), мадьярскихъ, румынскихъ) и что они имѣютъ нѣкоторыя изъ тѣхъ особенностей, которыя свойственны сосѣднимъ (галицкимъ и карпатскимъ) южно-малорусскимъ говорамъ.

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ о говорѣ жителей южной части Марамароша, сосѣдящихъ съ Гуцула̀ми. Здѣсь слышно *у*: м*у*й, дв*у*ръ, д*у*мъ, ве̂ч*у*ръ, жўнка, мюдъ, вюзъ, *юй* (дат.), при нѣсколькихъ словахъ съ *і*;

---

[1]) Матеріалы для знакомства съ сѣдлецкими говорами: у Житецкаго, Очеркъ, стр. 297 сл.; у Янчука, Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, Конст. у., Сѣдл. г. (Извѣстія И. Общ. любит. естеств. при Моск. Унив., т. 48, в. 1), въ Трудахъ II, VII (стр. 552), и въ Русск. Филол. Вѣстникѣ 1884 г. № 2.—«Въ Сѣдлецкой губ. способъ произношенія словъ напоминаетъ произношеніе въ такъ называемыхъ полѣсскихъ уѣздахъ на Волыни, напримѣръ, въ Ковельскомъ, Ровенскомъ и друг. и вообще подходитъ къ произношенію словъ на сѣверо-востокѣ Волыни». Памятники русской старины въ западныхъ губ., изд. Батюшковымъ, вып. 8-й, стр. 494. Рѣчь идетъ, конечно, не о всей малорусской части Сѣдл. губ.

[2]) Дешко говоритъ, что это *ю*—«венгерскій звукъ ü (франц. u)». Кіевлянинъ Максимовича, кн. 3, стр. 27.

[3]) Семеновичъ въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, сост. учениками В. И. Ламанскаго, Спб. 1883.

[4]) Петровъ въ Журн. Мин. Н. Пр. 1892 г. № 2. Мы слѣдуемъ въ передачѣ угорско-русскихъ названій картѣ Головацкаго.

[5]) Между прочимъ, такихъ, которыя по звукамъ совпадаютъ съ словами церковно-славянскими: гладъ, главка, злато, хлапъ.

і на мѣстѣ *ѣ* (также: ячмі́нь, осі́нь и т. п.), *ы* на мѣстѣ вр. *ы* и *и*: ходыты (но иногда на мѣстѣ вр. *и* является среднее *и*, такъ что *быў* =былъ и *биў* =билъ различаются), рѣзко звучащее послѣ гортанныхъ, особенно *к*: рукы; ў, *в* изъ *л* менѣе часто, чѣмъ въ говорахъ галицкихъ и карпатскихъ: сту*л*ъ (=столъ, галицк. стіў), ву*л*ъ, оре*л*ъ, дыха*л*ка; *л* въ бі*л*ый, бы*л*ы, волочыты и т. п. мягче великорусскаго и польскаго твердаго *л*, но нѣсколько тверже чешскаго средняго *l*; мягкое *р*: тепе́*рь*, рыба́*рь*, рыба*ря́*, две*рь*мы (твор.), даже: ве*рь*хъ, де́*рь*гаты, це́*рь*коў (но бе*рь*=берь, бери); мягкое *ц* въ исходѣ словъ: двана̀т*ц*ять, молоды*ця*, молоды*ць* (род. мн.), молоды*цю* (рядомъ: молоды*ць*, молоды*цу*, дат.-мѣстн. молоды*цы*); твердые шипящіе (но вечі́ря, вечеряты); рѣдкое *дж* (хо*дж*у, блу*ж*у); *дз* въ *дз*вунъ, *дз*ерно́, *дз*еле́ный; двойные мягкіе согласные: здыха*нн*ічко, *лл*яты (=льяти), *зз*істы (=съѣсть), при волося (=волосье), камі*ня* (им. ед.), тре*ті*й, тре*тя*, тре*те*; *мня* вм. *мя*: *мня*со, сі*мня*, і*мня*, дере*вн*яный (при дере*вл*яный), ро*бл*ятъ, здоро*вл*я (здоровье). Формы: им. ед. на *ый*, род. *ю*, *его́* и *ёго́*, *еі*, сме́рт*ы*, зем*лі*, добро*і* и добр*ой*, дат. *му*, *ему̀* и *ёму̀*, *мыні* и *мені*, земл*ы*, вин. *ня* (изъ *мня*) и *мя*, *тя*, твор. мн*оў*, вод*о́ў*, им. мн. добр*і*, дат. мн. двер*е́м*ъ, груд*е́м*ъ, мѣстн. въ двер*ёх*ъ, въ груд*ёх*ъ, 1 л. люб*лю*̀, сплю и т. п., печу̀, мо́*ж*у (при могу̀) и т. п., 3 л. на *тъ* (дас*тъ*), 1 мн. на *ме*, неопред. н. только на *ты*, возвр. з. *ся* быты и бы*тыся*; глаголы на *аты* могутъ имѣть формы наст. вр. на *амъ*, *ашъ*, *атъ*, *аме*, *ате*, *аютъ*; формы прош. вр. и сослагат. накл. даве-*мъ*, даве-*съ*, далы-*сме* и т. д., бы-*мъ* даў·и т. д. Еще: глухіе гласные при плавныхъ: кървáвый, чърствый, дръва̀ (также: цркоў, съ гласнымъ *р*?); *и* вм. *е* въ отиць (=отецъ), одовиць (=вдовецъ), овиць (род. мн.), хло́пиць, тисть (=тесть), журав*и*ль, см*и*рть (=смерть), в*и*сь (=весь, мѣст.); начальное *о* безъ придыхательнаго *г*: острый, ора́ты, орі́хъ и т. п. Наконецъ: *бы*ты (нѣтъ *бу*ты), *бы*ў; *што* (нѣтъ *що*), *ныч* (=ничего) и *ні́чого*; *ідъ*, *дъ* съ дат. (*ідъ* нему) =къ; *лыш*ъ (нѣтъ *леж*ъ) [1]).

Данныя о говорѣ села Росушка, Марамарошскаго комитата: *у* (чаще) и *і* въ *ру*здво (=рожество), *ву*кнови (=окну, дат.), *ву*са̀ (=овса̀, род.), свою*і* (дат.), *гі*рка (=горка), *рі*съ (=росъ), *пі*шлітъ (2 л. мн. повел.); *і* на мѣстѣ *ѣ* (з*гі*ля, ве*сі*ля), мягкое *р*, твердое *ц* въ исходѣ словъ: хлопе*ць*, твердое *л* въ моча*л*на труба, род. ед. *ей*, тв. на *оў*, им. мн. прилагательныхъ на *і* (съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ): бі*лі*, чес*ні*, 3 л. на *тъ*, 3 л. ед. возвр. з. на *еся*, 1 л. мн. на *мо* и на *ме*, 2 л. мн. повел. на *тъ*; формы прош. вр. *емъ* казаў; *ідъ*=къ.

[1]) W o r c h r a t s k i j, Ueber die Mundart der Marmaroscher Ruthenen. Stanislau, 1883.

[2]) «Додатокъ» къ 2-му нумеру (угро-русскаго) Л и с т к а 1891 г., ст. «Якъ колядують въ Росущѣ».

Данныя о говорѣ окрестностей городка Хуста, Марамарошскаго комитата: *бу́йся*, в*у́й*на, п*у*дъ н*ы*мъ; ол*у́*у́*кы*; 3 л. стоі*тъ*; *што* [1]).

Данныя изъ с. Лучки, близъ Мукачева: зб*уй*ныкъ, п*у*дъ яворомъ, к*і*нь, ві*у́*цы (им. мн.), до*у́г*ый, ручеч*кы*, формы дат. на *овы*, вин. *тя*, твор. мно*у́*, то*у́*, річко*у́*, 1 л. ед. зна*мъ*; *лемъ* [2]).

Данныя изъ неизвѣстной мѣстности Бережско-Угочскаго комитата: п*у*пъ, п*у*шдо*у́*, *ей* (дат.), вын*и*й, вын*и*ёмъ, тре*ту* лыжку (=третью ложку), род. *ю*, дат. *му*, вин. *ма* (=*мя*), дат. мн. пс*ома*, 3 л. болы*тъ*, прывык*атъ*, 2 л. повел. клад*ітъ*, прош. вр. іще-*мъ* не на*у́*чыла; *бы*ты; *дъ* съ формою дат. =къ; *лыш*ъ [3]).

Б. Южно-малорусское поднарѣчіе.

Главная черта южно-малорусскихъ говоровъ—употребленіе *і* въ большей ихъ части и *і* рядомъ съ *и* (даже иногда *ы*) въ меньшей, на мѣстѣ великорусскаго *о*, сѣверно-малорусскихъ *уо*, *уы*, *у* и проч., съ предъидущимъ согласнымъ или мягкимъ, или до нѣкоторой степени твердымъ (исключеніе: укр. пар*у*бокъ, вмѣсто ожидаемаго пар*і*бокъ); она сопровождается другою чертою—постояннымъ употребленіемъ *і* на мѣстѣ древняго *ѣ*, съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (исключеніе: стр*е*ляти, при стр*і*ляти). Изъ мелкихъ чертъ можно отмѣтить лишь мѣстоименіе *цей* съ родственными=*сей*.

Самый крупный изъ южно-малорусскихъ говоровъ—говоръ украинскій, употребляющійся у Малоруссовъ Земли Войска Донскаго, губерній Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, Курской, значительной части Полтавской, небольшой части Черниговской, южной (къ югу отъ рѣки Роси) части Кіевской, части Волынской и восточной части Подольской, а сверхъ того, у всѣхъ Малоруссовъ, живущихъ въ Новороссіи (кромѣ западной части), въ Поволжьѣ и на Кубани, и не смотря на всю обширность своей территоріи, составляющій одно діалектическое цѣлое, которое болѣе или менѣе своеобразно окрашивается лишь на окраинахъ, въ сосѣдствѣ съ поднарѣчіемъ южно-великорусскимъ или съ говорами сѣверно-малорусскими и подольскимъ.

---

[1]) Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, I, 151, II, 97. «Марамарошскіе русскіе жители Угорщины во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ прочихъ русскихъ жителей нашего отечества (Австріи). У нихъ другой ростъ, другое нарѣчіе, другое одѣяніе, другіе обычаи. Русскіе, живущіе въ Марамарошѣ, въ обычаяхъ, одѣяніи, домохозяйствѣ и по-днесь очень походятъ на Румынъ». Слово (львовская газета) 1887 г. № 52.

[2]) Головацкій, Пѣсни, III, 8, 67, 116.

[3]) Тамъ же, I, 209, 211.

Этотъ говоръ, сдѣлавшійся литературнымъ языкомъ живущихъ въ Россіи Малоруссовъ (благодаря Котляревскому, Квиткѣ, Шевченку и др.), изъ всѣхъ малорусскихъ говоровъ считается самымъ пріятнымъ для слуха по мягкости своихъ звуковъ (особенно въ устахъ уроженцевъ Полтавы, Чигирина и ближайшихъ къ нимъ мѣстъ) [1]).

Особенности украинскаго говора: *i*, на мѣстѣ великорусскаго *о*, иногда смягчаетъ предъидущій согласный менѣе, чѣмъ *i*, соотвѣтствующее великорусскому *е* или восходящее къ *ѣ*, такъ что согласные въ *ніс*ъ = носъ и *ніс*ъ = нёсъ, въ пере*лі*гъ = перелогъ и *лі*гъ = лёгъ—различны (но согласные въ *сі*ль = соль и *сі*но = сѣно, въ *бі*гъ = богъ и *бі*гъ = бѣгъ и пр. могутъ быть одинаковы) [2]); неударяемыя *и* и *е* послѣ твердыхъ согласныхъ близки другъ къ другу и людьми, не обладающими тонкимъ слухомъ, не всегда различаются; *у* въ формахъ неопред. накл. куп*у*вати и т. п.; мягкое *є* (на мѣстѣ древняго *ье*) въ им.-вин. ед. именъ средн. р. всегда замѣняется черезъ *я*: зілл*я*, насінн*я*; звучные согласные сохраняются въ исходѣ и срединѣ словъ: ні*ж*ъ, ні*ж*ка; *р* мягкое (по-великорусски): зоря (но зві*р*ъ, зві*ру*, тепе*р*ъ, маті*р*ъ, вече*ра*); *ц* мягко въ исходѣ словъ: хлоп*ця*, хлоп*цю*, хлопе*ць*, хлоп*ці*, бъе*ця*; шипящіе мягки передъ *а* въ формахъ 3 л. мн.: дер*жя*ть; *бя* и т. п. вмѣсто *бя* (съ твердыми губными): *пъя*ть, *въя*жу (но *свя*тий), *мня*со, роб*ля*ть (3 л.); двойные мягкіе согласные: зі*лля*, *ллю* (= лью), жи*ття̀*, сви*ння̀*, подві*рря*, при щас*тя*, ра̀дос*тю*; изрѣдка *дж*: хо*джу̀*; *дз* въ *дз*вінъ и родственныхъ; формы: им. ед. на *ий*, род. *є̆*го, печ*і*, добр*ої*, мо*єї*, т*ої*, т*еї*, т*овї*, т*иєї*, т*ієї*, ц*ієї* (= сей), род.-вин. *мене*, *тебе* (*мя*, *тя* малоупотребительны), дат. *є̆*му, мо*єму̀* и м*ому̀*, козак*ові*, дат.-мѣстн. ноч*і*, печ*і*, твор. т*ою*, т*ею*, т*оєю*, т*иєю*, ц*ією* (= сею), им. мн. мил*і*, мил*ії* (съ не вполнѣ мягкимъ *л*, съ тѣмъ *л*, что въ пере*лі*гъ), миленьк*і*, мног*і* (съ мягкими *к* и *г*), при мил*иі*, гост*і*, кост*і*, плеч*і*, дат. мн. гост*і*мъ, люд*і*мъ (при гостямъ), мѣстн. гост*і*хъ (при гостяхъ), твор. мн. (отъ нѣкоторыхъ словъ) на *ма*: очи*ма*, двери*ма*, плечи*ма*, трё*ма̀*, шість*ма̀* (= шестью) и др., 1 л. ед. хо*дю*, пу*стю*, во*зю*, про*сю*, рядомъ съ хо*жу* или хо*джу*, пу*щу* и т. д., 3 л. на *ть* (мѣстами, особенно въ восточной, заднѣпровской половинѣ украинскаго говора, рядомъ съ ход*ить*, нос*ить*, также ход*е*, нос*е*), 3 л. возвратн. зал. иногда съ однимъ *ц*: питае*ця* (рядомъ на *еця* или *ется*), 3 л. ед. рядомъ на *ає* и на *а*: пит*а̀є* и пит*а̀*, неопред. безразлично на *ти* и на *ть*, съ гортаннымъ передъ *т*: пе*к*ти, воло*к*ти. Сверхъ

---

[1]) «Нынѣ полтавское нарѣчіе кіевскому предпочитается». Павловскій, Прибавленіе къ грамматикѣ малорусскаго нарѣчія, стр. 15 (Спб. 1822).

[2]) Рѣже въ восточной, заднѣпровской половинѣ украинскаго говора, чѣмъ въ западной. «Иные и здѣсь (за Днѣпромъ) различаютъ *i* въ *ні*съ (= носъ) отъ *i* въ *ні*съ (= несъ)». Потебня, Замѣтки, 29.

того, въ украинскомъ говорѣ (особенно въ нѣкоторыхъ его частяхъ) мягкіе согласные передъ *а*, *і*, *є*, т. е. въ слогахъ *дя, тя, ся, ді* и т. д., болѣе мягки, чѣмъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ и въ великорусскомъ нарѣчіи (что и сообщаетъ этому говору особую мягкость и какъ-бы нѣжность); *л* въ *лихо* ясно отличается отъ *л* въ *лисий* (=лысый) и отъ *л* въ *літо*; *л* твердое въ си*лно*, бі*лший*, сті*лко* (при си*льно* и т. д.); послѣднее передъ *к* можетъ быть опускаемо: стіко, тіко.

Украинскій говоръ въ Воронежской губ., гдѣ Малоруссы и Великоруссы «живутъ смѣшанно», то болѣе, то менѣе богатъ великоруссизмами [1]). Отмѣчено: к*а*лачі, к*і*сіль, пірігъ, гуля*і*шъ, на в*і*ні, робит*і*, розвіртіли, на в*і*сні (=веснѣ), ў пічі (=въ печи), пост*о́й* (повел.), формы 3 л. мн. нос*ю*ть, им.-вин. мн. усі город*а́* (Богучарскій уѣздъ), зват. мі*лой* бат*і*ньку (Острогожскій у.) [2]).

То же, кажется, можно сказать объ украинскомъ говорѣ въ Екатеринославской и Харьковской губ. Въ м. Никополь, Екатеринославскаго уѣзда, отмѣчено: зн*і*мў, формы 2 л. боі*ся*, 3 л. держы*тъ* (при *ть*) [3]). Въ Лебединскомъ уѣздѣ: цепъ=цѣпь, подн*і*му, к*і*ну, колиск*і* (род.), печ*е̋* (3 ед.), вер*е̋*ўка, зостаўс*е*, *в*пъять рядомъ съ *у*пъять (=опять), формы род. ед. мое*й*, до т*ий* пори, при теі, т*і*еі, однеі, ц*і*і, твор. т*оею*, т*иею*, ц*і*ею, 3 л. на *тъ*. Въ Купянскомъ уѣздѣ: напад*е̋* (3 л.), *пять* [4]).

Украинскій говоръ въ западной части Кіевской, въ Волынской и Подольской губ. въ разныхъ мѣстахъ своей территоріи отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ. Онъ здѣсь имѣетъ: *и* на мѣстѣ великорусскаго *о*, иногда даже *ы*, рядомъ съ *і*; *и* болѣе близкое къ *ы*, чѣмъ въ Приднѣпровьѣ, иногда даже тожественное съ *ы*; неударяемое *е*, приближающееся къ *и* или даже переходящее въ *и*; болѣе частое твердое *р* вмѣсто мягкаго; болѣе частые одиночные мягкіе согласные вмѣсто двойныхъ: зі*ля*, рядомъ съ двойными: ві*лля*; мягкіе гортанные передъ *и*: ру*кі*, вер*хі* и т. п.; спорадическое придыхательное *г* передъ начальнымъ *о*: *горати*; формы 3 л. на *тъ* (рядомъ съ формами на *ть*) и

1) Въ Богучарскомъ у. «языкъ очень искаженъ. Малороссы, особенно молодежь, такъ коверкаютъ свой языкъ, что иногда бываетъ даже невозможно понять, о чемъ говорится. У Богучарцевъ горожанъ полнѣйшее смѣшеніе языковъ». Пам. книжка Воронежской губ. на 1865—66 г., стр. 217. Объ «обрусѣніи» воронежскихъ Малоруссовъ см. также въ ст. «Воронежскіе Хохлы», Кіевск. Старина 1885 г. № 4, стр. 632—633.

2) Пам. книжка Ворон. губ. на 1865—1866 г. (Богучарскій у.); Веселовскій, Городъ Острогожскъ (Воронежской губ.) и его уѣздъ, Воронежъ, 1867; Воронежская Бесѣда (Павловск. у.); Сказки Аѳанасьева, вып. 5 (Бирюченскій у.).

3) Труды Чубинскаго, II.

4) Тамъ же, II (Лебед. у.) и VII; Харьковскій Сборникъ, историко-литературное приложеніе къ «Харьковскому Календарю», вып. 2, 3, 4, Харьковъ, 1888—1890 (Купянск. у.); Драгомановъ, Малорусскія нар. преданія.

2 л. мн. повелит. на *тъ* (рядомъ, чаще, формы на *ть*), остатки формъ двойств. ч.: дві ру*ці*, три коро*ві*; наконецъ, польскія глагольныя образованія прошедш. вр., увеличивающіяся въ своемъ количествѣ по мѣрѣ приближенія къ западу: казав*е-мъ*, каза*ве-сь*, каза*ли-сьмо* и т. п., *уже-мъ* казаў. Онъ здѣсь, на западѣ, звучитъ болѣе твердо и грубо, чѣмъ въ Приднѣпровьѣ.

Наши свѣдѣнія объ украинскомъ говорѣ на западѣ вообще очень скудны и неясны.

М. Старый Мирополь, Новоградволынскаго уѣзда: по-сѣверно-малорусски, спорадически *е* на мѣстѣ неударяемаго *ѣ*: мешòкъ; *е* безъ ударенія здѣсь часто замѣняется черезъ *и* [1]).

Деревня Юрковщизна, того уѣзда: *е* на мѣстѣ неударяемаго *ѣ*: стенà (рѣдко), *и* на мѣстѣ неударяемаго *е* (рѣдко), очень частое твердое *р*: го*р*илка (или го*ры*лка), го*р*ихъ (=орѣхъ), мягкіе гортанные не только передъ *и*, но и передъ *е*: так*е* горе, *вя* вмѣсто *въя*: *пять*, *мя*со, і*мя*; твердые шипящіе: *жи*нка, пани*чи* (им. мн.); также: зі*лье*, им.-вин., рядомъ съ сви*ня*, формы им. ед. на *ий* и на *и*, дат.-мѣстн. женск. р. на *ой*: добр*ой*; польскія формы будущ. вр.: буду казаў [2]).

Варваровская волость, Заславскаго уѣзда: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е*, даже въ концѣ словъ: пийт*и* (повел.), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о*: г*у*дувати, *е* въ им.-вин. ср. р.: угіл*ле*, здоровь*е*, твердые шипящіе въ *лежа*ть и т. п., формы род. ед. *меі*, дат. т*иб*і (=тебѣ), дат.-мѣстн. м*ої* [3]).

Литинскій уѣздъ: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е* (очень часто), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о* (изрѣдка), очень частое твердое *р* [4]).

Окрестности г. Немирова: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е* (часто), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о*: т*у*бі, очень частое твердое *р*, твердые шипящіе въ *лежа*тъ и т. п., формы род. мн. гус*ий*, люд*ий*, формы 3 л. на *тъ*, 2 л. мн. повел. на *тъ*, неопр. н. пе*чи* [5]).

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ объ украинскомъ говорѣ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губ. (окрестности м. Плискова). Здѣсь неударяемое *е* въ серединѣ «нѣкоторыхъ» словъ, склоняющееся къ *и* и звучащее какъ звукъ средній между *е* и *и*: *ли*дàщо, прин*и*сіте и др.; одиночные мягкіе согласные вмѣсто двойныхъ: жи*тя*, сніда*ня* и т. п. (постоянно); всегда

1) Труды, II.
2) Zbiòr wiadomości, томы VII и XI.
3) Труды, VII, стр. 585.
4) Труды, II (с. Дашковцы); Данильченко, Этнографическія свѣдѣнія о Подольской губ. Вып. I. Кам.-Под., 1869.
5) Труды, II; Zbiór, XII.

твердое *р* передъ *а: зора*; формы род. *меі*, рядомъ съ *моеі*, вин. *мня* и *тя*, рядомъ съ *мене, тебе*, 3 л. на *тъ*, 3 л. возвр. з. по преимуществу на *еця: несеця*, возвр. з. съ *ся* не только послѣ глагола, но также и передъ глаголомъ: ми *ся* умивали (часто); польскія формы прош. вр. [1]).

Украинскій говоръ опоясанъ съ сѣвера нѣсколькими очень близкими къ нему говорами, которые отъ него отличаются большею твердостью гласныхъ и согласныхъ (*и* или *ы* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, очень близкій къ *ы* или съ нимъ тожественный звукъ на мѣстѣ укр. *и*, почти постоянно твердое *р*) и присутствіемъ въ нихъ болѣе или менѣе значительнаго количества мелкихъ сѣверно-малорусскихъ чертъ. Они начинаются въ Курской губ., занимаютъ среднюю часть Кіевской губ. и тянутся полосою между сѣверно-малорусскими и украинскимъ говорами въ Волынской, пока не сливаются съ западно-волынскимъ говоромъ.

Наши свѣдѣнія объ этихъ переходныхъ, а иногда и смѣшанныхъ говорахъ чрезвычайно скудны и неясны.

Говоръ нѣкоторыхъ изъ малорусскихъ поселеній К у р с к о й губ. довольно своеобразенъ. Онъ въ Суджанскомъ уѣздѣ имѣетъ: пійд*е*мъ, вывідь (повел. = выведи), відвіртàє, чахòлъ, узілà (= взяла), трет*и*ю (вин. ж. р.), могіла, мілой, гуля*нье*, зі*лье*, формы 3 л. ід*еть*, гуд*еть*, при ід*е*, пит*а*, ход*е*, повел. пей (но п*ий*), дв. ч. два син*à*, три козаченьк*а*. Рядомъ: *і* и *и* (или даже *ы*?), *е* на мѣстѣ *ѣ*: ріці (= рѣкѣ), гляділа, невіска (также зілье, зільячко), ди*у*ка, дивочка, на вики, невиста, зативатъ, звинчàли, песòчокъ, дети (также корень, матенька); *і* на мѣстѣ великорусскаго *о* даже въ двіра (= двора), по піуній чарці (= полной), при *и* и *о*: викòньце, видкіль, сириточка, вини (= они), на вороном коню, водъ вынцà (= отъ вѣнца). Еще: при *хв* на мѣстѣ *ф*, — наоборотъ, *ф* вмѣсто *хв: ф*остъ (= хвостъ), *ф*оростъ, *ф*атить; формы: род. *е*го, дат. сво*е*му, козак*ови*, дат.-мѣстн. одн*ей* могіль*ці*, нелюб*ей* невис*кі*, неопред. накл. всегда на *ть*. Наконецъ: замiжъ, *пъять*, *було*, *що* [2]).

Говоръ той части Лохвицкаго уѣзда, П о л т а в с к о й губ., которая соприкасается съ уѣздами Пирятинскимъ и Прилуцкимъ (с. Свѣтличное и др.), имѣетъ не *і* на мѣстѣ вр. *о*, а звукъ болѣе твердый, средній между *і* и *и*, *р* всегда твердое въ концѣ словъ и передъ согласными: ца*р*ъ, Ха*р*ко, формы

---

[1]) Zbiór, VII, стр. 119.

[2]) Москвитянинъ, 1854 г., №№ 7 и 8, ст. Николаева. Находящіеся здѣсь матеріалы записаны не вполнѣ удовлетворительно (между прочимъ остается неяснымъ, какой здѣсь звукъ, *и* или *ы*). Сверхъ того: Труды Чубинскаго, II (не указанъ уѣздъ; здѣсь формы род. *тией* води, одн*іеі*, тв. ц*ією*, род. мн. старостівъ); Сказки Аѳанасьева, вып. 3 (не указанъ уѣздъ); Этнографическое Обозрѣніе 1892 г. № 1, стр. 189 (Корочанскій у.).

3 л. только на *ить:* нос*ить* (на *е:* нос*е* и т. п., нѣтъ), неопред. н. только на *ть* (но: пек*ти̂*) [1]).

Говоръ въ тѣхъ селахъ Переяславскаго уѣзда, той же губерніи, которыя расположены на лѣвой сторонѣ р. Трубежа, имѣетъ *и* на мѣстѣ вр. *о* и изрѣдка *е* на мѣстѣ неударяемаго *ѣ*: ведро̂ (при ві̂дра); онъ сохраняетъ въ формахъ неопред. н. *о*: куповати (рядомъ съ *у*: куп*у*вати), и въ формахъ им.-вин. ед. ср. р. *є*: весіл*є*, гулянн*є*; *р* «по преимуществу» твердо; въ формахъ 3 л. мн. то твердые, то мягкіе шипящіе: ле*жа*ть и ле*жя*ть; формы дат. мо*є*му̂ и мо*й*му̂, 3 л. только на *ить*: нос*ить*, неопр. н. только на *ть* (но: пек*ти̂*) [2]).

Изъ говоровъ Кіевской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія о слѣдующихъ.

Говоръ с. Соловіевки, Радомысльскаго уѣзда: *і* и *и* (или *ы*) рядомъ: в*і*къ, тв*і*й, т*і*лько и по одн*и*й (дат.), брат*и*у̂ (род.), п*и*дкіну; спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е*: ж*и*ребе́ць, ж*и*ни́тця, в*и*л*і*у̂ (= велѣлъ), н*и*вірний; иногда *є* въ формахъ им.-вин. ср. р.: уголл*є*, убранн*є*; иногда *і* послѣ *к*: братик*і* (им.-мн.), к*і*ну; формы неопр. н. на *тъ* [3]).

Говоръ м. Коростышева, того же уѣзда, на границѣ Волынской губ.: *і* и *и* (даже *ы*) рядомъ: к*і*пъ (род.), н*и*съ, л*ы*й; *о* въ куп*о*вать; твердые шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: ле*жа*ть и т. п.; формы повел. накл. п*и*ть, б*и*ть, неопр. н. обыкновенно на *ть* [4]).

Говоръ м. Гостомль, Кіевскаго уѣзда (на сѣверо-западъ отъ Кіева): спорадическое *е* вмѣсто неударяемаго *ѣ*: стена̀; спорадическое *є* вм. *я*: поєсъ; *є* въ формахъ им.-вин.: уголл*є*; *о* въ формахъ неопред. н. купова́ть и т. п.; формы неопр. н. обыкновенно на *ть* [5]).

О говорѣ сѣверной части Васильковскаго уѣзда (къ сѣверу отъ рѣки Роси) мы знаемъ лишь то, что онъ отличается отъ чистаго украинскаго говора южной части того же уѣзда (къ югу отъ Роси), тѣмъ, что имѣетъ, кромѣ *и* рядомъ съ *і* на мѣстѣ вр. *о* и очень частаго твердаго *р*, также *є* въ формахъ им.-вин. ср. р. и отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: сніда*нь**є*; формы 3 л. на *тъ* [6]).

---

1) Труды, VII, стр. 577.

2) Тамъ же, VII, стр. 592.

3) Труды, II.

4) Тамъ же, VII, стр. 589.

5) Тамъ же, стр. 590.

6) Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, стр. 181 сл. Авторъ говоритъ: «Житель сѣверной части уѣзда называетъ себя настоящимъ Украинцемъ, утверждаетъ, что онъ говоритъ чистымъ, не испорченнымъ мѣстнымъ языкомъ, смѣется надъ говоромъ своихъ сосѣдей (на югѣ), называя ихъ Буцами и Гештаками, потому что они имѣютъ привычку повторять слово гета, по-полѣсски. Въ рѣчи также есть разница» (стр. 149).

Украинскій говоръ на западѣ переходитъ въ очень близкіе къ нему говоры западно-волынскіе на сѣверѣ и въ подольскій на югѣ.

Первые, занимающіе западную часть южно-малорусской территоріи Волынской и Люблинской губ., переходятъ въ Галицію. Они слышатся въ сосѣдней съ Волынской губ. окраинѣ ея (главнымъ образомъ въ галицкомъ Полѣсьѣ). Ихъ отличія отъ сосѣдняго украинскаго говора заключаются лишь въ большемъ или меньшемъ количествѣ чертъ, свойственныхъ говорамъ Галиціи (между ними такихъ, какихъ нѣтъ въ подольскомъ говорѣ: *є* вм. *я*), такъ что они могутъ быть названы переходными отъ украинскаго говора къ собственно-галицкому. Главныя ихъ черты тѣ же, что въ сосѣднемъ украинскомъ (каковъ онъ въ Волынской губ.): *і* и *и* (*ы*) рядомъ на мѣстѣ великорусскаго *о* и *и* близкое къ *ы* или даже тожественное съ *ы* на мѣстѣ укр. *и*. Между мелкими чертами можно указать на польскія глагольныя образованія.

Свѣдѣнія о нихъ очень скудны.

Говоръ с. Ярославичи, Дубенскаго уѣзда (между Дубномъ и Луцкомъ): *е* и *и* на мѣстѣ неударяемаго *ѣ*: ведрò, ст*и*нà, *е* въ им.-вин. ср. р.: уголл*е*, частое твердое *р*, твердые шипящіе въ ле*жа*ть и т. п., формы дат. на *ови*, 3 л. ед. на *тъ*.

Говоръ м. Козина, того же уѣзда: формы 3 л. ед. на *тъ*, 3 л. мн. на *ть* [1]).

Говоръ окрестностей Луцка: мягкое *к* передъ *и*: *кі*тайка, ру*кі*, 3 л. ед. на *тъ*, 3 л. возвр. зал., по-галицки, безъ *т*: пита*є*ся [2]).

Говоръ м. Городокъ, Луцкаго уѣзда: спорадическое *є* вмѣсто *я*: мн*є*со, мн*є*ти, *є* въ им.-винит. ср. р.: уголл*є*, *о* въ куповати и т. п., частое твердое *р*, твердые шипящіе въ ле*жа*ть и т. п., формы род. мойго, м*еі*, дат., по-галицки, на *ови*, твор. чорн*ею*.

Говоръ с. Бережцы, Владимироволынскаго уѣзда: спорадическое *є* изъ *я*: т*є*жко, *є* въ им.-вин. ср. р. гыл*є* (=укр. гілля, голье), отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ [3]).

Говоръ м. Голобы, Ковельскаго уѣзда: спорадическое *е* на мѣстѣ неударяемаго *ѣ*: мешòкъ, стенà, *є* изъ *я*: мн*є*со, мн*є*ти, держ*є*ть (3 мн.), бьец*є* (3 ед.), формы род. м*еі*, дат. на *ови*, твор. чорн*ею* [4]).

«Въ Люблинской губ., и особенно въ Грубешовскомъ уѣздѣ, на-

---

[1]) Труды, VII.
[2]) Stecki, Wołyń, I, 111.
[3]) Житецкій, Очеркъ, 343.
[4]) Труды, VII.

родный языкъ соотвѣтствуетъ языку юго-западныхъ (т. е. южно-малорусскихъ) уѣздовъ Волыни» [1]).

Въ говорѣ с. Рахань, Томашовскаго уѣзда, отмѣчено: частое *е* вмѣсто *я:* мьєсо, бьєсє (3 л. ед.), коне (род.), спорадическое *у* (или звукъ, близкій къ *у*) вмѣсто неударяемаго *о:* гудувати, формы род. ёго, дат. ему, дат. на *ові*, 3 л. ед. на *тъ*, 3 л. мн. на *ть*, 3 л. ед. возвр. зал. на *есе*: бьєсе, неопр. накл. печи (не пекти), возвр. зал. вінъ *сі* бье (=бьется).

Говоръ с. Раколупы, Холмскаго уѣзда: *е* и *и* на мѣстѣ неударяемаго *ѣ:* стена́, мишо̀къ, бида̀; частое *е* вмѣсто *я*: прийнети (=принять), лежеть (3 л. мн.), формы род. ёго, дат. на *ови*: синови, 3 л. на *ть*, 3 л. ед. возвр. зал. бьеся, неопр. печи, возвр. з. вінъ *ся* бье [2]).

Сверхъ того, въ люблинскимъ говорахъ очень распространены мѣстоименныя формы *мі*, *ті*, *мя*, *тя* (въ пѣсняхъ) и польскія глагольныя образованія: прошедш. вр. казаве-мъ, ще-*мъ* не жениўся, будущ. буду каза̀ў, сослагат. би-*сь* любила; а въ нѣкоторыхъ селахъ Грубешовскаго и Томашовскаго уѣздовъ встрѣчается замѣна *с* и *ц* черезъ *ш* и *ч*: *ші*=*сі*, хлопчі, світлоньчі=укр. хлопці, світлоньці [3]).

Говоръ окрестностей г. Збаража, въ Галиціи, близь южной границы Волынской губ., имѣетъ лишь *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, повидимому, всегда съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (по-подольски и по-галицки), спорадическое *и* на мѣстѣ неударяемаго *е*: тичѐ, спорадическое (рѣдкое) *е* изъ *я*: петна́йцять, дитє, твердое *ц* въ концѣ словъ: хлопецъ, *є* въ формахъ им.-вин. ср. р.: зільє, поділє, мягкое *к* передъ *и:* рукі, *л* въ горілка, формы им. ед. на *ий*, дат. *мі*, *сі*, вин. *мя*, *тя*, им. мн. милі, білі (съ среднимъ *л*), гуси, плечи, род. мн. сіней, 1 л. ступлю и т. п., 3 л. на *тъ* (но дасть), 3 л. возвр. з. на *ется* (не на *еся*), возвр. з. съ *ся* не только послѣ глагола, но и передъ нимъ; польскія формы прошедшаго вр. и сослаг. накл.: казаве-мъ, ўже-сьмо казали, би-мъ казаў [4]).

Говоръ деревни Цетули, близь г. Ярославля (въ сѣверо-западной части Галиціи), имѣетъ также лишь *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, спорадическое (рѣдкое) *і* на мѣстѣ неударяемаго *е:* вісіле, спорадическое (очень рѣдкое) *е* изъ *я*: мне, *о* въ ночовати, *л* въ горілка, хтілъ, твердое *р* въ подвіройко, ġосподаръ, *мя* въ румяный, твердое *ц* въ концѣ словъ: хлопецъ, глухой согласный вмѣсто звонкаго: блиско, формы им. ед. на *ий*, род.-вин. *мя*, *мня*,

———

[1]) Батюшковъ, Памятники русской старины въ западныхъ губ. Выпускъ 8-й. Холмская Русь, Спб. 1885, стр. 494.

[2]) Труды, VII, стр. 554—555.

[3]) Батюшковъ, Памятники, стр. 495.

[4]) Zbiór, VII.

дат. на *ови*, дат. *ми*, *си*, 1 л. поста*вю*, ви*джу*, пу*щу*, 3 л. на *тъ*, 3 л. ед. згани*тъ*, неопр. н. на *ти* и на *тъ*, возвр. з. на *ся* и послѣ, и передъ глаголомъ. Еще: *сц*інойка (=стѣна). Этотъ говоръ богатъ полонизмами: и формами, и словами [1]).

О говорѣ прилегающей къ Люблинской губ. части Галиціи (около м. Равы) мы знаемъ лишь то, что тамъ «говорятъ совершенно такъ, какъ на Волыни» (т. е. въ ближайшихъ мѣстахъ Волынской губ.), что на мѣстѣ украинскихъ *б*, *д*, *з* могутъ быть соотвѣтствующіе имъ глухіе: ді*т*ковщина, что въ концѣ слова сокі*л*ъ слышится *л*.

Подольскій говоръ занимаетъ западную и юго-восточную часть **Подольской** губерніи съ прилегающими частями Херсонской губ., Бессарабской губ. и Галиціи [3]).

Онъ очень близокъ къ своему восточному сосѣду, украинскому говору [4]) (каковъ онъ въ восточныхъ уѣздахъ Подольской губ.), и имѣетъ неударяемое *е* приближающееся къ *и*, а вѣроятно, нерѣдко и переходящее въ *и*, при *е* ударяемомъ, звучащемъ болѣе мягко и открыто: мене́, зел*е*ный; его отличія отъ украинскаго говора: мягкость всѣхъ согласныхъ передъ *і*, соотвѣтствующимъ вр. *о*, такъ что слова *ні*съ=носъ и *ні*съ=несъ звучатъ тожественно; болѣе частое ў на мѣстѣ *л* твердаго, чѣмъ въ украинскомъ говорѣ (но болѣе рѣдкое, чѣмъ въ галицкомъ): горіўка (=укр. горі*л*ка); твердые шипящіе въ формахъ 3 л. мн.; глухіе согласные на мѣстѣ украинскихъ звонкихъ: пі*т*кочу, ни*с*ький, тя*ш*ко; формы: твор. ед. на *о*ў вмѣсто *ою* и рядомъ съ *ою*: жінкоў,

---

[1]) Тамъ же, X.

[2]) На основаніи сообщенія А. С. Крыловскаго.—По Головацкому, въ Золочевскомъ округѣ форма им. мн. мідя*ні* звучитъ съ твердымъ согласнымъ передъ *і*, почти=мідя*ны*. «Замѣтки», стр. 32.

[3]) Головацкій («Росправа», стр. 47) говоритъ о «волынско-подольскомъ нарѣчіи», что оно въ Галиціи занимаетъ меньшую половину Чортковскаго, около половины Тернопольскаго, Золочевскаго и Жолковскаго округовъ. Часть этой территоріи принадлежитъ, конечно, западно-волынскимъ говорамъ.

Кстати: Галиція прежде раздѣлялась на 19 округовъ («Kreise»), а съ сравнительно недавняго времени раздѣляется на 74 участка («Bezirke»). Такъ какъ источники, которыми намъ приходится пользоваться для характеристики галицкихъ говоровъ, по преимуществу старые, то мы будемъ держаться, вмѣстѣ съ ними, стараго дѣленія.

[4]) Наука «западныхъ обитателей нашего края причисляетъ къ Галичанамъ, а восточныхъ называетъ Украинцами. Принадлежащіе къ галицко-подольскому типу обитаютъ въ предѣлахъ бывшаго Подольскаго воеводства, а Украинцы населяютъ Брацлавщину». Труды Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи, I, Каменецъ-Под., 1876, стр. 24—25.

«Нарѣчіе Подолянъ отличается главнымъ образомъ въ грамматическомъ отношеніи и богато остатками самыхъ древнихъ формъ; нарѣчіе Украинцевъ гораздо богаче въ фонетическомъ отношеніи и отличается нѣжностью и мягкостью звуковъ, чрезвычайно пріятныхъ для слуха». Тамъ же, стр. 25—26.

доброў, тобоў [1]), 3 л. на *тъ*, 3 л. мн. хо̂дя, ро̂бя (безъ *тъ*), при несу*тъ*, ходя*тъ*, 2 л. мн. повелит. накл. на *тъ* (рядомъ на *—те*), неопред. н. печи и т. п., возвратн. зал. съ *ся* не только послѣ глагола, но и передъ нимъ; польскія формы прошедш. вр. каза*ве-мъ* и т. п., будущ. вр. буду казаў, сослагат. накл. би-*мъ* казаў.

Менѣе важныя черты: спорадическое *у* вмѣсто неударяемаго *о*: в*у*ювати, твердое *ц* въ концѣ словъ: хлопе*цъ*, отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: зі*ля* или зі*ле* (не всегда), *ф* вмѣсто *хв*: *ф*істъ (=хвостъ), *ф*алити, формы род. сол*і*, мо*і* душ*і*, род.-вин. *і* (рядомъ съ *її*=ее), дат.-мѣстн. мо*і*, вин. *мя*, *мня*, *тя*, им. мн. кост*и*, род. мн. на *ей* и *ий*: гус*ей* и гус*ий*, 1 л. хо*дю*, про*сю*, при хо*жу*, 3 л. ед. но̂с*е*, хо̂д*е*, кохаєця; остатки формъ двойств. числа; дѣепричастія на *че* и *ше*: ходиў*ше*.

Конечно, этотъ говоръ въ разныхъ частяхъ своей территоріи не вполнѣ одинаковъ.

Въ Ольгопольскомъ уѣздѣ онъ приближается къ сосѣднему украинскому говору, имѣя, повидимому, передъ *і* изъ *о* иногда болѣе или менѣе твердые согласные.

Въ с. Тыннѣ, Ушицкаго уѣзда, повидимому, то же (записано даже *лый*=лой). Здѣсь формы 3 л. на *тъ* и на *еся*: *бьєся* [2]).

Въ Галиціи онъ постепенно сливается съ галицкимъ говоромъ, имѣя *є* изъ *і* послѣ *к*: кєдае, кєнула (при рук*і*) и формы дат. на *ови* [3]), дат. *му* (=ему), *ми*, *ти*, *си*, вин. *го*, *ю*, *нюю* (ее), дат. мн. свин*ё*мъ, мѣстн. ў чобот*ё*хъ [4]).

Передъ нами собственно-галицкій говоръ (точнѣе: собственно-галицкіе говоры), съ территоріею, на западѣ ограниченной предгорьями Карпатъ, а на югѣ доходящей почти до середины Покутья. Его главныя особенности: мягкіе согласные передъ *і*, соотвѣтствующимъ укр. *і*, вр. *о*, такъ что слова *н*ісъ=носъ и *н*ісъ=

---

[1]) Пѣсни имѣютъ также формы въ родѣ жінко*є*у, добро*є*у, образованныя для сохраненія въ стихѣ размѣра. Они указываютъ на сравнительную новизну формъ на *оу*.

[2]) Скудныя данныя о подольскомъ говорѣ въ предѣлахъ Россіи въ Трудахъ Чубинскаго, у Шейковскаго въ «Бытѣ Подолянъ», два выпуска, Кіевъ, 1860—1861, и въ статьѣ о похоронахъ въ Подольской губ. (Кіевск. Телеграфъ 1860 г. № 17 и сл.), въ ст. Свидницкаго въ Основѣ 1861 г. № 11—12, въ ст. Михновича въ Вѣстникѣ И. Р. Географич. Общ. 1852 г., ч. 6. Эти данныя въ большинствѣ случаевъ лишены указаній, къ какимъ именно мѣстностямъ они относятся.

[3]) Zbiór wiadomości, VII (дер. Кудиновцы, Золочевскаго округа).

[4]) Головацкій, Пѣсни, II, стр. 625—698 (окрестности р. Збруча; здѣсь еще *ф*істъ=хвостъ, тре*т*ую, вин.), II, стр. 168, 174 (с. Улазовъ, Жолковск. окр., на русской границѣ), IV, стр. 191 сл., 273 сл. (с. Туръ, Золочевск. окр.; здѣсь: *дж* въ хо*джу* и т. п., 2 л. мн. пов. верні*ть*).

нөсъ звучатъ тожественно, *и* болѣе близкое къ вр. *ы*, чѣмъ укр.-полт. *и* [1]), болѣе или менѣе частое *е* изъ *я*: петь (= пять), коне (род.), между прочимъ послѣ шипящихъ, *ц* и *р*: шепка, чесъ, зоре, ў изъ *л* болѣе частое, чѣмъ въ укр.: горіўка (при горівочка), сопіўка, міўкий (= мелкій), віў (= колъ), стіў (= столъ), віў, ореў (= волъ, орелъ), одиночные мягкіе согласные: зіля, снідання, попадя, твердое *р* вмѣсто мягкаго болѣе или менѣе частое, чаще, чѣмъ въ укр., *дж* болѣе частое, чѣмъ въ укр.: ходжў, походжати, *дз* въ *дз*вінъ, *дз*ерно и *дз*елений, твердое конечное *ц* въ хлопець, мягкое *к* передъ *и*: руки (род.), кінути (не вездѣ: гіркий), при гину и т. п., *бя*, *вя*, *пя* или *бе* и пр. (но не *бъя* или *бья* и т. д.): вяжў, пять, при тімя, мьясо, мнясо, имня (= имя), здоровле, глухіе согласные на мѣстѣ укр. звонкихъ: лопъ, князь, дітъ, біхъ (= богъ), сторожъ, ниско, тяшко, скопка, съ коня, исъ кута, даже (по Головацкому) черфь, фторый (= второй), фпасти (= впасти), фъ хлібі, *ф* вм. *хв* и *х*: фалити, фуска (= хустка); формы им. ед. на *ий* и—рѣже—на *и*, род. *его* и *го*, моеі и моей, мої, смерти, род.-вин. *мя*, *мня* и *ня* (при *мене*), дат. на *ови*, дат. *ему* и *му*, мої (= моей), вин. *ю* (*ню* [2]), *ї*, *ій*, *ей* (= ее), твор. ед. на *оў* (даже костёў; рядомъ на *ою*), род. мн. женск. р. на *іў*: бабіў, панніў (иногда), род. мн. на *ей* и *ий* (костий), дат. мн. костемъ, гостемъ (при костямъ, гостямъ), мѣстн. мн. костехъ (при костяхъ), твор. на *ма* (тамъ же, гдѣ въ укр.), остатки формъ им.-вин. двойств. ч.: дві ягодочці; 1 л. ед. любю, ломю, или любью, ломью, или (рѣдко) люблю, ходжў (не ходю), 3 л. на *тъ*, 3 л. ед. на *ае* (не на *а*): питае, при болѣе рѣдкомъ питатъ, и на *еся* (не на *етця* или *еця*): бьеся (но любитця), 3 л. мн. ходятъ и ходя, . 2 л. мн. повел. на *тъ* (рѣже на *ть*), буд. вр. *буду* бити или *буду* биў (рѣдко *му* бити), неопр. н. на *ти* (очень рѣдко на *ть*) и *чи*: печи, волочи (не пекти), возвр. з. съ *ся* и послѣ и передъ глаголомъ; польскія формы прош. вр. казав*е-мъ* или казаў-*емъ*, що-*мъ* казаў, буд. буду казаў, сослаг. *би-мъ* казаў. Еще: болѣе или менѣе частое придыхательное *г* передъ начальнымъ *о*: горати, горіхъ; вона, вно, вони = она, оно, они, рядомъ съ она и пр. (также: вдного и т. п. = одного); предлогъ *дъ*, *идъ* съ дат. п. вмѣсто *къ*: *дъ* діўці, *идз* нему; префиксъ *ві* вм. *ви*: віходжу [3]).

Обратимся къ отдѣльнымъ говорамъ.

---

[1]) По Головацкому, гал. *и* «де-що вузше, якъ великоруске *ы*». «Росправа», стр. 35.

[2]) Формы *мя*, *мі* и т. п., *ю* могутъ имѣть на себѣ логическое удареніе; можно сказать *зъ мя*, *къ мі*.

[3]) О галицкомъ говорѣ въ трудахъ Головацкаго: въ «Росправѣ», въ «Грамматикѣ», въ «Замѣткахъ и дополненіяхъ къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы», Вильна, 1888, стр. 32 сл.

Въ с. Каменкѣ Волоской, Жолковскаго округа (въ $5^1/_2$ миляхъ отъ Львова), есть нѣкоторыя особенности «волынско-подольскія»; здѣсь послѣ согласныхъ *е* вм. *я*: дедько, *г* передъ начальнымъ *о*: говесъ, *к* вм. *g* въ заимствованныхъ словахъ (даже: *к*осподарь); *ф* вм. *хв* нѣтъ [1]).

Въ с. Зашковѣ, близь Львова, *ї* (послѣ *j*) въ формахъ настоящаго вр. вм. *е*: знаїшъ, чуїшъ, знаї и т. д. [2]).

Въ с. Кутузовѣ, Бережанскаго окр. (тамъ, гдѣ этотъ округъ соприкасается съ окр. Тернопольскимъ и Чортковскимъ), рядомъ съ *е* изъ *я*, очень частымъ: зеть, редити, шепка, чесъ, сестрице (им. ед.), вінце (род. ед.), те (=тя), родисе, весіле (им. ед., хотя: свин*я*мъ, чел*я*дю, твор.),—*і* изъ *я*: щіcте, щісливий, чірувати, румінецъ, місниця; изрѣдка *р* твердое вм. мягкаго; формы: дат.-мѣстн. ед. Марис*и*, церквиц*и*, дат. м*и*, т*и*, с*и*, твор. (пѣсенн.) дорогоєў, молодоєў, тобоєў, 3 л. *ве*, *пе* (=вьетъ, пьетъ), *пют*ъ (=пьютъ), возвр. зал. на *се* и на *си* [3]).

Въ одномъ мѣстѣ Стрыйскаго округа: *ä* вм. *а* только послѣ шипящихъ: щäсливий, нашä, ружä (при вінчан*я*, род., воропц*я*, род.), ў въ міўкий (=мелкій), *ф* въ ку*ф*арка, формы им. мн. не только стол*ове*, хліб*ове*, но и пчол*ове* [4]). Въ другомъ мѣстѣ того же округа: *е* изъ *я* болѣе часто: дите, камінe (род.), кнегині (им.); рядомъ: сі*я*ла (=сѣяла), сто*я*чи [5]).

Въ с. Верчанахъ, того же округа: *е* часто: діўчета, ме, ўзелà, везàти, формы род., *é*го, дат. м*и*. возвр. гл. на *си*; *в*на (=она) [6]).

Въ Галичѣ, Станиславовскаго окр. (на сѣверѣ его): спорадическія *е* и *і* изъ *я*: лежети, сонце, вітце, род., ме (=мя), се (=ся), ті (=тя), сі (=ся), рядомъ съ кон*я*, тво*я* и т. п., изрѣдка *и* вм. неударяемаго *е* и *е* вм. *и*: сви*и*круха, зозу*л*ичка, *ле*шила, твердое *р*: нап*р*ала, гово*р*у, мягкое конечное *ц*: от*ець*, твердое конечное *с*: дала-*сь* (2 л.), рядомъ съ мягкимъ, отсутствіе *в* передъ *і* въ началѣ словъ: іддамъ, формы им. ед. на *ий* и *и*, род. *те*і, дат. на *ові*, дат. *ти* [7]).

Въ Гриневцахъ, того же округа: спорадическія *е* и *і*: заче́ў, шепка,—се,

---

[1]) Галичанинъ, изд. Головацкимъ и Дѣдицкимъ, вып. I, Львовъ, 1862.—Одинъ текстъ изъ Жолк. окр. у Житецкаго, Оч., 317 (боюсе, ме, дитетко).

[2]) Ogonowski, Studien, 37.

[3]) Навроцкій, Твори, т. I, Львовъ, 1885 («Весѣле въ Кутузовѣ»).—Житецкій, Оч., стр. 318.

[4]) «Пѣсни» Головацкаго, IV, стр. 300 сл.

[5]) Русалка Днѣстровая. У Будимѣ, 1837 (пѣсни «одъ Стрыя»).

[6]) Житецкій, Оч., стр. 316.

[7]) Житецкій, Оч., стр. 315. Kolberg. Pokucie. Obraz etnograficzny. Четыре тома. Kraków, 1882—1889.

щисте, при *я* въ жоўняръ, прощеня (им.), *с* въ нисько (=низко), формы род. єго, дат. *ми*, возвр. зал. на *си*[1]).

Подъ Станиславовомъ: спорадическія *є* и *і* изъ *я*: взєў, вогнє (род.), десіть, молодиці (им. ед.), мні, ні (= мя), ті, сі (обыкновенно *я* сохраняется: взяў, жати, який), спорадическое *е* вм. ударяемаго (рѣже неударяемаго) *и*: ни́ско (=низко), кале́на (=калина), спорадическое *и* вм. неударяемаго *е*: ни собі, людимъ (дат.), спорадическое твердое *р*: мора, вечерати (но прядy, горюю), мягкое конечное *ць*: хлопець, твердое конечное *с*: яко-съ, формы им. на *ий* и на *и*, род. моєй. Сверхъ того: передъ начальнымъ *а* можетъ являться *j*; мягкія *г*[2]) и *к* вм. мягкихъ *д* и *т* въ отдѣльныхъ словахъ: негіля (=недѣля), гекъ (=дьякъ).

Въ Толмачѣ, того же округа (на югѣ его), говоръ почти тотъ же, что подъ Станиславовомъ: *є* и *і* въ жєль, цісарє (род.), віргджела (=выряжала), при болѣе обычномъ *я*, изрѣдка *е* вм. ударяемаго *и* и *є* вм. ударяемаго и неударяемаго *і*: кале́на, дівочкє (им. мн.), болѣе частое твердое *р*: стриcі (дат.), твердое конечное *с*, спорадическія (въ отдѣльныхъ словахъ) мягкія *г* и *к* вм. *д* и *т*: кіло, кіженько (=тя—), отсутствіе *в* передъ *і* въ началѣ словъ: ідповідаю, ігконце (=ві—), изрѣдка j передъ начальнымъ *у*: юмеръ (=умеръ); форма дат. *мні*.

Въ сѣверо-восточной части Коломыйскаго округа (Покутья) говоръ тотъ-же.

Въ Хотимирѣ: взєў, тє, бе́ти (=бити), ходе́ти, че́сте (=чисто), дворе́, горе́ (им. мн.).

Въ Чернелицѣ: пєтий, вітцє (род.,=отца), бійсє, коні (род.), Петрусі (род.), ті (=тя), рядомъ съ *я*, посаде́ла, бе́стрый, діўче́на, каже́ (повелит.), кєнуў (=кинулъ), ручкє (род., при такє, съ мягкимъ *к*, им. ср. р.), постоянно твердое *р*: журуся, на подвіру, комори (дат.), конечное твердое *с*: тому-съ, болѣе часто мягкія *г* и *к* вм. *д* и *т*: вигіли, кісто (=тѣсто), викігли при болѣе обыкновенныхъ *д* и *т*: діўчина, *j* передъ начальнымъ *у*. Еще: третий, третого.

Въ Чортовцѣ (подъ Обертиномъ): болѣе часто *є* и *і* изъ *я*: конє и коні (род.). місіцє (род.) и світлиці (им. ед.), тє и ті (=тя), сє и сі (при житя, род., и т. п.), болѣе частое *е*, *є* изъ ударяемыхъ и—рѣже—неударяемыхъ *и* и *і* (особенно послѣ *к*): череве́чки, доле́на, дітме́ (тв.), воде́ (род.), козакє, рукє, кєнуўсе, деўка, спорадическое *и* вм. неударяемаго *е*: зи-

[1]) Житецкій, Оч., стр. 310. Здѣсь нѣсколько текстовъ изъ другихъ мѣстъ Станислав. окр.

[2]) Это мягкое *г* изъ *д* вездѣ = *g*, но h.

*ли*не́нький, бі*ли* лице, кре́*ви* (=криве, им. ср. р.), твердое *р*: *зора*, вече*рию*, конечное твердое *с*: се*съ* (=сесь), ве*съ*, поділа-*съ* (2 ед.), *ф* вм. *х*: *фу*с-ка (=хустка), изрѣдка мягкія *г* и *к* вм. *д* и *т*: гле*г*іти, ле*к*іти, *к*егати; формы им. ед. на *ий* и на *и*, дат. *ми*, *ти*, *си*. Еще: јоденъ (=одинъ).

Въ Тишковцахъ (около Чортовца): вз*е*ла, т*і* (=тя), тр*е* козаки, бл*е́*ско, тре*тий*.

Около Городенки: очень часто *є* и *і* изъ *я*: ш*е*пка, мату*сі* (им. ед.), гово*рі* (3 мн.), спорадическія *е* и *є* вм. *и* и *і* (послѣ *к*): жінк*е* (род.), съ к*е̂*мъ, частое *и* вм. неударяемаго *е*: н*и*су́тъ, до ме́н*и*, кому-ст*и* готували, мягкое *р* (но ст*ри*лити), твердое конечное *с*: кому-*съ*, аби-*съ* дала, изрѣдка *г* и *к* вм. *д* и *т*; *чо*=що.

Въ Снятинѣ: *є* и *і* изъ *я* (при *я*), *е* изъ *и*, *є* изъ *і*, *и* вм. неударяемаго *е*, мягкое *р* (но: на подві*ру*, ў подві*ри*); *г* и *к* вм. *д* и *т* очень рѣдко.

Покутскій говоръ (въ Коломыйскомъ округѣ) имѣетъ всѣ главныя особенности собственно-галицкаго говора (каковъ онъ на сѣверѣ Покуть) и отличается отъ него лишь большею послѣдовательностью въ употребленіи мягкихъ *г* и *к* вмѣсто *д* и *т*.

Подъ Коломыею (дер. Испасъ и др.): очень часто *є* и *і* изъ *я*: п*є*т*и*й, держ*е*ла, пор*є*докъ, зі*лі* (им. ед.), подві*рі*, бо*лі* (3 мн.), к*і* (=тя), ва*ші* жона, спідни*ці* (но тво*я*, науч*а*ти, доганяти), изрѣдка *е* вм. *и*: петати, изрѣдка (въ отрицаніи *не*) *и* вм. неударяемаго *е*: н*и* знае, мягкое *р* (но зас*три*лю, ві*ръ*, повел., ліка*ръ*), твердое *ц*: хлопе*цъ*, грани*ца*, грани*цу*, тан*цу*вати, твердое конечное *с*: що-*съ*, це*съ* (=сесь), вве*съ*, слухала-*съ*, мягкое *к* передъ *е* въ білень*ке*, *ф* вм. *хв*. и *х*: *ф*атати, корова купо*ф*оска, изрѣдка *ш* и *ч* вм. *щ*: *ше* (=ще), *чо* (=що); мягкія *г* и *к* постоянно вм. мягкихъ *д* и *т*: на обі*г*і, хо*г*імъ, бу*г*ь, жи*ке*, на сві*к*і, гос*к*і, даже смер*ко*ў (= смертью), при бу*д*е, бра*те* и т. п. Еще: *ј* передъ начальными *у* и *о*: *ю* дорозі, *ј*оденъ, *ј*озму; формы дат. на *ови* и *ові*, дат. *мні*, твор. біл*г*ми, буд. *му* бити; предлогъ *дъ*, *гдъ* съ дат. п. вм. *къ*: *дъ* хакі, *дъ* Іванові [1]).

Одинъ изъ говоровъ **Буковины**, намъ извѣстный (въ сѣверной, надпрутской части ея), близокъ къ говорамъ подольскому и собственно-галицкому. Въ немъ: *є* и *і* изъ *я* нечасто: *є*йце́, ш*є*сте (=счастье), п*є*тъ (=пять), дит*є*, им*є* (=имя), дев*і*тъ, дес*і*тъ (при подмовьяти, брат*я*, им. ед., спан*я*, род.

---

[1]) Kolberg, Pokucie.

ед. и т. п.), ў вм. *л* чаще, чѣмъ въ укр.: горіўка, горі*в*очка, стіў (но стрі*л*ка), *и*, даже *ї* вм. неударяемаго *е*: *лиж*йтъ, *чи*кàю, в*ї*с*ї*ле, *е* вм. *и* в*е*́шня (= вишня), зав*е*вàти, ж*е*вехà (род.), ж*е*нехàне, твердое *и* въ концѣ словъ: хлопе*ць*, твердое *с* въ концѣ словъ: який-*съ*, шо-*съ* (что-то), казала-*съ* (2 л. прош.), це*съ* (=сей), *су* (=сю, сію), дивью*се*, твердое *т* въ концѣ словъ, деві*тъ*, десі*тъ*, пе*тъ*, мягкое *ш* вм. *щ*: *ше*бетати, *ше*сте, про*ш*ати, *ше* (=ще, еще), твердое *л* вм. *л* мягкаго: па*л*ца, весе*л*ца (род.), же*л*це (=жальце): твердое *н* въ си*ное* море, вог*н*ова ріка, *ф* вм. *хв*: *ф*алити, *ф*оя, иногда *г* или *ј* передъ начальнымъ *о*: *г*оріхъ, *ј*орàти, *в* въ им.-вин. ср. р. Еще: мягкое *р*, одиночные мягкіе согласные: подві*р*е; *мя* и *мня:* ру*мя*ний и ру*мня*ний; *дж* нѣтъ; *дз* въ *дз*вінъ. Формы: им. ед. на *ий*, род. *є*́го, и *го*, добр*ой* (при добро*ї*), моe*й* и мо*ї*, род.-вин. *мя*, *мня* и *ня*, дат. на *ови*, дат. *ми* (и *мї*?), *ти*, *е*му и *му*, дат.-мѣстн. мо*ї*, *ї*, на н*ї*, твор. землеў, доброў, кровѐў (=кровью), мѣстн. ў ночі, ў пол*и*, на вогн*и*, им. мн. воў*ц*ї (отъ волкъ), род. мн. ж. р. баб*ї*ў, відм*ї*ў (при бапъ и т. п.), дат. мн. лю*ди*мъ, твор. мн. добр*ї*ми, 1 л. ло*в*ью, спью, ди*в*ьюсе (при розмо*вья*ти и розмо*вя*ти), носю, 2 л. ловешъ, робешъ, 3 л. на *тъ* (да*стъ*), даже пожи*ватъ*, 3 л. ед. лов*е*, роб*е*, служ*е*, 3 л. мн. ход*ятъ* и ход*я*, 3 л. ед. возвр. віддае*тсе* и віддае*се*, 2 л. мн. повел. на *тъ* (пуст*ї*тъ), буд. вр. *буду* бити и *му* бити, неопред. н. только на *ти*, возвр. зал. съ *се* какъ послѣ, такъ и передъ глаголомъ, польскія формы прош. вр.: каза*ве-мъ*, якъ *есъ* казаў, и сослагат. н. казаў *бихъ*, казаў *бисъ* (2 л.) и т. д.; остатки формъ двойств. ч. дві ру*ц*ї, три служб*ї*, дві слов*ї*, дво*ма*, трё*ма*, плечи*ма*, очи*ма*. Наконецъ: тре*та*, тре*ту* (=третья); *в*на = она; *дз* вм. *къ: дз* нему; префиксъ *вг* вм. *ви: вг*несу [1]).

Обращаемся къ карпатскимъ и угорскимъ говорамъ, къ тѣмъ говорамъ, которыми говорятъ русскіе горцы какъ на галицкой сторонѣ Карпатъ, такъ и на угорской.

Сѣверная часть Карпатъ въ Галиціи («узкое а долгое пасмо земли») и Угріи занята такъ называемыми Лемками (отъ употребительной у нихъ частицы *лемъ* = лишь, только [2]), говоры которыхъ, довольно разнообразные, благодаря

---

[1]) Записки юго-зап. отдѣла И. Русск. Географич. Общ., т. II, Кіевъ 1875 (сборникъ буковинскихъ пѣсенъ, собр. Купчанкомъ). Другіе матеріалы изъ неизвѣстныхъ мѣстъ Буковины у Головацкаго («Пѣсни», особенно IV, 531 сл.; здѣсь формы им. ед. подві*ря*, зі*ля* и т. п., ф. мѣстн. на двер*ехъ*, гусл*ехъ*) и у Драгоманова («Малорусск. нар. преданія»), а одна пѣсня (съ *е*къ=якъ, розвиу*си*, люде *си* збігали) изъ Выжницы у Житецкаго, Оч., стр. 321.

[2]) «Лемки живутъ на обоихъ сторонахъ Бескида въ Галичинѣ и Угорщинѣ. Бесѣда, обычаи и имя суть одной и другой сторонѣ — малыи только изъявшіи перемѣны — общіи». Они занимаютъ въ Галиціи горныя части округовъ Сандецкаго, Ясельскаго и отчасти Са-

сосѣдству ихъ съ Поляками и Словаками, богаты старыми (иногда сильно измѣнившимися) и новыми полонизмами, словацизмами (между прочимъ въ родѣ главка = головка) и мадьяризмами; многіе изъ нихъ (особенно сѣверо-западные) имѣютъ даже польское удареніе (на второмъ слогѣ отъ конца) [1]).

Передъ нами говоры галицкихъ Лемковъ.

Говоръ 15 деревень: Перегримка, Святкова, Бортное, Смерековецъ, Рыхвалдъ, Новица, Устье русское, Лосье, Брунары, Чирна, Берестъ, Лабова, Жегестовъ, Криница и Вирховня, соединяетъ въ себѣ особенности южно-малорусскія съ особенностями сѣверно-малорусскими. Онъ имѣетъ на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, *е* рядомъ: обычное *і* (даже бізый = божій, кізій = козій, корі̂ў, ворі̂нъ, род. мн., хвістъ, хвіста и т. д. [2]), *ы*: вывця, сыль, опылтъ, и болѣе рѣдкое *у*, *ю*: вувця и увця (= овца), пуўтора, розубрати, тютка, людъ (= ледъ), лебюдка, пюрко, вюў (= велъ), вюзъ (= везъ), нюсъ, грюбъ, люгъ, даже мюрзъ (= мерзъ), бюгъ (= бѣжалъ); на мѣстѣ *ѣ*—*і* (но: колéно, при колíно, мéсто, при мíсто, недéля, при недíля); на мѣстѣ укр. *и*, вр. *и* въ рядѣ словъ—*і*: молітва, пшеніця, віноградъ, піті, зіма и др., но часто—*ы*: гварыты, биты, даже постоянно послѣ гортанныхъ и шипящихъ: гыбати, кыпіти, рускый, хыжа, жыти, чытати, шыти (однако обыкновенно вр. *и* = лемк. *и*); на мѣстѣ укр. *и*, вр. *ы*—*ы*: мы былі; на мѣстѣ *я*—изрѣдка *е* и *і*: говедо, щéстя, тігатися, запрігати. Сверхъ того: *я* вм. *е* въ им.-вин. ср. р.: зіля, весіля, снідания, *о* въ куповати, постоянное *дж* на мѣстѣ *ж* изъ *dj*: ходжу, одеджа, пряджа, даже чуджый, меджe (= между), *дз* въ дзвінъ, дзеленый, одиночные мягкіе согласные: волося, весіля, ў (очень краткое) [3]) вм. твердаго *л*: ореў, род. ореўа (при твердомъ *л*: орелъ, орла), соўома, пришуа, ўыдка (= лодка), гўубокый, мягкое *р*, твердые конечные согласные: кінъ, тестъ, кістъ, пятъ, косаръ, отецъ, носъ (повел.), ходъ, беръ (но въ словахъ женск. р. не всегда: рядомъ брндъ и бридь; всегда: приятель и т. п.), спорадическое твердое *л* передъ *н*: тілная корова, *г*, *х* вм. *в*: гъ осени (= въ), гъ лісі, гъ моёй матері (= у моей), хъ сой бабы (= у сей), хпаў гъ воду (= упалъ въ—), гъ насъ (= у насъ), *г* вм. *к* въ предлогѣ *къ*: гъ весілю, гъ ние (= къ ней); наконецъ *ыр*, *ыл* на мѣстѣ древнихъ *ръ*, *рь*, *лъ*, изрѣдка на мѣстѣ *ър*, *ьр*:

ницкаго. Зоря галицкая, яко альбумъ на годъ 1860, Львовъ, ст. Торонскаго. Еще о территоріи галицкихъ Лемковъ см. у Головацкаго, Пѣсни, I (введеніе), въ журналѣ Wisła 1889 г., т. III, вып. 3-й, у Копорницкаго въ Zbiór, т. XIII, и у Верхратскаго въ Archiv für slav. Phil., т. XIV.

[1]) «Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ чистѣйше заховался характеръ рускій». Зоря галицкая, стр. 391.

[2]) Эти или другіе Лемки имѣютъ вніго=много. Ogonowski, Rozprawy, 54.

[3]) Это *у* изъ *л*, повидимому, очень распространено у сѣверныхъ Лемковъ; см. Ogonowski, Studien, 69.

*гыр*міти (=гремѣть), *ды*рва (=дрова), *тыр*стіна, *хыр*бетъ, *кыр*шыти (=крошити), *кыр*ві (род. отъ кровъ=кровь), *сы*ўза или *сыл*за (=слеза), *гы*ўтати (=глотати, но бўыха=блоха), *гыр*лиця (=горлица), приг*ыр*щы, *чыр*стый (=черствый), даже п*ыр*щъ (=прыщъ). Формы им. ед. на *ый*, им.-вин. ср. р. на *е:* добр*е*, род. ёго, моёго, мо*ёй*, добр*ой*, дат. на *ови*, дат. *мі*, *ті*, *сі*, *мому*, им. мн. гуда*ци* (отъ гуда*къ*), співа*ци*, хлоп*і*, дат. мн. вол*імъ*, кот*імъ*, мѣстн. мн. лісохъ, волохъ, сынохъ, когут*іх*ъ, 1 л. ед. *любю*, *спю*, кле*пю*, ўа*мю* (=ламлю), рядомъ съ ф. 3 л. мн. кле*пют*ъ, сы*пют*ъ и т. п. и причастіями лю*бе*ный, ку*пе*ный и т. п., 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. на *ме*: веде*ме*, *сме* (=есмъ), рядомъ съ ф. на *мъ*, польскія формы прош. вр. быў-*емъ*, быўа-*емъ* и т. д. Глаголы на *ати* спрягаются такимъ образомъ: гляд*амъ*, —*ашъ*, —*атъ*, —*аме*, —*ате*, —*аютъ*. Еще: *што* (не *що*), *быти*, *быў* (не *бути*, *буў*); нарѣчія добр*і*, зл*і*, чудн*і* и т. п.; частица *лемъ*=лишь, только [1]).

Въ говорѣ с. Высова, Сандецкаго округа (на самомъ сѣверѣ галицко-русской территоріи), отмѣчено: *дж* (въ ме*дж*е), мягкое *р* (п*ря*сти и т. п.), формы дат. *мі*, твор. ед. ж. р. на *омъ:* млинарьк*омъ*, нё*мъ*, также тоб*омъ*, 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. на *ме*; выраженія: ты *есь* чыста, пришла *сомъ* (пословацки) и т. п.

Говоръ селъ между рр. Вислокомъ и Вислокой, Сяноцкаго окр., близокъ къ говору 15 деревень: то же спорадическое *і* вм. *и*, тѣ же *кы*, *гы*, *хы*, то же *дж* (даже повѣ*джъ*, повел.), тѣ же формы дат. на *ови*, 1 л. мн. на *ме*, тѣ же *што* и *быти*. Еще можно отмѣтить: формы род. ж. р. на *ой*, род.-вин. *мня*, дат. *сой* (=себѣ), твор. гороў (при гор*ою*), твор. мн. красны*ма* словами, низкы*ма* поклонами, 3 л. ед. любе и т. п., 2 л. мн. *дате* (=дадите) [2]).

Говоръ селъ на верховьяхъ рѣки Сана, Сяноцкаго округа, «не розличается много отъ другихъ галицкихъ нарѣчій». Здѣсь «звукъ *і*, отвѣчающій польскому *і*, не приходитъ въ произношеніи никогда; есть только *ы*, отвѣчающее польскому *у*, а произносимое совершенно остро даже по сычащихъ (=шипящихъ) и *к*, *х:* бык*ы*, хыжа, и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ въ малорущинѣ переходитъ *о* въ *і*: зв*ы*тт*ы* вм. зв*і*тт*і*». Другія особенности: *а*, *я* въ концѣ формъ прош. вр. (сп*а*ў) произносится какъ у Мазуровъ въ р*а*n, т. е. близко къ *о*; изрѣдка *є* вм. *я:* тел*є*, ялиц*є*; формы дат. на *ові*, твор. всегда на *оў*, *еў*: косте*ў* (=костью), род. мн. кост*ій* и кост*ий*, мѣстн. мн. на *ахъ* и *охъ*, *ёхъ:* о полё*хъ*, воропцё*хъ*, 1 л. мн. на *ме:* буде*ме*, іхалі-сь*ме*. Частица *лемъ* не употребляется [3]).

---

[1]) Archiv für slav. Phil., тт. XIV и XV, ст. Верхратскаго. Мы не успѣли воспользоваться ея окончаніемъ.

[2]) Головацкій, Пѣсни, IV, стр. 366 сл. (Вислоцк.), стр. 521 сл. (Высово).

[3]) Чорвоная Русь (газета) 1890 г. № 112, ст. «Замѣчанія о нарѣчіи русскихъ селянъ надъ горнымъ Сяномъ».



Говоръ неизвѣстныхъ мѣстъ Сяноцкаго округа: спорадическое *ӓ* вм. *я* послѣ шипящихъ: дїўч*ӓ*, руж*ӓ*, частое *дж* (*меджи*), отсутствіе *j* между *а* и *у* въ формахъ гра*у*, гра*у*тъ и т. п., ў вм. *л* въ стіў (=столъ), твердое *л* въ па*л*ця (род.), твердые конечные согласные: казала-*съ* (2 л.), маті*ръ*, гласный *р* или глухой гласный послѣ плавнаго согласнаго: к*ръ*вавый; формы род.-вин. ед. *мня* и *ня*, *го*, мого, яворово*го* дерева (въ пѣснѣ), же *гъ* колыше=же *го* (его) колыше (въ пѣснѣ), дат. *мі*, *ті*, *му*, *ей*, вин. ед. *ю*, *ей*, твор. на *оў* (н*е*ў=ею), им. мн. воя*ци*, дат. мн. люд*ё*мъ, 3 л. на *тъ* (купа*тъ*, сіда*тъ* и др.), 1 л. на *ме*, возвр. зал. съ *ся* и послѣ и передъ глаголомъ. Еще: *що* и *шо*, *бы*ти и *бу*ти, *в*на=она, *лемъ* [1]).

Еще нѣсколько замѣчаній о говорѣ галицкихъ Лемковъ (мѣстность неизвѣстна). «Лемки, якъ всѣ горняки [2]), строго наблюдаютъ въ выговорѣ розличіе межи звуками *и*, *ô* (т. е. *і* изъ *о*), *ѣ* (т. е. *і* изъ *ѣ*), *ы*; *ы* произносится всегда глубоко (низко), напримѣръ р*ы*къ, *ѣ* всегда мягко, якъ іотоване *іє* напр. т*ѣ*нь, *ѣ*сти, и мягчитъ попережающую согласную; *и* середину держитъ между глубокимъ *ы* а высокимъ *ѣ*; *ô* сновь иначе произносится, такъ что всякій узнае, что оно повстало зъ *о*, напр. сн*ô*пъ. Розлично про тое произноситъ Лемко *би*ти а *бы*ти, к*ô*нь а т*ѣ*нь, м*ô*гъ а м*ѣ*хъ».—«Выговоръ буквы *и* цѣлкомъ мягкій въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ оно у прочихъ Русиновъ середнѣ произносится; напр. он*і* был*і*, он*і* ходіл*і* совсѣмъ такъ звучитъ якъ польское on*i* by*li* или словацкое on*i* bu*li*». Лемки, «какъ и прочiи горняки», имѣютъ *ы* послѣ *к*, *г*, *х*: глух*ый*, г*ы*нути; у нихъ *р* звучитъ иногда какъ гласный: к*р*стити, т*р*стина, конечныя *ц*, *с*, *р* тверды: воробе*цъ*, робилъ *есъ*, писа*ръ* (но въ ф. род.—*ця*, въ ф. им. мн.—*ці*); формы твор. ед. женск. р. на *оў* или (часто) на *омъ*: вод*оў*, вод*омъ* («никогда» на *ою*: вод*ою*), дат. мн. муж. р. на *імъ* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ: хлоп*імъ*, кон*імъ*, им. ед. прилагательныхъ добр*ый*, добр*а* («никогда» добр*ая*), добр*є* («никогда» добр*ое*), им. мн. добр*ы* («никогда» добр*ыи*), 1 л. ед. (между прочимъ) на *аў*: ма*ў* (но ў произносится иначе, чѣмъ въ формахъ прошедшаго врем., полнѣе), 1 л. мн. на *ме* (всегда), глаголы на *ати* рѣдко имѣютъ формы наст. вр. на *аю*, *аєшъ*, *ає* и т. д., а обыкновенно на *амъ*, *ашъ*, *атъ*, *аме*, *ате*, *аютъ* [3]).

Наконецъ, мы знаемъ, что Лемки въ Шляхтовѣ, близь Новаго Сандеча, имѣютъ на мѣстѣ *ѣ* дифтонгъ *іы*: л*іы*съ, кв*іы*токъ, также рем*іы*нь, что у Лемковъ близъ г. Лиско на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о* слышится (какъ часто?)

---

[1]) Головацкій, Пѣсни, I, 85, 130, 149, 171, 173, 196, 232, 335; II, 35, 95, 116, 133, 145; III, 66.

[2]) Это и ниже слѣдующее обобщенія автора лишены основанія.

[3]) Зоря галицкая, ст. Торонскаго.

звукъ й [1]), что какіе-то галицкіе Лемки говорятъ *бешъ*, *бе* вм. будешь, будо [2]), *а*бко, *а*стрябъ и т. п. вм. ябко, ястрябъ.

Теперь передъ нами говоры угорскихъ Лемковъ.

Говоръ Лаборскихъ Лемковъ (с. Лаборецъ въ Карпатахъ) имѣетъ *ï* на мѣстѣ укр. *ï*, вр. *о*, съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (съ кое-какими исключеніями: веч*у*ръ), *ы* послѣ *г*, *к*, *х*, изрѣдка *е* вм. *я:* дэдина, шестічко (=счастье), ў вм. *л:* даже кіўко, тіўко (=колько, только), частое *дж* (откуда въ концѣ словъ *ч:* повіч*ъ* (=повіджъ), *ш* вм. *щ:* иши (=еще), твердые конечные согласные въ дватця*тъ*, пятьнатця*тъ*, формы род.-вин. *мня*, *ей*, мого и моёго, сёго, дат. ёму, моёму, мѣстн. ў нёмъ, твор. радостёў, свёў дружиночкоў (= своею), нёў (= ею), собоў, род. мн. трёхъ сыно*хъ*, 1 л. ед. ма*у*, ма*ву* и маў (= маю), 3 л. мн. ма*ву*тъ (= маютъ), упряга*ву*тъ, 1 л. мн. на *ме*; глаголы на *ати* могутъ имѣть формы наст. вр. на *-амъ*, *-ашъ*, *-атъ*, *-аме*, *-ате*; *што*; нарѣчія добр*ï* и т. п.; выраженія: цы добрі *есте* днёвали, дали бы *есте* [3]).

Говоръ с. Маковицы, повидимому, тотъ же, что въ сосѣднемъ съ нимъ Лаборцѣ. Отмѣчено: повіч*ъ* (=повіджъ), *божя* (им. ж. р.), кы*р*ви (=крови, род.), формы род. едной страны, дат. *мï*(?), вин. *ей*, *ю*, твор. на *о*ў, 1 л. ед. збир*амъ*, 3 л. збир*атъ*, 2 л. мн. збир*ате*; *што*; *в*но=оно; прош. вр.: есь утонула [4]).

Кажется, въ этомъ говорѣ иногда встрѣчается, рядомъ съ *ï* на мѣстѣ укр. *ï*, вр. *о*, также *у:* дв*у*ръ, н*у*чъ и т. п. [5]).

Вѣроятно, мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ говоровъ угорскихъ Лемковъ въ говорѣ, описанномъ И. И. Срезневскимъ. Его особенности: *и*, не смягчающее предъидущаго согласнаго, послѣ гортанныхъ *ы*—на мѣстѣ укр. *ï*, вр. *о:* димъ (=домъ), *с*и*ль*, в*и*къ, г*ы*ркый, к*ы*рка (=корка) [6]); *ï* на мѣстѣ *ѣ* и укр. *ï*, вр. *е* (между прочимъ въ с*ï*рота, с*ï*діти, д*ï*тина); *ы*, отличающееся

---

[1]) Ogonowski, Studien, 26, 28 (дифтонгъ *іы* передается черезъ *jы*).

[2]) Труды, VII, 511.—По Огоновскому (Rozprawy, 80), формы *бу*, *бешъ*, *бе*, *бемъ*= буду и т. д.: тіле *бе* корову ссау, ви *бете* робили,—слышатся «въ Яворовскомъ повѣтѣ».—Коперницкій указываетъ у Лемковъ формы прошедш. вр. на *лъ* (т. е. съ сохраненнымъ *л*).

[3]) Науковый сборникъ 1865 г., вып. 2 и 3, ст. Кралицкаго. Отсюда тексты перепечатаны Головацкимъ, Пѣсни, IV, 412 сл., причемъ исправленъ языкъ (въ Наук. Сб., напр., просять, у Гол. просятъ).

[4]) Головацкій, Пѣсни, II, 699 сл. Еще (изъ «Маковицкаго края») III, 418 сл.

[5]) До-Волланъ, Угро-русскія народныя пѣсни, Спб. 1885. Здѣсь изданъ сборникъ пѣсенъ, составленный учителемъ въ Маковицѣ Гладоникомъ, съ спорадическимъ *у* вм. укр. *і*, вр. *о*. Къ сожалѣнію, эти пѣсни, какъ и всѣ другія у Де-Воллана, очень дурно записаны и не имѣютъ точныхъ датъ. Сходные по языку тексты (тоже съ *у*) въ сборникѣ Дешка, Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этн., I, 1867.

[6]) По Семеновичу, кынь—у галицкихъ Лемковъ и у Крайнянъ Шаришскаго и Спишскаго комитатовъ.

отъ *и*, на мѣстѣ вр. *ы* (между прочимъ въ *бы*ти, *бы*вати) и послѣ гортанныхъ: г*ы*ну, благ*ый*, к*ы*дати, глух*ый*; глухіе гласные *ъ* и *ь* при плавныхъ, а иногда и при другихъ согласныхъ: дръва, кръвавый, крътица, връхъ, хрьстити, водохръщи, ръчю, дънь (= день), пънь, тепърь, замѣняемые иногда черезъ *и* или *ы*: др*и*ва, хр*и*бетъ, ябл*и*ко, г*и*ртанка, к*и*рве (род. отъ кровь), д*и*жжь (=дождь); мягкія шипящія и *ц*: *ж*ял*ь*, *ч*ясь, на*ш*ь, на*ш*ѐ, *щ*ястя, пше*ниця*; постоянное *дж*: хо*дж*у, ме*дж*е, чю*дж*ий; *бья* вм. *бя*: па*вья*ный, па*мья*ть, вере*мья*; отсутствіе *ј* между гласными: мо*а*, мо*у*, чу*у*[1]); *я* въ ф. им.-вин. ср. р.: здоровья; формы им. ед. на *ый*, твор. на *оў*, им. мн. на *ы*: вол*ы*, чорн*ы*, біл*ы*, дат. мн. муж. р. на *имъ*, *ымъ*, *ї*мъ: вол*имъ*, волой*кымъ*, хлопц*їмъ*, 1 л. ед. любью, спью (3 л. мн. спьятъ), 3 л. на *тъ* (даже несе*тъ* и т. п.), 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. ход*ю*тъ и т. п.; глаголы на *аю* спрягаются такимъ образомъ: спів*ау*, спів*ашь*, спів*атъ*, спів*аме*, спів*ате*, спів*аутъ*; формы прош. вр.: быў-*емъ*, быў-*есъ*, были-*сме*, были-*сте*. Еще: *ј* передъ начальнымъ *о*: *ј*острый, *ј*овесъ, *ј*орати; быти, быў и др. безъ префиксовъ и б*у*ти, б*у*ў съ префиксами; нарѣчія добр*ї* и т. п. [2]).

Говоры сосѣдей Лемковъ на юго-востокѣ Галиціи за рѣкою Сяномъ,— **Бойковъ**, въ большинствѣ различающіе *ї*, *и* и *ы*, имѣющіе *ї* на мѣстѣ укр. *ї*, вр. *о*, имѣющіе *ы* послѣ *г*, *к*, *х* и сохраняющіе *я*,—въ частностяхъ намъ мало извѣстны [3]).

Говоръ с. Розгорчья, Стрыйскаго округа: ў вм. *л* въ горіўка, *въя*, *мъя* вм. *вя*, *мя* въ мо*въ*ятъ, и*мъ*я, мягкое *р* (даже: господа*рь*), частое *дж*, *дз* въ *дз*вінъ, твердое *л* въ тілце, формы дат. *е*му и *му*, твор. на *оў*, им. ед. плеч*ї*, калинов*ї* мосты, 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. на *мо*, возвратн. зал. съ *ся* какъ послѣ, такъ и передъ глаголомъ. Еще: *в*на (=она), *в*коло; *щ*о; б*у*ў [4]).

Говоръ с. Тишевницы, того же округа (недалеко отъ Розгорчья): *дж*, *дз* въ *дз*вінъ, *вля* вм. *вя*: мо*вл*ятъ, 3 л., формы род. ёго, *го*, дат. *ё*му, дат. на *ови*, твор. на *оў*, 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. на *ме*, 1 л. мн. повел. ходімъ, неопр. н. на *ти* и на *ть*; *дъ*, *идъ*=къ: *идъ* нимъ [5]).

Говоръ с. Синеводска, того же округа (недалеко отъ Розгорчья и Тишевницы), отличается отъ предъидущихъ говоровъ употребленіемъ мягкаго *т*

---

[1]) По тому же Семеновичу, у всѣхъ угорскихъ Русскихъ рядомъ съ ф. 1 л. ед. зна*у*—ф. 2 л. знаэшь.

[2]) **Срезневскій**, Русь угорская (**Вѣстникъ И. Р. Географ. Общ.**, ч. IV, 1852 г.).

[3]) О территоріи Бойковъ въ Галиціи см. у **Головацкаго** и у **Коперницкаго**. Коперницкій считаетъ говоры Бойковъ болѣе другихъ горскихъ говоровъ близкими къ украинскому.

[4]) **Головацкій**, Пѣсни, II, стр. 14, 18, 21 и др.

[5]) **Тамъ же**, IV, стр. 12, 14, 16 и др.

вм. *к* (твердаго): панень*тё* (=паненько, зв.), господарон*ью* (=—ку, зв.), службонь*тю* (вин.), сынонь*ті* (им. мн.). Еще: очень рѣдкое *є* вм. *я*: гледає, спорадическое *у* вм. неударяемаго *о*: *у*бувȣ̈, *вл* въ здоро*вле*чко, *дж*, твердое *и* въ окони*ы*, двери*ы* (твор. мн.), формы род. *є́*го, дат. *є́*му, *му*, дат. на *ови*, 3 л. на *тъ*, 3 л. ед. возвр. з. ся клан*ятъ*, выхвалю*еся*, 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. повіда*у*тъ, ши*у*тъ, выхапу*у*тся. Также: *в*на (= она); *що; итъ* ній (= къ ней) [1]).

Въ говорѣ с. Славска, того же округа (близь угорской границы) отмѣчены формы дат. *є́*му, 3 л. на *тъ* (во*латъ* и т. п.), 1 л. мн. на *мо*; *що* [2]).

Въ говорѣ дер. Козёвы, того же округа, близь Славска, отмѣчены формы род. *є́*го и *го*, дат. *є́*му, твор. на *ою, о*ȣ̈, *омъ* и *овью*: бідочк*омъ* (= бѣдою), гор*овью*, друг*овью* (= горою, другою), 1 л. ед. маȣ̈, 1 л. и др. пію и т. д., 3 л. ся гнів*атъ*, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. укри*кся*, лет*сі* (= льется); пол. формы прош. вр. и сосл. н.: *би мъ* казаȣ̈; *в*на; *що*; *дъ* ні (=къ ней) [3]).

Говоръ глухой горной деревушки Лёлинъ извѣстенъ намъ больше другихъ (ея населеніе, по словамъ наблюдательницы, ничѣмъ не отличается отъ другихъ Бойковъ). Мы не имѣемъ указаній на то, что въ немъ есть различіе между *и* и *ы* (хотя бы только послѣ гортанныхъ). Въ немъ отмѣчено: *і* изъ *о, е* болѣе частое, чѣмъ въ собственно-галицкомъ говорѣ: крілі*ȣ̈*на (= королевна), прі*пью* (= пропью), міду (род. отъ мідъ=медъ), ȣ̈ вм. *л* частое: сокіȣ̈, міȣ̈кий, горіȣ̈ка, стріȣ̈ба (=стрѣльба); *дж* частое: ви*дж*у и т. п., но ме*жа* (им. ед.), ме*жи* (нарѣчіе); шипящіе передъ *а* мягкіе: *жяти, лежяти*, діȣ̈*чя*та, *чя*сто, *щя*сливий; конечныя *ц* и *с* твердыя: хлопе*цъ*, *есъ* казаȣ̈. Еще: *я* въ ф. им.-вин. зі*ля*, весі*ля*, мягкое *р*, *мъя, пъя* вм. *мя, пя*: ру*мъ*яний, *пъ*ятий, твердое *л* въ сіде*л*це, очень рѣдко *и* вм. *е*: чипецъ. Формы: им. ед. прилагательныхъ на *ий, ая* (и *а*), *ое* (и *е*), род. *мня* и *ня*, *его* и *го*, тве*і*, дат. на *ови*, дат. *ми, ти, си*, твор. на *о*ȣ̈, мѣстн. на кон*ù*, въ вінц*ù*, о душ*и*, им. мн. огн*і*, крегȣ̈*ле* (рѣдко), 1 л. ед. топ*лю* (при поправ*ля*ти, поправ*ле*нъ и т. п.), 3 л. на *тъ* (3 л. ед. изрѣдка на *атъ*), 3 л. возвр. на *еся*, 1 л. мн. на *ме*: да*мé* (рядомъ, рѣже, на *мо*), 2 л. мн. повел. на *тъ*, возвр. зал. *ся* кланяю; формы прош. вр. *есъ* казаȣ̈, що-*съ* казаȣ̈; *в*на (=она); *ві*- вм. *ви*-; *ідъ* ній (=къ ней) [4]).

---

[1]) Тамъ же, II, 22; IV, 3, 17, 66—68 и др.—Мягкое *т* вм. *к* (твердаго) есть у Бойковъ и въ другихъ мѣстахъ, а также въ с. Дулѣбахъ, подъ г. Стрыемъ: донь*тя*, малéнь*тій* (им.-ед.), соненьт*ё*. Ogonowski, Studien, 65.

[2]) Тамъ же, IV, 53 (данныя, кажется, сомнительнаго достоинства).

[3]) Житецкій, Оч., стр. 329.

[4]) Zbiór, X. Этотъ говоръ очень близокъ къ говору текстовъ откуда-то изъ Стрыйскаго округа, изданныхъ Головацкимъ (Пѣсни, II, 572—624), также сохраняющему *я* (въ немъ еще: *ф*істъ).

О говорѣ (или говорахъ) сосѣдей Бойковъ на юго-востокѣ Галиціи, Тухольцевъ [1]), мы знаемъ лишь то, что онъ близокъ къ говорамъ Бойковъ [2]).

Говоры сосѣдей Бойковъ и Тухольцевъ на угорской сторонѣ Карпатъ, Верховинцевъ, повидимому, очень близки къ говорамъ Лемковъ и Бойковъ [3]). Между ними есть имѣющіе спорадическое *у* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*: н*у*жка, ов*у*нъ (=онъ), при *і* на мѣстѣ *ѣ* и при формахъ твор. на *оў*, 3 л. ед. на *атъ* (кох*атъ*) 1 л. мн. на *ме* [4]).

Говоръ сосѣдей Тухольцевъ на юго-востокѣ Галиціи, Гуцулôвъ [5]), въ Коломыйскомъ округѣ близокъ къ собственно-галицкому. На существованіе въ немъ рядомъ звуковъ *и* и *ы* и на употребленіе *ы* послѣ гортанныхъ нѣтъ указаній (напротивъ: х*і*ба, висок*і* гори и т. п.). Онъ имѣетъ *є* или *ӓ* изъ *я*: *є*къ, тр*є*сў, ўз*є*ти, п*є*ниц*є*ми (твор.), мн*є* (вин.), ж*ӓ*ль, ш*ӓ*пка, пташ*ӓ*, ч*ӓ*съ, віряджӓти, рядомъ съ *я* и рѣдкимъ *і*: прис*і*гати, изрѣдка *к* вм. *т*: к*є*жко, мягкіе шипящіе: *щя*сл*і*вий, П*ô*ль*шя*, *ô*н*шя*, *щё* или *шё* (*ш* вм. *щ*, =що), *чю*ти; сверхъ того: горіўка, горі*в*очка, мягкое *р* (даже ко*рь*чма; но тепе*рь*, ца*рь*), частое *дж* (но чу*жи*й), твердое конечное *с*: де-*съ* (гдѣ-то), *бя* вм. *бя*: голўб*є*, твердое *л* въ си*л*но, *ф* въ *ф*істъ, *ф*уска (=хустка), *т* въ ді*т*ько. Формы: им. ед. на *ий*, род. моеи, дат. *ми*, *ти*, *си*, *єй*, твор. на *оў* (при *ою*),

---

1) «Въ темныхъ горахъ нашихъ Бескидовъ, въ сторонѣ протягаючойся отъ Самборскаго обвода до Станиславовскихъ верховъ, лежитъ земля давнѣйше Тухольщина названа». Львовянинъ, мѣсяцословъ на рокъ 1861, Львовъ, стр. 22. Еще о территоріи Тухольцевъ см. у Коперницкаго.

2) Говоры ближайшихъ къ Лемкамъ, Бойкамъ и Тухольцамъ Галичанъ-долинянъ должны быть болѣе или менѣе близки къ говорамъ сосѣдей-горцевъ. По Торонскому, различіе между *и* и *ы*, «хотя не такъ рѣзко, якъ у горняковъ, все однакъ и у подолянъ замѣтно... Коло Перемышля, напр., *ы* не выговорюєсь такъ низко, якъ въ горахъ, все однакъ низше, чѣмъ *и*, которое сновь здѣ тоньше звучитъ, якъ въ горахъ (т. е. по-галицки), и въ якій-сь способъ протягаєся». Зоря гал., стр. 425.

3) Галицкіе Бойки никогда не называютъ себя Бойками; они любятъ называть себя Верховинцами. Нѣкоторые изъ угорскихъ Верховинцевъ слывутъ подъ именемъ Бойковъ, хотя сами не примѣняютъ его къ себѣ. Срезневскій, Русь угорская, стр. 8.

4) Де-Волланъ, Угро-русскія нар. пѣсни. Здѣсь рядъ пѣсенъ, помѣченныхъ вообще Верховиною, и сборникъ верховинскихъ пѣсенъ, составленный Бачинскимъ. Къ сожалѣнію, по нимъ трудно составить ясное понятіе о говорахъ. Границы верховинскихъ говоровъ (съ *і* въ *кі*нь и т. п.) на западѣ указаны въ ст. Петрова (Ж. М. Нар. II р.), стр. 455.

5) «Въ восточно-полудневой сторонѣ нашого краю, межи Днѣстромъ отъ полночи а Угорщиною отъ полудня, розпростерлася землиця—прекрасне Покутье; а въ остатномъ въ сторону полудневу глубоко втисненомъ его закутѣ, помежи рѣками бѣлымъ Черемошомъ та потокомъ Путыловъ отъ всходу а Ломницевъ отъ заходу,—засѣвъ огромный велетъ зъ гранитовымъ хребтомъ;... Карпаты покутскіи—то,... а въ тыхъ... красный, гожій, дородный родъ верховинскій, Гуцулы». Львовянинъ, мѣсяцословъ на рокъ 1861, стр. 46—47. О территоріи Гуцуловъ въ Галиціи и въ Буковинѣ еще см. у Головацкаго и у Коперницкаго.

им. мн. ж. р. каш*ове* (отъ каша), юшк*ове*, 1 л. ед. р*обю*, р*обью*, 1 л. ед. *сми* (=есмь): казаў-*сми*, прош. вр., 3 л. ед. на *тъ* (изрѣдка: несе*тъ* и т. п.), 3 л. ед. возвр. з. даесє, даесі, дае*се*, дае*си*, 3 л. мн. хотя, стоє, 1 л. мн. на *мо* и на *ме* (ходили-см*е*), 2 л. повел. на *тъ*, буд. вр. *му* бити, возвр. зал. *сє*, *сі*, *се*, *си* кланяю; формы прошедшаго вр. *єсъ* казаў и др., сослаг. н. *бимъ* или *бихъ* казаў, *бисьте* казали (2 мн.) и др.; *о*на (=она); *щё*; б*у*ти; префиксъ *ві*-; *дъ* намъ, *тъ* собі.

О говорѣ Гуцуловъ въ Буковинѣ (около г. Выжницы) мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть *є* изъ *я: є*блоко, вз*є*ло [1]).

О говорѣ Гуцуловъ на угорской сторонѣ Карпатъ, въ восточной части Марамароша, мы не знаемъ ничего.

Говоры Крайнянъ, занимающихъ сѣверо-западную часть угро-русской территоріи (въ Спишскомъ, Шаришскомъ, Земплинскомъ и Абауйварскомъ комитатахъ), сосѣдей Словаковъ [2]), заключаютъ въ себѣ очень большое количество словацкихъ словъ и формъ и, кажется, лишь этимъ отличаются отъ говоровъ сосѣднихъ Лемковъ. Изъ нихъ въ говорѣ с. Красный Бродъ (Шаришскаго ком.) отмѣчено: *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*: в*і*нъ, п*і*шоў, рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *у*: п*у*йдемъ, и съ *о* (по-словацки), *ы* послѣ гортанныхъ: чоботк*ы*, ноженьк*ы*, мягкое *ц* въ голубі*ця*, на ру*цє* (мѣстн., словацизмъ), *ж* въ прохажати, формы дат. *мі*, твор. моёў мил*оў*, панёў (отъ пані), 1 л. ед. маў, 3 л. на *тъ; што; лемъ* [3]).

А. Соболевскій.

---

[1]) Головацкій, Пѣсни, II, 460—468, IV, 109—126, 339—365 (сс. Яворовъ и Космачъ), III, 11 сл. (с. Криворовня); Житецкій, Оч., стр. 323 сл. (разныя села Колом. окр.) Варшавскій дневникъ 1892 г. № 202 (ст. Купчанка о Буковинѣ); двѣ гуцул. пѣсни въ Галичанинѣ, изд. Головацкимъ и Дѣдицкимъ, 1863 г., вып. 2-й (неизв. мѣстность). Въ текстѣ этихъ послѣднихъ: віно, *ше*сливий, *ше* (=еще), ф. 3 л. ма*тъ*. При нихъ замѣчанія: «*се* вымавляє Гуцулъ вмѣсто *ся*»; «*а* и *я* въ тыхъ случаяхъ, гдѣ они отповѣдаютъ старо-славянской носовой (юсу малому), звучитъ у Гуцула рѣшительно какъ *ье* (т. е. *є*). Навѣть въ случаяхъ, гдѣ наше *я* отповѣдае старо-славянскому *я*, выголошуе Гуцулъ иногда акъ *е*: *е*ко вм. *я*ко, *е*сно вм. *я*сно».—Коперницкій (Zb., XIII) отмѣчаетъ какъ особенности говора извѣстныхъ ему Гуцуловъ—мягкія *к* и *г* вм. обще-малорусскихъ мягкихъ *т* и *д* (попокутски) и мягкія *д* и *т* вм. твердыхъ передъ *е*: *д*есетий, *т*ебе.—Огоновскій упоминаетъ, какъ о гуцульскихъ, о формахъ 1 л. ед. пус*тю*, хо*дю*, ві*дю* (=вижу) и т. п.

[2]) О Крайнянахъ см. у Де-Воллана, стр. 24.

[3]) Головацкій, Пѣсни, III, стр. 248—254. Нѣсколько пѣсенъ, помѣченныхъ вообще Крайною,—у Де-Воллана (также со спорадическимъ *у*: п*у*дъ яворомъ, сво*юй* ми*луй*, съ *и* въ др*и*ва, съ формами 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. чек*ивутъ*).

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

XXXV.

№ 24. Легницы (Лигницъ). 1840, 23-е Авг.

Наконецъ я простился съ Вратиславью—и прощался будто съ родиною. Незабвенный Пуркиня провожалъ меня до почты, Маркусъ (у котораго я бралъ уроки въ Дольно-Лужицкомъ нарѣчіи) то-же; Макерле и Шпакерле также не захотѣли остаться дома, одинъ понесъ портфейль, другой трубку и табакъ, оба рука въ руку со мною,—и Шпакерле даже шляпу свою забылъ надѣть на голову. Ни откуда, тутъ за границей, я не выѣзжалъ съ такимъ горестнымъ чувствомъ и не былъ провожаемъ съ такимъ сердечнымъ участіемъ. Не могу до сихъ поръ разогнать своей грусти: вотъ ужь вечеръ, а мы со старикомъ не ходили гулять, и дѣти нейдутъ пожелать мнѣ «дōброў ноцъ»,—и я снова одинокій странникъ!

Путь мой въ Згорѣлецъ (Гёрлицъ), и я бы не остановился въ Легницахъ, если бы не услышалъ, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей есть Славянскія рукописи. Надобно посмотрѣть, что̀ это за вещи; а между тѣмъ познакомлюсь и съ городомъ.

Между тѣмъ—подъѣзжая къ какому нибудь городу (въ Германіи почти всюду такъ) прежде всего видишь кладбище: такъ и приближаясь къ какой нибудь Славянской землѣ не минуешь гробовъ Славянской народности... и разумѣется на землѣ болѣе могилъ нежели живыхъ людей. Тутъ то-же: еще я между Нѣмцами, еще Лужичане-Венды далеко,—а уже все напоминаетъ Славянщину — и физіогноміи, и одежды женщинъ, и архитектура домиковъ, и самые плетни, и самыя вербы и липы, идущія за Славянами всюду. Гляжу на эту страну какъ на поле: жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ вылѣзъ всюду. Была-ли сжатая жатва зрѣла? уже-ли безъ паханья не выроститъ новая?—кто знаетъ!

Чѣмъ ближе къ Легницамъ, тѣмъ природа разнообразнѣе, веселѣе: лѣсу больше, есть уже и горки, и низменныя мѣста, и виды.

24-е.

Легницы лежатъ при втеченіи Черной воды въ Качу (Кацбахъ). Мѣсто довольно низко, по крайней мѣрѣ не скучное. До 7-и-лѣтней войны тутъ была крѣпость, теперь осталось только нѣсколько башень, а на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ тянутся аллеи для гулянья. Въ серединѣ города площадь, и по срединѣ площади домъ ратуши съ разными приватными пристройками, какъ и во Вратислави, какъ и во многихъ другихъ городахъ. Улицы, расходящіяся въ разныя стороны кривыми углами, поворачиваютъ то вправо, то влѣво, то расширяются, то съуживаются, то сходятся къ одному трехугольному междуулку, то, раскланявшись одна другой, поворачиваютъ каждая въ свою сторону. Церквей три, но всѣ хороши, а Фрауенкирхе, разбитая въ 1822 году молніей и вновь отстроенная, очень хороша. Видъ съ колокольни на окрестности, особенно къ Исполиновымъ горамъ, прекрасный. На поляхъ Лигницкихъ было 4 битвы, и самая знаменитая изъ нихъ—съ Татарами; до сюда доходили они, были разбиты, и поворотили назадъ. Легницы сдали лучше нежели сблизи: домы большею частію грязны, малы, некрасивой формы: есть пословица, что мертвымъ въ Легницахъ лучше нежели живымъ (Die Todten leben in Liegnitz besser als die Lebendigen). Кладбища въ самомъ дѣлѣ милы: хорошенькіе памятники, окруженные цвѣтами и деревьями, разставлены рядами, а между ними тянутся дорожки, усыпанныя пескомъ, обшитыя лентами резеды. Легницы славятся своими огородами (Kräutereien): вокругъ города и въ предмѣстьяхъ ихъ множество. Жителей въ Легницахъ 12.000, и между тѣмъ я весь городъ и въ серединѣ и вокругъ обходилъ не болѣе какъ $^{3}/_{4}$ часа.

25-е Августа. Кинастъ.

Посрединѣ террасы надъ крутымъ утесомъ стоящимъ на горѣ, возвышающейся надъ моремъ на 1600 футовъ, т. е. почти 230 саженъ, разставлены столы и лавки, какъ всюду въ лѣтнихъ кофейныхъ домахъ, а за ними кто читаетъ, кто пьетъ кофе или пиво, кто любуется видами. Я пишу, и тоже пью кофе, и курю трубку, и любуюсь видами. Маменька! да пожалуйте сюда! Разсказать, право, не умѣю, а очень, очень хорошо. Направо, сквозь пихты и развалины замка, подъ стѣнами котораго я сижу, видны Исполиновы горы, лѣвѣе и далѣе кругомъ обширная равнина, покрытая горами, рощами, лѣсами, деревнями.... вонъ и Гернсдорфъ, изъ котораго я поднялся на Кинастъ, вонъ и Вармбрунъ, откуда я пришелъ въ Гернсдорфъ, вонъ и Гиршбергъ, откуда я пришелъ въ Вармбрунъ, вонъ чуть видна и дорога, по которой я ѣхалъ въ Гиршбергъ изъ Легницъ. Исполиновы горы хоть и близко, но уже покрываются фіолетовою тѣнью, и солнце спускается къ нимъ, освѣщая дорожку,

по которой я пойду въ горы. Проводникъ стоитъ сзади меня и ждетъ. Гдѣ ночевать буду, не знаю; а гдѣ буду ночевать, тамъ и раскажу болѣе. Теперь буду любоваться: окрестность горитъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца, и глаза горятъ радостью, глядя на дивную картину. Кинастъ гора и замокъ. Замокъ построенъ въ XIII столѣтіи, разбитъ былъ молніей въ 1675 году и съ тѣхъ поръ остается развалиною. А вотъ пафъ... и эхо Исполиновыхъ горъ повторило выстрѣлъ семь разъ.

Маріенталь.

Маленькая комнатка, заваленная разнымъ хламомъ; по срединѣ столикъ, на столикѣ стаканъ со сливками, черный картофель и масло, пять букетовъ цвѣтовъ, подаренныхъ мнѣ дѣвочками, у которыхъ я купилъ малины и грушъ на зильбергрошъ, когда взбирался на Кинастъ, далѣе тоненькій огарочекъ, ближе портфейль и моя рука; подлѣ столика кровать только что внесенная и на которой я надѣюсь славно заснуть послѣ 2-хъ часовой ходьбы между горъ; вотъ гдѣ я. Съ одной стороны подъ бокомъ большая комната, гдѣ при свѣтѣ лучины десятка полтора мужиковъ пьютъ пиво и водку, а въ углу съ огаркомъ, подобнымъ моему, ужинаютъ путешественники, подобные мнѣ; съ другой стороны въ маленькой комнаткѣ куча путешествующихъ дамъ, болтовня и хохотня; подо мною музыка и танцы, потому что сюда зашли Тирольскіе музыканты и поселянки хотятъ поплясать. Моя комнатка не остается пустою: то старикъ хозяинъ придетъ искать чего нибудь, то старуха хозяйка, то служанка, то всѣ вмѣстѣ. А между тѣмъ огарокъ догораетъ; придется объясненія отложить до завтра. Добрая ночь.

26-е Авг. Еще въ Маріенталѣ.

Шестаго половина. Я всталъ, выспавшись прекрасно. Свечера меня убаюкали говоръ, музыка и тупотня танцующихъ; а проснувшись ночью, я слышалъ Тирольскія пѣсни и подъ ихъ оригинальныя мелодіи заснулъ опять.

Скажу же нѣсколько словъ о моемъ теперешнемъ путешествіи. И во Вратислави, и въ Легницахъ я то и дѣло слышалъ о путешествіи и путешественникахъ по Силезскимъ горамъ: Король Саксонскій прошелъ черезъ нихъ недавно въ роли ботаника; наша Императрица съ Ольгой Николаевной, Лейхтенбержскими и вся Прусская королевская фамилія также тамъ; ждутъ и Императора; и на водахъ Вармбрунскихъ гостей много, и отовсюду сходятся путешественники полюбоваться Исполиновыми горами. Какъ не пожертвовать парой дней, чтобы видѣть ихъ, когда я такъ близко. Оставивши въ Легницахъ у одного изъ знакомыхъ мой багажъ, вчера въ два часа утра я сѣлъ въ дилижансъ и къ 10 часамъ былъ уже въ Гиршбергѣ. Отсюда до Вармбруна

съ небольшимъ часъ ходьбы, а если бы ждать, то бы надобно было ждать до 2 часовъ пополудни и пропадать со скуки: я пошелъ пѣшкомъ, и въ четверть 12-го былъ въ Вармбрунѣ. Часть общества была въ концертѣ, другая гуляла. И я сталъ гулять. Центръ Вармбруна есть площадка передъ гостинницей Чернаго Орла: у Чернаго Орла останавливаются лучшіе гости, у него же собираются обѣдать, а противъ него аллея ведущая къ театру и такъ называемой галлереѣ, и по бокамъ аллеи лавочки съ разными товарами, начиная отъ грошеваго куска мыла до Турецкой шали. Я гулялъ до часу, до звонка, скликающаго у Чернаго Орла къ обѣду; потомъ обѣдалъ. Гулянья и обѣда было достаточно, чтобы узнать хоть сколько нибудь Вармбрунское общество и городъ. Домики малы, но уютны и большею частью убраны внутри и снаружи очень мило. Гости, пріѣхавшіе на воды, составляютъ большую часть населенія, и живутъ тѣсно, впрочемъ болѣе на открытомъ воздухѣ: вотъ напр. домикъ въ 2 окошечка, окруженъ цвѣтникомъ, подъ окнами стулья и столикъ, вокругъ него цѣлая сѣмья, кто работаетъ, кто читаетъ газеты или книжку, дѣти играютъ подъ деревьями. Одѣты всѣ щеголевато. Болѣе всего слышенъ Нѣмецкій языкъ; нерѣдко слышенъ и Польскій; Французскій очень рѣдко. За столомъ было до 150 особъ, садятся по фамильно, всѣ вольны, но знакомства холодны.—Насмотрѣвшись на Вармбрунъ и Вармбрунцевъ, полюбовавшись Исполиновыми горами, поднимающимися за Вармбрунской долиной, я надѣлъ портфель черезъ плечо и пошелъ въ Гернсдорфъ, а оттуда въ Унтер-Кинастъ. У подошвы Киваста и по дорожкѣ ведущей на Кинастъ, уже идешь не одинъ: проводники, которыхъ и тутъ и вообще въ горахъ много и отличены особенною одеждою идутъ съ вами, напрашиваясь вести васъ въ горы; путешественники попадаются на каждомъ шагу; дамъ, разумѣется не бѣдныхъ, несутъ носильщики на носилкахъ; а тутъ и мальчики и дѣвочки съ малиной, съ грушами. Выбравши проводника (ему платятъ обыкновенно около 2-хъ рублей въ сутки) я передалъ ему свой мекинтошъ и портфейль и пошелъ далѣе. Куда я дошелъ, вы уже знаете. На Кинастѣ я обходилъ развалины замка, всходилъ на башню и пр. Дорога отъ Кинаста до Маріенталя тяжела: идешь съ горы на гору по каменистымъ дорожкамъ, переходя ревущіе ручьи, лѣса... И все это еще цвѣтки.—Однако пора въ путь. Лучше отдыхать на пути когда устанешь, нежели тутъ тратить время. —

Цакенфаль.

Въ двухъ часахъ пути отъ Маріенталя; впрочемъ мой проводникъ такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной бесѣдкѣ; водопадъ гремитъ въ нѣсколькихъ шагахъ, падая

съ вышины 120 футовъ, разбиваясь три раза о скалы. Онъ падаетъ въ ущелье, окруженное скалами какъ стѣнами и тамъ на днѣ бѣжитъ черезъ камни. Пихты надъ ущельемъ, пихты въ ущельи; природа дикая и прекрасная. Я сходилъ на дно ущелья, чтобы лучше видѣть водопадъ и весь обрызганъ былъ пылью водопада... Обыкновенно потокъ бываетъ сверху запруженъ и воды падаетъ мало; но по желанію путешественника воду пускаютъ на волю, и водопадъ загремитъ, зареветъ, обольется пѣною. Это же стоитъ всего одинъ зильбергрошъ.

По дорогѣ изъ Маріенталя сюда я заходилъ на Рабенштеинъ. Это двѣ гранитныя стѣны, между которыми въ глуши лѣса бурчитъ потокъ Цакенъ. И этихъ видовъ было бы довольно, чтобы идти въ Исполиновы горы.

На память я купилъ у Цакенфаля табакерку изъ Кингольца съ видомъ водопада.

Neu Schlesische Baude.

Это еще первая буда, которую встрѣчаю я на пути; но ихъ тутъ въ горахъ множество. Такъ называется отдѣльно стоящій горный домикъ, безъ двора, безъ пристроекъ. Остатокъ Славянства, по крайней мѣрѣ, по названію.

И я уже на высотѣ 3600 футовъ слишкомъ надъ моремъ. Переходъ отъ Цакенфаля былъ невеликъ, но въ это время я поднялся вверхъ почти на 300 саженъ. Маріенталь лежитъ подъ ногами и за нею далеко, далеко равниною горы и долины, полуподернутые туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. — У дверей бесѣдки, гдѣ я сижу, пишу и пью молоко, играютъ 2 дѣвушки на арфахъ, разумѣется въ ожиданіи зильбергроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ порядочно, но мелодія такая прѣсная, Нѣмецкая, что смотрѣть на горы, любоваться природой и слушать ее просто непристойно... Ба... заиграли другое... польку... поютъ... по Чешски...—Чехи какъ будто родные мнѣ. Я выпрыгнулъ изъ бесѣдки, спрашиваю, какъ онѣ, эти дѣвушки, попали сюда. Отвѣтъ: живутъ здѣсь, тутъ и родились, отецъ умеръ, а Нѣмцы, у которыхъ онѣ живутъ, ихъ родныя. Вмѣсто одного зильбергроша я далъ два. Въ знакъ благодарности они все еще играютъ и поютъ Чешскія пѣсни. Буду же и я въ знакъ благодарности слушать ихъ.

Schneegrubenbaude. Полдень.

Все далѣе въ горы, все выше въ горы. Я вовсе не усталъ; но поднимаясь все выше и выше дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь или по крайней мѣрѣ садишся; впрочемъ я вовсе не усталъ.

Переходя черезъ Рейфенштеинъ, я былъ на высотѣ 4300 футовъ надъ моремъ. Немного далѣе Кваркштеинъ. Сѣвши тутъ отдохнуть на камнѣ, я

любовался видами въ одну сторону на Силезію, въ другую на Богемію. Тутъ граница между ними. И какъ чудно я сидѣлъ: сидѣлъ на камнѣ, принадлежащемъ Императору, а ноги мои опирались на камень, принадлежащій королю. Далѣе я проходилъ мимо Тафельштейна, на которомъ, какъ говоритъ преданіе, колдунъ Рюбецаль, о которомъ тутъ ходитъ много сказокъ, обѣдывалъ съ своей почтеннѣйшей супругой.

Далѣе идучи все по границѣ, я дошелъ до истока Эльбы. Въ обширной равнинѣ течетъ маленькій свѣтлый ручеекъ, выходя изъ колодца, подлѣ котораго стоитъ лачужка: вотъ истокъ Эльбы. Вода прекрасная, но болѣе ничего.

Въ четверти часа отсюда, ниже, Эльбскій водопадъ. Надъ водопадомъ лачужка. Чтобы видѣть водопадъ, надобно спуститься на дно оврага. Я спустился, сѣлъ, воду пустили на волю,—она взревѣла, широкимъ волнисто-снѣжнымъ платомъ рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ-за облака, и эта пыль тумана покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное. Природа у Цакенфаля дикая, но нѣтъ видовъ, и вотъ почему тамъ болѣе любуешся самимъ водопадомъ, а тутъ видами на дикія скалы, голыя, покрытыя мохомъ или влагой, и тянущіяся вѣтвеобразно далѣе и далѣе.

Оставивши Эльбу влѣво, я сталъ подниматься къ Гогенраду и послѣ тяжелаго перехода черезъ горы по темени ихъ, такъ что ни Богемія ни Силезія не скрывались ни на минуту, пришелъ сюда. Буда Шнеегрубенская—очень милый домикъ въ вкусѣ русскомъ. Обѣдъ былъ невеликъ, но хорошо приготовленъ. Послѣ обѣда я спускался въ глубокій оврагъ посмотрѣть на снѣгъ, остающійся тамъ цѣлый годъ, и самъ удивлялся своей смѣлости: стоило оступиться, чтобы навсегда пропасть. За то какъ смотришь на людей вверху снизу, такъ кажутся мухами. Эхо поетъ. Я закричалъ: «Маменька!»—и горы повторили: анька.—Тутъ есть и телескопъ. О видахъ ни слова: чѣмъ выше на горы тѣмъ виды обширнѣе. Довольно сказать, что смотришь горизонтально, и видишь землю, а не небо; поднимаешь глаза еще выше, и все еще земля, а потомъ, гдѣ земля, гдѣ небо—не знаешь—слилось.

Снѣжка, т. е. по-Нѣмецку Schneekoppe.

Таки добрался, куда хотѣлъ. Я на Снѣжкѣ, на возвышеннѣйшемъ пунктѣ Исполиновыхъ горъ, въ 5000 футовъ надъ моремъ, или по русски безъ малаго въ полуторѣ верстѣ. И вотъ какъ я добрался сюда.

Прежде всего надобно было перейдти черезъ Гогенрадъ. Два раза отдыхалъ я пока взошелъ на эту вышину 4650 футовъ. Дорожка есть, но что это за дорожка! Обломки скалы, на которыхъ вмѣсто моха слѣды человѣче-

скихъ ногъ. Прыгаешь съ камня на камень то вправо, то влѣво, и съ каждымъ прыжкомъ на футъ выше. Похвастаюсь при этомъ случаѣ: обыкновенно дѣлаютъ тутъ путешествіе по горамъ съ помощью порядочнаго костыля, и почти въ каждой будѣ можно купить готовый,—и проводникъ мой еще вчера вырѣзалъ себѣ костыль и идетъ опираясь о него; я же положилъ себѣ вчера же начать путь, вести и кончить, не имѣя въ рукахъ ничего. Взбираясь на Гогерадъ не разъ я чувствовалъ необходимость костыля и опирался на свои колѣни; но тотчасъ вспоминалъ, что это противъ условія,—и выпрямливался. Что-жъ, ничего! Все дѣло возможное. Гогерадъ есть высшій пунктъ въ этихъ горахъ послѣ Снѣжки. Взобрался на Гогерадъ, взобрался и на Снѣжку безъ палки.—Видъ съ Гогенрада—само собою разумѣется каковъ. Чудный да и только. Что до природы, она уже другая: хоть день и свѣтлый и слѣдовательно внизу жаркій, хоть потъ съ лица капалъ тяжелыми каплями, но вовсе не отъ жару; напротивъ—прохладно, и эта прохлада освѣжаетъ силы. Вчера и сегодня утромъ я былъ еще въ лѣсахъ пихтовыхъ, еловыхъ и т. п., въ странѣ, гдѣ сѣютъ и жнутъ; тутъ уже не то: собираютъ прекрасную траву, но хлѣбъ не ростетъ, а вмѣсто деревьевъ ползучій кустарникъ, жирной, низенькій, что-то въ родѣ гигантскаго моха. Кстати о мохѣ: и самъ не знаю какъ сталось, только моя шапка украшена пышнымъ вѣнцомъ изъ моха. Не знаю кто вздумалъ это сдѣлать въ Шнеегрубен. будѣ; впрочемъ не я одинъ несу на себѣ это горное украшеніе: каждый кто прошелъ черезъ горы, ворочается съ нихъ въ вѣнцѣ. Милый обычай.—

Поднявшись нѣсколько разъ на гору и спустившись съ нея, я подошелъ къ Петерсъ Баудѣ. Еще я шагахъ во ста отъ нея, а уже слышу музыку, взглядываюсь, и вижу у буды—6 музыкантовъ, встрѣчая меня, играютъ привѣтственный маршъ. Очень хорошо; но тутъ не отдѣлаешься зильбергрошомъ. Почесалъ за затылокъ и далъ 5, да и далѣе.

Черезъ четверть часа пришли мы къ Штурмбаудѣ. Подхожу къ ней и опять слышу музыку и пѣніе. Вхожу—говорятъ по Чешски, поютъ по Чешски,—и тутъ старичокъ, двѣ дамы, нѣсколько человѣкъ простаго народа, а въ центрѣ мальчишка съ арфою играетъ польку и поетъ подъ нее Чешскую пѣсню, мнѣ знакомую. Я взошелъ и сталъ также пѣть. Дамы очень рады были встрѣчѣ съ человѣкомъ говорящимъ по Чешски. Въ двѣ минуты я былъ и съ ними и съ ихъ старичкомъ знакомъ какъ нельзя лучше. «Будемте же танцовать польку!» закричала одна дама, подбѣгая ко мнѣ. Будемъ! и начали: я съ одною дамою, старичекъ съ другою, мужики съ поселянками. Пыль подняли столбомъ, хохотъ къ небу.—Тѣмъ грустнѣе было разставанье: я шелъ на Снѣжку, дамы со Снѣжки. Пожелали другъ другу добраго пути и разстались.

XXXVI

№ 25. Сгорѣлецъ (Görlilz) 6-е Сент. 1840.

Такъ я, какъ видите, душенька Маменька, въ Сгорѣльцѣ; живу тутъ уже недѣлю, и останусь еще недѣли на двѣ. Иначе нельзя: кандидатъ богословія Смоларь [1]), что въ Нѣмецкомъ переводѣ Шмалеръ, учитъ меня Горно-Лужицкому нарѣчію, а между тѣмъ я перечитываю и переписываю драгоцѣнныя рукописи библіотеки здѣшняго ученаго общества и, гуляя по окрестностямъ, знакомлюсь съ остатками древности—городищами и тѣмъ, что въ нихъ отрываю. На все это нужно время и я его не трачу. Вотъ какъ оно проходитъ:—Въ 6 часовъ стучится дѣвка и приноситъ кофе: этимъ начинается мое утро. Отъ 6 до часу я, безвыходно и безвизитно, самъ себѣ дома. Ничто не мѣшаетъ, и я занимаюсь прилежно: устанетъ-ли рука писать, я ложусь на софу и читаю; а отдохнула рука, снова за перо. Утро проходитъ незамѣтно. Въ часъ иду обѣдать къ Оленю, въ концѣ втораго ворочаюсь и опять за работу до 4-хъ. Въ 4-е или я къ Смоларю, или онъ ко мнѣ. Если онъ ко мнѣ, то занимаемся до 8; а потомъ, оставшись одинъ, я занимаюсь до 10. Въ 10 ложусь, и до 11-ти читаю. Если я иду къ Смоларю, то вечеръ погибаетъ. Смоларь живетъ у Гаупта [2]), и я въ сѣмействѣ Гаупта какъ свой. Болтовня, а иногда и пѣсни и танцы и Geselschaftsspiele=фанты продолжаются до половины 11-го. Вечерній картофельный завтракъ бываетъ обыкновенно въ 8, потомъ приходятъ гости, также отужинавши, приходятъ съ чулками и трубками, и мало по малу разыгриваются. Пляшу и я. Съ тѣхъ поръ какъ я тутъ, гости у Гаупта чаще, потому что Русской въ Згорѣльцѣ—чудо невиданное.

7-е Сент.

Вчера воротился въ 11-ть, и мокрый какъ губка. Подумаете, дождь измочилъ: ничуть не бывало—плясалъ. Вчера было воскресенье. Я пошелъ къ Гаупту въ 3. Къ 5 собралось много, въ 6 заплясали и плясали до нѣтъмочи. Кавалеровъ было только четыре: Шмалеръ, совѣтникъ полиціи Кёлеръ, еще нѣкто Тейслеръ да я, а дамъ чуть не вдвое—и мадамъ Гауптъ, и мад. Кёлеръ, и мад. Тейслеръ, и мад. Директорша, и фрейлейнъ Адель (племянница Гаупта), и фрейлейнъ Августа (племянница Тейслера) и еще нѣсколько

[1]) Янъ-Эрнестъ Смоляръ (Schmalcr)—самый замѣчательный и одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей Лужицкаго возрожденія 1830—1840-хъ гг., глубокій знатокъ Лужицкихъ нарѣчій и Лужицкой народности. Имъ вмѣстѣ съ Гауптомъ при нѣкоторомъ участіи И. И. Срезневскаго издано обширное собраніе Лужицкихъ пѣсенъ (Pjesnički Hornych a Dolnych Lužickich Serbow wydate wot L. Hawpta a Smolerja. Grymi 1842 — 1843).

[2]) Гауптъ (L. Hawpt)—пасторъ, секретарь Сгорѣльскаго ученаго общества, издатель Лужицкаго Магазина—одинъ изъ дѣятелей Сербо-Лужицкаго возрожденія 1830—1840 гг.

маленькихъ. Время прошло, какъ обыкновенно, очень весело: всѣ дурачились, дурачился и я, какъ бывало дома. Не только галопировалъ и вальсировалъ, но даже съ Смоларёмъ дернулъ по Вендски, а потомъ и по Чешски польку и рейдовакъ, а потомъ и по Русски козачка.

8-е Сент.

Вчера цѣлое послѣ обѣда гулялъ: въ часъ пошелъ къ Гаупту и отъ него съ Смоларёмъ, Кёлеромъ, какимъ то докторомъ да Гауптомъ изъ города вонъ. Сначала въ деревню Эберсбахъ, гдѣ есть старинное городище, потомъ еще далѣе верстъ за 12 къ Кёнигсгайнскимъ горамъ. Какъ слоёное тѣсто выдвинулись тамъ изъ горъ гранитныя скалы и прекрасно обрисовались еловымъ лѣсомъ. Виды видали, а между тѣмъ не забыты были и поиски старыхъ вещей. Мы съ Кёлеромъ лазили по разнымъ трещинамъ, искали урнъ, и нашли много черепковъ, а я нашелъ и бронзовый браслетъ и нѣсколько кусочковъ сжженыхъ человѣч. костей.

10 Сент.

Вчера опять послѣ обѣда не былъ дома, опять гулялъ. Все наше общество—до десятка дамъ, до десятка кавалеровъ, до десятка дѣтей—кто пѣшкомъ, кто въ Geselschaftswagen'ѣ, помѣщающемъ 14 особъ—отправились къ горамъ Яворницкимъ, и тамъ пили кофе, пиво, вино, ѣли хлѣбъ съ масломъ, калбасы, пироги, пѣли пѣсни, и т. д. Пили и за ваше здоровье, милая Маменька, и я былъ увѣнчанъ вѣнцомъ. Виды съ горы прекрасные. Тутъ есть и старинное городище. Туды я ѣхалъ; оттуда шелъ пѣшкомъ.

Сегодня за то ни шагу изъ дому. Утро занимался самъ, не увидѣлъ какъ прошло утро,—и обѣдъ прогулялъ—не замѣтилъ какъ ударило три часа. Что-же за бѣда. Напился кофе, да и дѣло съ концомъ. А вечеромъ со Смоларемъ напился чаю—и вовсе не голоденъ. Еще и лучше: четвертакъ въ карманѣ остался!!

12 Сентября.

Боже мой, сколько радости разомъ!—Что за радость? спросите Вы. Не опять-ли какая нибудь прогулка?—Нѣтъ, нѣтъ, лучше всякой прогулки, дороже всѣхъ мимолетныхъ знакомствъ, конечно пріятныхъ для одинокаго странника, но все таки мимолетныхъ.... Письма отъ Васъ, душенька Маменька, разомъ три (№ 6, 7, 8)—вотъ отъ чего моя радость. Такъ долго не получать (уже три мѣсяца какъ я выѣхалъ изъ Праги)—и вдругъ... Вы захотите знать, какъ я получилъ ихъ: очень легко и очень скоро: рѣшившись остаться въ Сгорѣльцѣ, я написалъ къ Доктору Станьку письмо, прося переслать все, что получено на мое имя хозяиномъ, Шафарикомъ и пр. Прошло дней пять-шесть и я все это получилъ—и письма отъ Васъ, и письма отъ моихъ старыхъ

друзей, и отъ разныхъ новыхъ знакомыхъ. Работы отвѣчать будетъ дня на полтора — и прежде всего вамъ:

Въ № 6 Вы повторяете, о чемъ писали прежде, что ноты получили всѣ кромѣ «Ave Maria»,—и между тѣмъ прежде писали, что получили 20 тетрадей: если получили по счету всѣ, то и «Ave Maria» тамъ, или можетъ быть вмѣсто Ave я взялъ что нибудь другое.—Такъ Листъ Вамъ не нравится? Жаль! Не потому жаль, что хорошо пишетъ (онъ и меня не восхищалъ, а только изумлялъ [1]), а потому что я могъ бы прислать другое. Лабицкаго вышло еще одно попурри: пришлю изъ Праги.—Если увидите незабвеннаго «бѣлобрысаго» Иванъ Васильевича [2]), то скажите ему, что онъ можетъ писать ко мнѣ на Шафарика въ Прагу, а я ему напишу можетъ быть изъ Др..., не скажу отъ куда, потому что мнѣ хотѣлось бы не говорить о томъ, куда ѣду, до самаго возвращенія въ Прагу: Вы, маменька, будете догадываться, а я воротясь въ Прагу буду любоваться Вашими догадками.—Къ брату я писалъ и надѣюсь получу отвѣтъ въ Прагѣ: письмо важное касательно высылки мнѣ денегъ изъ Министерства.

Въ № 7 Вы описываете Вашу переписку съ братомъ. Что я не могъ не плакать, что плакалъ и слезами радости и слезами гордости, имѣя такую мать, объ этомъ писать нечего; но не могу не повторить, что Вы, душенька Маменька, напрасно беспокоитесь обо мнѣ, о моихъ нуждахъ, о недостаткѣ денегъ въ моемъ карманѣ: не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ поръ, не отказывая себѣ ни въ чемъ, ни разу не грозилъ себѣ пальцемъ. Вина не пью и другихъ имъ не потчую, не наряжаюсь, въ карты не играю: только отъ этого и остерегаюсь (легко остерегаться отъ того, что для человѣка излишне). Все остальное—путешествіе, гулянье, концерты, театры, книги—стоитъ столько, что живу безъ всякаго разщету. Одно поставилъ себѣ за правило: что оставляетъ по себѣ менѣе слѣдовъ на то менѣе и денегъ.—Далѣе о издержкахъ на письма: меня удивляетъ, что Вы платите такъ дорого! я за полученіе письма плачу 14 крейцеровъ = около пяти-алтыннаго, а за отправку—20 = двугривенный. Поручите, Маменька, мнѣ отправлять Ваши письма,—и я буду платить несравненно дешевле. Впрочемъ безъ шутокъ: почта наша обманываетъ. Отправляя, платите только до границы, до Радзивилова, а остальное предоставьте мнѣ,—и увидите, что я не буду платить за полученіе болѣе пятиалтыннаго.—У васъ громы, а тутъ только дождички. За то урожай на фрукты—удивительный.

---

[1]) Въ подлинникѣ написано: «не изумлялъ, а только восхищалъ». Надстрочными цифрами порядокъ словъ измѣненъ, но по ошибкѣ всетаки невѣрно. Подъ этими словами приписано: !!?!!

[2]) Иванъ Васильевичъ Росковшенко, товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; вмѣстѣ съ нимъ И. И. С-кій издалъ въ Харьковѣ въ 1831 г. Украинскій Альманахъ.



Въ № 8—описаніе поѣздки въ Ахтырку. Очень радъ, что и она и ея окрестности Вамъ понравились. Какъ-бы я желалъ быть тамъ вмѣстѣ съ Вами. Одного уже тамъ нѣтъ: добраго, почтеннаго отца Іоанна! Если увидите Чудновскаго, кланяйтесь ему, и пусть онъ кланяется всѣмъ Ахтырскимъ знакомымъ моимъ, а милой сестрицѣ поцѣлуетъ ручку и поздравитъ ее! Дай Богъ ей счастія!—Прощайте, Маменька, до завтра или послѣ завтра.

Вашъ старикъ.

XXXVII.

№ 26. Сгорѣлецъ. 20 Сентября.

Работаю днемъ какъ должно; а придетъ вечеръ, прибѣжатъ дѣти Гаупта (дочь 12 лѣтъ Теодора, другая маленькая Матильда да 2 сынка Карлъ и Рудольфъ) и именемъ Маменьки говорятъ, что «картофель ждетъ». Черный картофель съ масломъ—это обыкновенный Гауптовскій ужинъ. Отужинавши садимся вокругъ стола, болтаемъ, читаемъ, играемъ въ фанты. Если соберется много, то столъ въ сѣни и начинаются танцы. О танцахъ я уже писалъ; о фантахъ еще нѣтъ. Болѣе другихъ любимы нами два:—является грифельная доска. Одинъ записываетъ на одной сторонѣ вопросъ, передаетъ кому хочетъ другому, тотъ, не зная вопроса, пишетъ на другой сторонѣ отвѣтъ,—и такъ доска ходитъ кругомъ стола. Соединеніе вопросовъ съ отвѣтами бываетъ чудное, подаетъ поводъ къ смѣху, къ другимъ вопросамъ и т. д. Другая игра: Одинъ изъ общества выходитъ вонъ изъ комнаты, остальные назначаютъ слово для разгадки, такое слово, которое не легко отгадать, то есть которое имѣетъ много значеній: напр. листъ, странникъ, перо, ручка, шея. Выходившій призывается и спрашиваетъ поочередно всякаго тремя вопросами: Гдѣ вы это любите? Какъ вы это любите? Почему вы это любите? Напр. Гдѣ вы это любите? Одинъ: подъ ногами, другой: подъ столомъ, третій: въ воздухѣ, 4-ый: въ вѣнкѣ, 5-ый: въ башнѣ, 6-й въ рукахъ и т. д. Какъ вы это любите?— 1-й: желтый, 2-й: измятый, 3-й: летающій, 4-й зеленый, 5-й: старый, 6-й: большой. Почему вы это тамъ и такъ любите? 1-й: потому что люблю мечтать, 2-й: потому что мнѣ наскучило сидѣть за столомъ, 3-й: потому что напоминаетъ мнѣ о моей судьбѣ, 4-й: потому безъ него пестрота была бы непріятна, 5-й: потому что мнѣ хотѣлось бы найдти гдѣ нибудь старое новое, 6-й: потому что люблю своихъ родныхъ и друзей. Спрашивающій угадываетъ, и при чьемъ отвѣтѣ угадаетъ, тотъ заступаетъ его мѣсто. Угадали ли Вы, милая Маменька, отвѣтъ? Это 1) листъ осенній, 2) листъ печатанный 3) листъ оторванный отъ вѣтки, 4) листъ травы, 5) листъ старой рукописи, 6) листъ письма. Эта игра очень мила.

23-е.

Работы мои въ Сгорѣльцѣ приходятъ къ концу: съ рукописями почти со всѣми сладилъ; сколько можно было собрать для исторіи литературы Вендской—собрано; этимологическій словарь Горно-Лужицкаго нарѣчія почти окончень.—Завтра или послѣ завтра прощусь съ Сгорѣльцемъ.

А между тѣмъ начинаются прощанья.—Третьяго дни сѣмейство Гаупта ходило встрѣчать сестру г-жи Гауптъ на почту—изъ Бреслау. Отобѣдавши пришелъ и я. Въ ожиданіи мы велѣли подать себѣ кофе. При этомъ были сухари. Каждый съѣлъ по два: остался еще одинъ. «Съѣдимъ Vielliebchen!» сказала Гауптова.—Радъ, отвѣчалъ я, но прежде скажите, что это Vielliebchen?—«Съѣвши съ другимъ Vielliebchen, надобно постараться сказать ему на другой день: «guten Morgen, Vielliebchen!» прежде нежели это онъ успѣетъ сдѣлать,—и кто прежде скажетъ, тотъ выиграетъ, т. е. получитъ что нибудь на память». Очень хорошо: потчую. И такъ я раздѣлился сухаремъ съ Гауптовой, Аделью, Теодорою, Шмалеромъ и діаконшею Геинрихенъ. Вчера чуть свѣтъ вбѣгаетъ ко мнѣ Теодора и кричитъ: «Guten Morgen, Vielliebchen!»—Проигралъ. Въ 9 часовъ приходитъ Шмалеръ, говоритъ «Guten Morgen»—я въ отвѣтъ «Vielliebchen, guten Morgen!—выигралъ. Дамы ждали меня цѣлое утро, и все время держали дверь на замкѣ. Въ часъ, когда я обыкновенно обѣдаю, онѣ перестали ждать, а я какъ тутъ: влетѣлъ,—и выигралъ. Смѣху было до слезъ. Я подарилъ Теодорѣ коробочку, она меня отдарила тоже коробочкой, Гауптова подарила мнѣ тоже коробочку, Адель — видъ Герлица. Другихъ подарковъ еще не получилъ. Сегодня собралось у меня до полдесятка альбомовъ. —

24-е.

Сегоднишнюю ночь я почти не спалъ: легъ въ концѣ 2-го, а всталъ въ 6. Цѣлый день занимались съ Шмалеромъ. Подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ Гауптъ, потомъ Тейслеръ, потомъ дѣти съ «картофель ждетъ». Пошли. Послѣ ужина собрались разныя разности. Болтали, я гадалъ и смѣшилъ, предсказывая Spektakel-Geschicht'ы. Читали, что я написалъ въ альбомы. Адель знаетъ по русски едно слово «прошу»,—и я написалъ ей:

Прошу

Своихъ друзей старинныхъ вспоминая,
И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить кой-когда—
Хоть такъ: «Изъ дальняго былъ странникъ края!»
Хоть такъ: «Бывалъ намъ странникъ страненъ иногда.
Изъ памяти жъ все злое выметая,
Забыть и обо мнѣ все злое навсегда
Прошу.



Теодорѣ я написалъ:

Теодора, Теодора!
Сохранишь-ли мой листокъ?
Иль, какъ дикаго для взора,
Изъ альбомнаго узора
Вырвешь вонъ ты мой листокъ?
Теодора, Теодора,
Мой листокъ?
Теодора!

Этотъ пустякъ понравился всѣмъ такъ, что Гауптъ сѣлъ за фортопьяно, сдѣлалъ для этого музыку,—и всѣ стали пѣть по Русски, приговаривая, что Русскій языкъ очень нѣженъ и звученъ. Я и забылъ сказать, что я былъ весь вечеръ въ цвѣточной гирляндѣ. Діаконша принесла мнѣ свой Vielliebchen. Это была кожаная подкладка подъ бумагу, что бы мягче было писать. Она была свернута въ трубку и обвита прекрасною цвѣточною гирляндою. Я снялъ ее съ кожи и надѣлъ на себя черезъ плечо. Гауптова надѣла мнѣ на шею шнурокъ, который носила нѣсколько лѣтъ, говоря, чтобы я помнилъ о ней по нему, Теодора привязала къ нему букетикъ незабудокъ,—и я выглядывалъ въ этомъ уборѣ такимъ селадончикомъ, особенно когда началъ строить рожи и гадать, что всѣ помирали со смѣху.

Въ десять часовъ вечера разошлись,—а мы съ Шмалеромъ отправились ко мнѣ оканчивать словарь и работали до половины втораго.

Завтра въ путь.—Всѣ жалѣютъ, что я уѣзжаю; я также жалѣю, что разстаюсь съ Сгорѣльцемъ: городъ не видный, но жилось мнѣ въ немъ хорошо.

Завтра ѣду. Прощайте, милая Маменька! Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Вотъ-вотъ дни черезъ четыре будетъ годъ какъ я выѣхалъ изъ Харькова: время слишкомъ большое для человѣческой памяти. Я не забылъ никого, но это другое дѣло: можетъ быть никто болѣе странника, одинокаго разумѣется, не живетъ въ прошедшемъ.

Гауптова приказала вамъ передать свой сердечный поклонъ.—

Скажите мнѣ, Маменька, что я долженъ дѣлать: просить-ли позволенія еще на полгода остаться за границей или нѣтъ? Какъ человѣкъ, какъ сынъ, я желалъ бы въ Харьковъ; но съ другой стороны въ годъ невозможно окончить путешествій, которыя мнѣ предстоятъ. Если я буду проситься и мнѣ не позволятъ, я буду радъ; но можетъ быть буду жалѣть что не получилъ позволенія.—Самъ не знаю что дѣлать.

Да не сердятся на меня, если я пришлю свой 2-й отчетъ позже, нежели слѣдуетъ. Въ дорогѣ писать невозможно, потому что много другихъ работъ.

Цѣлую ручку Вашу.



Дороговизна писемъ заставитъ, можетъ быть, меня писать рѣже. Не беспокойтесь: я здоровъ, слава Богу, какъ слѣдуетъ [1]).

XXXVIII [2]).

. . . .

XXXIX.

№ 28. Дрезденъ. 19-е Окт. 1840 [3]).

Угадали-ли Вы, милая Маменька, что здѣсь я начну мой № 28-й? Проѣхать мимо было-бы во всякомъ случаѣ непростительно: ворочаясь въ Прагу, я буду — можетъ быть навсегда, — прощаться съ сѣверозападнымъ угломъ Славянской Европы, въ Саксонію уже не пріѣду, Дрездена не увижу; какъ-же не заѣхать въ него?—И я пріѣхалъ сюда и я останусь здѣсь по крайней мѣрѣ 1/2 мѣсяца. Тутъ отдохну отъ моихъ странствій по Лузаціи, поживу въ мірѣ художествъ; а мое Славянское дѣло будетъ идти своимъ чередомъ: время не будетъ потеряно.

Вчера, пріѣхавши въ Дрезденъ въ 6 часовъ утра, и остановившись на время въ Hotel de Pologne, я таскался часовъ 5 по городу, посѣтилъ придворнаго капеллана Грабѣту, съ которымъ познакомился еще въ первый проѣздъ мой черезъ Дрезденъ, выслушалъ обѣдню въ католической церкви, а вечеромъ былъ въ театрѣ.—Прежде всего нѣсколько словъ о Дрезденѣ. На равнинѣ въ близи горъ и украшенной гористыми берегами Эльбы, на обоихъ берегахъ ея лежитъ онъ зеръ фрейндлихъ: на лѣвомъ берегу Старый городъ, на правомъ Новый, кругомъ нихъ предмѣстія, расходящіяся по разнымъ направленіямъ все далѣе и далѣе. Красивыя, впрочемъ черныя зданія перемѣшаны съ домами чисто Нѣмецкими, небольшія, но довольно широкія и полныя жизни улицы съ переулками, грязными и глухими. Площадей много, но всѣ,

---

[1]) Приписано съ края письма.

[2]) Это письмо было напечатано въ 1 книгѣ «Живой Старины» за 1891 г.; въ немъ идетъ рѣчь о путешествіи по Сербскимъ Лужицамъ, о знакомствѣ съ докторомъ Клиномъ, извѣстномъ Сербо-лужицкомъ патріотѣ, съ Зейлеромъ, составителемъ Горно-лужицкой грамматики, со Смоляромъ и Гауптомъ.

[3]) Письмо сохранилось въ двухъ варіантахъ; печатаемъ по болѣе полному; другой помѣщенъ въ приложеніи.



кромѣ Стараго рынка или малы, или неправильны: за то ихъ такъ много, что заблудиться невозможно. Садовъ и алей еще болѣе, болѣе нежели въ предмѣстiяхъ Вѣны,—и это составляетъ одно изъ лучшихъ украшенiй Дрездена. Лучшимъ украшенiемъ Дрездена разумѣется остается Эльба съ ея превосходнымъ мостомъ (длиною до 600 шаговъ), съ ея живописными берегами. Словомъ: будь Дрезденъ чище, бѣлѣе и опрятнѣе, его можно бы назвать милымъ городомъ. О жителяхъ незнаю что сказать. Вчера было Воскресенье, и я видѣлъ Дрезденцевъ въ ихъ лучшихъ одеждахъ, видѣлъ разнообразiе вкусовъ и еще болѣе безвкусiя: о изяществѣ простоты тутъ кажется вовсе не имѣютъ понятiя. Вчера-же, искавши себѣ квартиры, я заходилъ въ очень многiе домы, и не могъ не замѣтить, что входы въ дома, лестницы, сѣни, корридоры ужасно, жалостно нечисты. Развѣ въ одинъ изъ 20 домовъ не отвратительно войдти, а въ иномъ встрѣчаешь такую вонь, что поскорѣе направо кругомъ да подалѣе. Ужъ разумѣется причиною нечистоты не что другое какъ то-же безвкусiе жителей. Безвкусiе — внѣшность безхарактерности—неотъемлемое качество Дрезденцевъ.—Католическая церковь, лучшая въ Саксонiи, въ самомъ дѣлѣ хороша. По воскресеньямъ въ 11 часовъ бываетъ тутъ торжественная обѣдня въ присутствiи короля и королевской фамилiи и съ превосходной музыкой: побывать въ это время въ церкви точно стоитъ: пѣвчiе разумѣется не чета нашимъ, но музыканты — мастера, а органъ, послѣднее творенiе Зильбермана, удивителенъ. — Театръ новый отстраивается и будетъ великъ и хорошъ; старый же покамѣстъ отмѣнно тѣсенъ и грязенъ. Взявши мѣсто въ Cercle (что у насъ называется—въ кресла), я вошелъ: смотрю на указанную мнѣ скамью, — вся полна; пробираюсь, продираюсь, ищу, нахожу свой № между двумя дамами, говорю имъ — не отвѣчаютъ; что дѣлать! вспомнилъ, что я между Нѣмцами, сказалъ: «um Entschuldigung», и сѣлъ на моихъ сосѣдокъ какъ въ кресло. Вы хохочете, милая Маменька, и называете меня невѣжею; иначе нельзя: не сдѣлай я этого, я не получилъ бы своего мѣста. Притомъ-же что страна то обычай: многое что въ Россiи показалось бы страшнымъ невѣжествомъ, тутъ не возбуждаетъ и мысли о невѣжествѣ. Еще не поднялся и занавѣсъ, а я уже былъ съ моими сосѣдками прiятелемъ... Я успѣлъ въ это время осмотрѣть публику: нарядовъ много на такъ называемыхъ дамахъ, но безвкусiе, рожи, а общество кавалеровъ не годилось бы и для Харьковскаго театра. Наконецъ занавѣсъ поднялся... раздалась скрипка Липинскаго, потомъ вышла Шрёдеръ-Деврiанъ... было уже не до публики. Давали Монтекки и Капулетти, и Шрёдеръ играла роль Ромео. Ея альтъ не такъ чистъ и полонъ, какъ у незабвенной Брамбиллы, но изящество управленiя голосомъ, удивительное sotto-voce, одушевленiе и притомъ драматизмъ игры, вѣрность тѣлодвиженiй тѣмъ болѣе поразительная,

что въ роли мужчины не видишь женщины, восхитятъ хоть кого. Особенно превосходны сцена погребенія и весь конецъ: слышишь Липинскаго, видишь Шрёдеръ, вспоминаешь Шекспира — наслаждаешся. Жаль что Кортенъ въ роли Джульетты была слаба, если не отъ недостатка дарованія, то отъ трусости (это былъ ея дебютъ на Дрезденской сценѣ).—День окончился для меня совершенно неожиданно: выходя изъ театра, слышу русскіе голоса, оборачиваюсь—Калиновскій [1]), Берлинскій знакомецъ передо мною. «Давно Вы здѣсь?»—Сегодня пріѣхалъ; таскался по Лузаціи. А Вы?—«Недѣлю живу; былъ въ Саксонской Швейцаріи, и черезъ 2 недѣли ворочаюсь въ Берлинъ» [2]).—Пошли ко мнѣ, потомъ къ нему,—и проболтали до одинадцати.

20-е Окт.

Только что воротился изъ театра. Былъ въ немъ третьяго дня, былъ и вчера, былъ и сегодня. Вчера давали «Коварство и любовь», и дали превосходно: Девріенъ игралъ Карла, Аншюцъ—Луизу, Бауеръ—Мильфордъ,—и можно бы исчислить всѣхъ. Особенно удивительна была Бауеръ: кажется самъ Шиллеръ не могъ бы придумать лучшаго исполненія для характера леди. А Аншюцъ... глядя на нея, я вовсе забылъ, что она Аншюцъ... видѣлъ въ ней... угадаете-ли кого?—M. Fanny [3]): и физіономія, и ростъ, и походка, ну все, все какъ у Фанни, даже голосъ. Сегодня опять опера, но уже не на Итальянскомъ языкѣ, а на Нѣмецкомъ: Пуританe. Марксъ играла Эльвиру, а ея милаго—Тихачекъ. Опять чудесно, особенно музыка.—Утромъ и вчера и сегодня ходилъ въ картинную галерею. Что за галерея! Слишкомъ 2000 картинъ, и какія есть!—Прежде всего о препрославленной Рафаелевой Мадоннѣ. Рафаеля такъ хвалятъ и Рафаель такъ мало удовлетворялъ моему ожиданію, что я прежде всего пошелъ отыскивать эту Мадонну, что-бы или увѣриться, что для живописи должна еще наступить эпоха, или пасть передъ доселѣ непонятымъ мною геніемъ Рафаеля. Отыскать было не трудно: около нея всегда много зрителей... Держа на правой рукѣ Спасителя, Она паритъ на облакахъ; св. Варвара на лѣво у ногъ ея опустила глаза въ землю, папа Сикстъ на право молится — оба тонутъ въ облакахъ; въ самомъ низу, облокотившись на доску, два ангельчика смотрятъ на публику; все освящено свѣтомъ, исходящимъ отъ Дѣвы и Спасителя; въ небѣ, вверху, какъ сквозь туманъ видны тысячи ангельскихъ головокъ. Я сѣлъ, и съ полчаса смотрѣлъ, не сводя глазъ. Божія Матерь не красавица, но очень мила, и физіономія не выра-

---

[1]) О немъ см. въ письмѣ XIV.
[2]) Во втор. варіантѣ: въ Лейпцигъ.
[3]) Ф. С. Питра.

жаетъ ничего кромѣ невинности, ликъ Спасителя напротивъ поразительно одушевленъ, а с. Варвара красавица полная жизни. Если для Богоматери довольно одной чистой невинности, то Рафаель достигъ своей цѣли: лучше выразить и оттѣнить невинность не возможно. Чѣмъ болѣе глядишь, тѣмъ болѣе понимаешь святость невинности, тѣмъ болѣе проникаешся чувствомъ, что никакая красота не можетъ быть сравнена съ невинностію... Но... и тутъ я вѣрно показался бы смѣшнымъ для многихъ живописцевъ. Между картинами Венеціанской школы я замѣтилъ одну—Петра Ротари—Ночь бѣгства св. сѣмейства: Б. Матерь держитъ на лѣвой рукѣ Спасителя, а правую приподняла немного, и мыслію неслсь къ Богу, ему поручаетъ судьбу свою и Младенца. Сзади смотритъ Іосифъ на Младенца; въ одномъ углу оселъ пьетъ воду, въ другомъ какія то двѣ женщины, на верху ангелы въ разныхъ положеніяхъ. Ночь; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Младенца. Объ обставкѣ ни слова; но сколько величія въ выраженіи лика Б. Матери: таже невинность, и тутъ-же святое чувство преданности Богу и надежды на Его помощь. Б. Матерь Ротари мнѣ нравится болѣе нежели Рафаелева, болѣе меня одушевляетъ. Всѣ другія Мадонны мнѣ не нравятся, ни даже Мадонна моего стараго пріятеля Франчески Франчіи [1]).—О другихъ картинахъ послѣ. Теперь спать: бьетъ 11.

XL.

№ 28. Дрезденъ. 1840. Окт. 28 [2])

И такъ я въ Дрезденѣ, — и Вы, милая Маменька, конечно, угадали, что я сюда направляю свой путь. Быть такъ близко отъ Дрездена и не завернуть въ него — это было бы по крайней мѣрѣ странно. Я же тутъ не только отдыхаю отъ Лужицкихъ приключеній и работъ, но и занимаюсь—занимаюсь, сколько позволяетъ время. Не подумайте, что я завелъ тутъ какія нибудь знакомства, отнимающія время: кромѣ дѣловыхъ никакихъ нѣтъ, да и нѣ къ чему; но картинная галлерея, но разные музеи и кабинеты... они отворены, а я хоть и плохой, но все же любитель художествъ. И день за днемъ проходятъ такъ, что и не видишь.

Впрочемъ прежде всего о моемъ жительствѣ. Зная, что въ отели нельзя

---

[1]) Франческо Франчія—герой одного изъ юношескихъ произведеній И. И. Срезневскаго «Rapsodia Sonatina» (Московскій наблюдатель. 1837. XI. 21—75).

[2]) Этого письма два варіанта. Одинъ болѣе полный и болѣе отдѣланный печатается здѣсь; другой помѣщенъ въ приложеніи. Письмо это сходное и №-мъ, и отчасти содержаніемъ съ предъидущимъ, какъ отличающееся въ общемъ, отъ него печатается нами въ текстѣ. Весьма вѣроятно, что оба письма были посланы по назначенію.

издерживать въ день менѣе 2-хъ талеровъ, я остался въ Hôtel de Pologne только два дни: Въ Wilsdruffer Gasse, въ № 28, первый этажъ нанимаетъ вдова Мильднеръ, и, сама занимая крошечную горенку, другія отдаетъ въ помѣсячный наемъ пріѣзжимъ: у вдовы Мильднеръ живу и я. И я! Нѣтъ, живу я да еще одна молоденькая Польская графиня съ теткой да и только. Мои сосѣдки занимаютъ одну большую комнату и шляфъ-кабинетъ, я тоже шляфъ кабинетъ и комнату не такъ большую. Наши комнаты сходятся дверями, ничѣмъ незаставленными, и, что нельзя не замѣтить, мы, сосѣди, довольны другъ другомъ какъ нельзя болѣе: отъ меня не слышно ни одного слова, потому что я самъ съ собою не говорю; отъ сосѣдокъ же слышу только шопотъ. Молоденькая графиня отправляется каждый день куда-то учиться (ей только 14 лѣтъ), а г-жа тетушка пресмирная женщина. Только вечеромъ, въ 10-мъ часу, слышу я довольно внятно «Отче нашъ» и еще нѣкоторыя молитвы и потомъ все смолкаетъ. Мнѣ даже досадно, что не могу слышать болѣе. Я уже говорилъ объ этомъ моей хозяйкѣ. Хозяйка же передала мнѣ слова г-жи тетушки такъ: «Онъ долженъ быть прекрасный человѣкъ: съ вами говоритъ такъ вѣжливо и тихо, и все дѣлаетъ такъ тихо. Онъ долженъ быть литераторъ: я только и слышу отъ него, что или скрыпъ пера или шелестъ листковъ». Можете представить какъ у насъ тихо, когда и перо мое не плохой ораторъ. Въ прошлое воскресенье послѣ обѣда лежалъ я на софѣ, и вздремнулъ; дремалъ, дремалъ,—и вотъ слышу—молоденькая графиня начинаетъ напѣвать какую-то пѣсенку громче и громче. Дремлю и слушаю. Это продолжалось бы вѣроятно долго, если бы моему носу не вздумалось подать голосъ одобренія. Я чхнулъ... пѣсня прервалась, — и вмѣсто пѣсни я услышалъ только шопотъ «видишь, я тебѣ говорила, что онъ дома». У графини есть дѣвушка служанка, Полька; но и это не разрушаетъ покоя: я только раза два говорилъ съ нею по Чешски, и то въ потьмахъ, а потому и не знаю даже ея физіогноміи. Хозяйка моя — старушка и предобрая, преуслужливая: она очень рада, что я вступаю съ нею въ разговоръ и сажаю на софу, и за это величаетъ меня всегда «милостивымъ господиномъ». Этого мало: она убрала и постель мою тюфякомъ и одѣяломъ—по русски, и подлѣ постели разложила коверъ. Съ ея служанкой Каролиной, завѣдывающею чистотою и теплотою моей комнаты, сапогами, платьемъ, кофе и пр., мы также въ миру.—За комнату плачу $1^1/_2$ талера въ недѣлю.

День мой проходитъ такъ: въ 7-мъ часу встаю и пью кофе, и до 10-го занимаюсь. Потомъ вонъ изъ дому—въ галлерею, библіотеку и т. п. и обѣдать. Въ 2 домой и занимаюсь. Въ 6 — въ театръ — почти каждый день. Въ 9 домой, пью чай и занимаюсь до 11. Исключенія рѣдки. Придворный капелланъ Грабѣта, Чехъ, и библіотекарь Публичной библіотеки

Клемъ [1])—единственные знакомые, меня посѣщающіе. Къ Тику [2]) собираюсь идти, но до сихъ поръ не собрался. У Липинскаго тоже еще не былъ. Съ нѣсколькими Русскими говорилъ въ театрѣ да и только. Былъ правда тутъ и Калиновскій изъ Берлина, но уже уѣхалъ.

Что же сказать Вамъ о Дрезденѣ. Онъ не больше Харькова, и Эльбою раздѣленъ на двѣ части: на лѣвомъ берегу Altstadt, на правомъ Neustadt. Neustadt чище, правильнѣе улицами, новѣе домами, но смиренъ какъ наша Залопань [3]); Altstadt шуменъ какъ ярмарка. Отъ Эльбскаго моста идешь прямо къ Georgenthor, видишь на право католическую церковь и за нею театръ, на лѣво, изъ-за строеній Frauenkirche, прямо передъ собою старый шлоссъ, и черезъ Georgenthor входишь въ Schlossgasse, и въ три минуты доходишь по ней до прекрасной площади Altmarkt, заворачиваешь на право, и по Wilsdruffergasse доходишь въ 2 минуты до почты; оттуда на право до Цвингера не далѣе какъ до церкви Димитрія [3]) и оттуда до театра, какъ отъ церкви до острога; оттуда, мимо Католической церкви, Georgenthor и моста 200 шаговъ до Брюлевой террасы; оттуда до Neumarkt, гдѣ и картинная галлерея не далѣе какъ до церкви Рождества [4]), оттуда шаговъ 300 — 400 до Altmarkt: это центръ города и шума и дѣятельности. Въ Neustadt'ѣ отъ моста до Японскаго дворца, гдѣ и библіотека, не далѣе какъ отъ Лопанскаго моста до Коллегіума. Въ Neustadt'ѣ Hauptstrasse и Königsstrasse широки и украшены деревьями; въ Altstadt'ѣ кругомъ главной части города идутъ аллеи. Лучшее украшеніе Дрездена — Эльба; не Нева, но всетаки роскошная рѣка. Мостъ черезъ нея 600 шаговъ длиною, прекрасный. Виды съ моста на Дрезденъ и окрестности очень милы. И самъ Дрезденъ былъ бы очень милымъ городомъ, если бы не этотъ мерзкій сѣрой цвѣтъ всего—отъ мостовой до постарѣлыхъ черепичныхъ крышъ. Магазины на Schlossgasse и Wilsdruffergasse богаты и красивы: такъ бы вотъ и купилъ то и другое. Толкотня на этихъ улицахъ, какъ и на мосту, безпрерывная—до 10 часовъ. Въ 10 всѣ ложатся спать. Разговоръ Англійскій, Французскій, Польскій слышишь почти такъ-же часто, какъ и Нѣмецкій; Русскій разговоръ также не рѣдкость. Пріѣзжіе каждый день сотнями. Вообще Дрезденъ кажется мнѣ городомъ на водахъ: коренные жители—слуги пріѣзжихъ. Столичнаго—ничего невидно. Я впрочемъ не понимаю, что привлекаетъ сюда пріѣзжихъ и особенно на зиму: я бы не промѣнялъ Вѣну на Дрезденъ.

---

[1]) Friedrich Gustav Klemm (1802—1867)—извѣстный историкъ и археологъ.

[2]) Christian Fridrich Tieck (1776—1851)—скульпторъ.

[3]) Въ Харьковѣ.

[4]) Въ другомъ варіантѣ этого письма: «не далѣе какъ отъ Университета до церкви Рождества».

Пора бриться, и въ библіотеку, а послѣ обѣда въ Porcellain-Sammlung: вчера вечеромъ былъ у меня Клемъ, и мы условились съ нимъ.

Вечеромъ.

Цѣлое послѣ обѣда не былъ дома, и только что воротился. Въ 2 часа пошелъ въ Porcellain-Sammlung, гдѣ меня дожидался Клемъ, и до четырехъ проходили съ нимъ по заламъ или лучше сказать погребамъ этого превосходнаго и оригинальнаго музея. Передъ глазами вашими цѣлая исторія глиняныхъ, работъ, начиная отъ простаго горшка Индійскаго или Германо-Славянскаго до чудныхъ произведеній Мейссенской фабрики въ послѣднемъ вкусѣ. Вещи надобно считать не 1000-ми, а десятками тысячъ. Особенно богаты собранія Китайскихъ и Саксонскихъ фарфоровъ. И чего тутъ нѣтъ: о вазахъ и говорить нѣчего; самыя скульптурныя произведенія, истинно прекрасныя, безъ сщету. Не знаю, какъ попался сюда и Монгольскій храмъ со всѣми принадлежностями. Клемъ самъ приводилъ въ порядокъ это собраніе, и потому ничто занимательное не было нами упущено безъ вниманія. Потомъ мы пошли за городъ въ Присницкую долину и, нашлявшись порядкомъ по этимъ прекраснымъ мѣстамъ, закусили въ Waldschlöschen, куда собираются Дрезденцы пить знаменитое пиво. Виды отсюда на Эльбу и Дрезденъ чудесны.

Завтра же начну другое письмо о Дрезденѣ, о галлереѣ и пр., а теперь покойную ночь.

Кланяйтесь, милая Маменька, всѣмъ нашимъ знакомымъ. Цѣлую ручку Вашу.

Срез.

XLI.

№ 29. Дрезденъ. Окт. послѣднее.

Баста! чего не довидѣлъ, не досмотрѣлъ, уже не довижу, не досмотрю. Баста! Всѣ собранія драгоцѣнностей заперты и отворятся только для того, кто захочетъ платить за каждый входъ по 2 талера. Теперь можно сказать: «прощай, Дрезденъ!»—Хоть нѣсколько словъ, но все же надобно Вамъ сказать, милая Маменька, о томъ что я видѣлъ и чего уже не увижу въ Дрезденѣ.

Начну съ картинной галлереи, этого солитера въ Дрезденскомъ формуарѣ собраній рѣдкостей. Она помѣщается въ такъ называемомъ Stallgebäude, зданіи вовсе не красивомъ, на Neumarkt'ѣ, и занимаетъ весь бель-этажъ—14 залъ. Снизу до верху всѣ стѣны плотно увѣшаны картинами: ходи и любуйся, жаль только, что плохое освѣщеніе иногда не позволяетъ любоваться, тьмитъ картину такъ, что съ какой стороны ни подходи, не увидишь хорошо. Ну, какъ бы

ни было, пойдемъ. Входя, я не забылъ, что тутъ же и знаменитая Рафаелева Madonna di san Sisto. Къ ней, къ ней! Къ сожалѣнію я не Франчія, ни художникъ, ни ремесленникъ въ дѣлѣ живописи, и хоть нашелъ ее безъ труда, но за то и глядѣлъ на нее какъ-то хладнокровно [1]). Извольте видѣть: картина большая — 9 футовъ вышины, 7 ширины, фигуры въ естеств. величинѣ. Св. Дѣва съ Младенцемъ на правой рукѣ поднимается выспрь на свѣтломъ облакѣ; св. Варвара, на лѣво, ниже св. Дѣвы, глядитъ на двухъ ангельчиковъ, которые, опершись на что-то деревянное, разсматриваютъ—публику; на право Папа Сикстъ преклоняетъ колени передъ св. Дѣвой и грузнетъ въ облакѣ, на которомъ стоитъ; въ верхней части неба видно множество ангельскихъ головокъ; часть неба съ обѣихъ сторонъ закрыта занавѣсомъ. Лице св. Дѣвы красота и невинность, тѣмъ болѣе поразительная, что ее не видишь ни на одномъ изъ другихъ лицъ: лице младенца выражаетъ какую то буйность, разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; св. Барбара немножко кокетка; Папа лице портретное; ангельчики—жирныя дѣти. Теперь спрашиваю васъ: понравилась-ли бы вамъ такая Мадонна? И спрашиваю себя: ужели я не могу восхищаться только потому, что другіе восхищались, и что самъ я не могу написать ни такъ, ни въ тысячу разъ хуже? Я не говорю о такъ называемой правильности, о которой судить можетъ только тотъ кто изучилъ анатомію и перспективу: но мысль... она всякому приступна. Мысли—я не вижу въ этой картинѣ. Папа молится, но св. Дѣва не обращаетъ на него никакого вниманія, а Младенецъ занятъ совершенно другимъ; ангельчики смотрятъ на публику, а св. Варвара на нихъ: что-же тутъ цѣлаго? Если бы я былъ Рафаелемъ и долженъ былъ писать картину въ такихъ предѣлахъ, я бы сдѣлалъ такъ: мѣсто ангельчиковъ поставилъ бы людей молящихся, лице Варвары выражало бы «молитесь», а ликъ св. Дѣвы долженъ былъ бы выражать не только невинность, но и упованіе на Бога и на того, кого матерію быть избрана Богомъ. Или, лучше сказать,—я бы вовсе не писалъ такой картины. Впрочемъ невинность св. Дѣвы—такая невинность, какая можетъ быть только у св. Дѣвы и какую написать могъ одинъ Рафаель. Еще два слова: мнѣ кажется или я гдѣ-то читалъ, что картина эта не до чиста отдѣлана, и думается, что, если-бы Рафаель совершенно докончилъ ее, то на лицѣ св. Дѣвы увидѣли бы не только невинность, но и вѣру. Невинность и вѣра—это все, что можетъ небесно утѣшать, возносить къ небу земное.—Въ той же комнатѣ есть три Мадонны Корреджіо и нѣсколько другихъ: глядя на нихъ понимаешь величіе Рафаеля, отварачиваешься отъ нихъ. Только въ св. ночи Корреджіо поражаетъ мысль: вся картина освѣщена свѣтомъ, исходящимъ отъ родившагося младенца, и одни пали передъ нимъ, другіе не могутъ сно-

---

[1]) Ср. описаніе Сикстинской Мадонны въ письма № 28.

сить своими преступными глазами чистоты божественнаго свѣта. За то сама Богоматерь—обыкновенная женщина. Въ томъ же родѣ Ночлегъ бѣгства Ротари, и молящійся ликъ св. Дѣвы прекрасенъ... «Гдѣ Сальваторъ Роза? Тутъ есть Сальваторъ Роза: гдѣ онъ»?—Пожимаютъ плечами, не знаютъ. Перебираю поочередно картины всѣхъ Неаполитанцевъ,—и нѣтъ Розы. Наконецъ выхожу въ предположеніи, что его картина по какому нибудь случаю снята. Глядь на двери—это что за маракса? Ни неба, ни земли; въ уголку прижались люди, да ихъ почти не видно: просто—сѣрозеленая маракса... №?—№ 357. Ищу въ книгѣ... Ба, да это Сальваторъ Роза, его ночная буря! Ну, прошу покорно, куда его запрятали! Впрочемъ самъ виноватъ: размѣръ картины слишкомъ малъ для предмета. Займи онъ этой картиной стѣну, а не 7 футовъ,—и его картина пугала бы не на шутку.—О другихъ картинахъ внутренней, т. е. Итальянской галлереи умолчу: иначе конца бы не нашелъ письму. Внѣшняя галлерея начинается Французской школой,—и по дѣломъ: этой Французской школѣ лучшее мѣсто въ передней. Далѣе старые Нѣмцы: препочтенные люди съ своими Японскими физіогноміями и безтѣнностію тѣни, безсвѣтностію свѣта. Далѣе—Саксонцы, далѣе [1]) отъ нихъ. Далѣе—все еще Нѣмцы; однако тутъ есть Сивилла и Весталка Анжелики Кауфманъ, и тутъ же Зейбольда Старикъ и старуха. Спросить бы этого старика и старуху: «когда они умрутъ?» Старье,—а такъ вотъ и живетъ, и старуха еще хочетъ казаться молодою, а старикъ еще и смѣется. Въ слѣдующей залѣ Рембрандцы и другіе Нидерландцы. Войдешь въ залу, оглянешься,—и непремѣнно замѣтишь Снейдерсову Дичь: дичь какъ мертвая, а тутъ еще и собака съ костью и со щенками, и огрызается на другую, и во весь ростъ кухарка съ мужемъ цѣлуются во весь ротъ [2]). И какъ кстати: подлѣ этой картины Рембрантово Жертвоприношеніе Моноа и жены. А тамъ—что тамъ за картиночка, или лучше что это за 2 пятнушка на черномъ полѣ? Подхожу, присматриваюсь,—на силу увидѣлъ: дѣвушка у бочки, а подлѣ нея съ лампою хлопчикъ, и толкуютъ. Это произведеніе милаго Жерарда Dow. Люблю я эти темныя картины,—и ихъ есть въ галлереѣ нѣсколько: еще одна, того-же Дау—дѣвушка у окна, Шалькена бюстъ Венеры, разсматриваемый художникомъ, Рубенсова Старуха съ угольями, Эльстовъ Старикъ передъ угольями, Метцовы Мужъ съ женою, Доуова-же парочка Нѣмецкихъ или Голландскихъ любовниковъ. Нельзя не любоваться. Впрочемъ что-бы не сбиться съ толку, ворочаюсь въ ту залу, гдѣ Дичь. Тамъ же большая картина Гонторста: зубной лѣкарь вырываетъ мужику зубъ, другіе смотрятъ; и смѣшно, и жалко. А вотъ Рембрантовъ орелъ схватилъ дитя и летитъ: ай, ай, ай—поневолѣ у...ся. Тутъ же многія вещи Теньера, худо освѣщенныя.

1) Въ подл.: дѣлѣе.
2) Въ подл.: ростъ.

Въ слѣд. залѣ... ба! какой-то чудакъ съ обезьяною на плечѣ: Сальваторъ Роза «властною рукою». А вонъ и другой чудакъ, жена подъ рукой, вино на столѣ, и хоть свѣтъ пропади: «рукою властною» Рембрантъ. Въ слѣд. залѣ между прочимъ Дауовъ писарь съ очками на носу чинитъ перо: не мѣшайте, осердится,—вѣдь онъ перо чинитъ; очинитъ и потомъ—будетъ писать. Въ слѣд. залѣ Нѣмцы смѣшаны съ Испанцами и Итальянцами. Нѣмецкаго особенно замѣчательнаго ничего нѣтъ; за то тутъ же 5 видовъ Венеціи Каналетто, и Сегалова женщина—земная красавица, и Цурбаранова Магдалина—нельзя сказать, что не Магдалина. Тутъ-же Муриллова Мадонна — хорошенькая, болѣзненная и прехитрая: чудное понятіе о Мадоннѣ. - Но довольно. Хорошо все это разсматривать, хорошо описывать подробно; а такъ, въ письмѣ—скучно и для васъ, и для меня. Въ Дрезденской галлереѣ слишкомъ 2000 картинъ: есть что выбрать. Я ходилъ въ нее почти каждый день, и каждый день находилъ новое, незамѣченное—и въ томъ, чего не видѣлъ, и въ томъ, что видѣлъ. Счастливцы Дрезденцы: они могутъ съ Мая до Ноября, съ 9 до 1 часу ходить. А мнѣ уже не видать какъ затылка своего!

Въ томъ же Stallgebaüde въ низу... но нѣтъ. Право спать пора. Мои сосѣдки покоятся, и все уже покоится. Сегодня празднуютъ Реформацію: я знаю это потому, что хозяйка принесла къ кофе Reformationsbrödchen.

Вашъ Срз.

XLII.

№ 30. Дрезденъ. Ноября 1.

Продолжаю описаніе Дрезденскихъ заведеній.—Въ томъ же зданіи, гдѣ картинная галлерея, находится и Оружейная палата, со многими любопытными старыми вещами, и превосходная галлерея Менгсовыхъ отлитковъ (или какъ это называется?—Abgüsse) лучшихъ Итальянскихъ произведеній ваянія. Жаль (!), что ихъ черезъ чуръ много: глазу трудно уединиться, и онъ забываетъ цѣну того, на что смотритъ. Впрочемъ я и не охотникъ до ваянья.

Далѣе. Надъ Эльбою возвышается нѣчто въ родѣ бульвара и называется Брюлевскимъ садомъ; съ другой стороны этого возвышенія проходитъ уличка въ родѣ канала: Брюлевскій дворецъ перекинулся сводомъ черезъ эту уличку, и, одною стороною выходя къ саду, другою выходитъ, пересѣкая собою весь кварталъ, на другую улицу. Отличнаго въ зданіи впрочемъ ничего нѣтъ. Въ этомъ дворцѣ есть собраніе видовъ Саксоніи Каналетто и Тиле и 6 ковровъ съ картинами по Рафаелю. Кое-что видѣлъ, но не многое; потому что дворецъ поправляется. Ковры полиняли; а виды Каналетто прекрасны—особенно Дрезденскіе.

Во дворцѣ показывается только такъ назыв. Grüne Gewölbe. 8 небольшихъ залъ съ разными драгоцѣнностями: есть прекрасныя вещи изъ слоновой кости, янтаря, много брилльянтовъ, много старинной утвари; поразительнаго ничего. За входъ платится отъ 6 особъ 2 талера. Объясненія ведущаго довольно глупы, а заглядывать въ описаніе некогда.

Цвингеръ, дворъ для нестроеннаго и не имѣющаго строиться дворца, чудной архитектуры, но болѣе мелочной, нежели изящной, заключаетъ въ своихъ настѣнныхъ зданіяхъ натуральные кабинеты, физикоматематическій, моделей, историческій музеумъ и кабинетъ гравюръ. Я былъ только въ двухъ послѣднихъ: въ первомъ много старыхъ вещей, на которыя я и обращалъ особенное вниманіе, а во второмъ надобно прожить мѣсяцъ, чтобъ узнать что-нибудь, а я пробылъ три часа.

Въ Японскомъ дворцѣ, довольно большомъ и порядочномъ по архитектурѣ, кромѣ библіотеки, занимающей 2 верхніе яруса, и гдѣ кромѣ 300,000 книгъ и 150,000 диссертацій, находится около 3000 рукописей и болѣе 20,000 ландкартъ, помѣщается еще Мюнцкабинетъ и Собраніе Древностей, а въ подвалахъ (иначе нельзя назвать этихъ подземныхъ корридоровъ)— собраніе фарфоровъ. Въ собраніи Древностей много статуй, много урнъ, есть и муміи: разставлено прекрасно, но собраніе не богато. Собраніе фарфоровъ за то и раставлено хорошо и очень богато. Я уже не говорю о фарфорахъ Европейскихъ: въ этомъ собраніи можно слѣдить исторію этого искуства въ Европѣ; самое собраніе фарфоровъ Китайскихъ и Японскихъ удивительно огромно. Не знаю съ какой стати тутъ же помѣщена и Монгольская молельня.

Во многія изъ сихъ собраній ходили мы съ Клеммомъ, библіотекаремъ Публ. Библіотеки. Онъ занимается Германскими древностями, и, поспоривши сначала со мною о германизмѣ многихъ старыхъ вещей, захотѣлъ потомъ знать, что я считаю не Германскимъ. По этому случаю я осмотрѣлъ и то, что не принадлежало къ нашему вопросу, обстоятельнѣе и подробнѣе. Клеммъ во многихъ кабинетахъ свой, и объяснялъ мнѣ самъ все, заслуживающее вниманіе.

Ну, о чемъ же теперь?—О театрѣ?—Очень хорошо. Вы уже знаете, гдѣ стоитъ онъ въ Дрезденѣ. Новый строится, и будетъ прекрасенъ, а старой плохъ, очень плохъ, и снаружи и внутри. За то оркестръ чудо: всѣ до одного мастера, между которыми не стыдится сидѣть и Липинскій; исполненіе столь же одушевленное, сколько и отчетливое, и фиглярства нѣтъ. Между актерами есть также замѣчательные таланты, да и вообще вся труппа хороша, жаль, что иногда роли не по лицамъ. Девріану даютъ первое мѣсто. Глубины характера въ немъ нѣтъ; но въ драмахъ изъ обыкновенной жизни онъ очень хорошъ: естественъ и умѣетъ заставить Нѣмца поплакать и посмѣяться. Паули—комикъ, жаль, что для ролей однихъ стариковъ. О дру-

гихъ мужчинахъ молчу. Изъ женщинъ — несравненная дѣвица Бауеръ: женщина молодая, статная, прекрасная собою—и все, только не любовница и не мать семейства; леди Мильфордъ (въ Коварствѣ и Любви) — ея настоящая роль. Не могу не вспомнить и о дѣвицѣ Аншюцъ, хоть она тутъ и гостья: во первыхъ она напомнила мнѣ — о д. Фанни, на которую изумительно похожа и лицомъ, и голосомъ; а во вторыхъ прекрасно играетъ. Въ роли дѣвушки простаго званія, дѣвушки въ добромъ сѣмействѣ, дѣвушки наивно-влюбленной—она сама природа,—и всякую ролю умѣетъ такъ оттѣнить, что всюду видишь ее какъ будто въ первый разъ. Она играла даже Фенеллу—и ту не испортила, хоть эта роль принадлежала бы не ей, а танцовщицѣ: она была воодушевлена и понимала музыку, которую должна была выражать жестами, прекрасно. Въ иныхъ мѣстахъ я не могъ безъ слезъ глядѣть на ея заплаканные глаза. Я видѣлъ ее и въ роли Луизы (Коварство и любовь): она и Бауеръ вмѣстѣ; глядя на нихъ, можно было назвать театръ изящнымъ искуствомъ. О дѣвицѣ Гельвигъ скажу только, что ея талія—лучшая въ Дрезденѣ.—Въ оперѣ отличаются Тихачекъ, г-жа Шредеръ-Девріанъ и д-ца Марксъ. Тихачекъ (Чехъ)—прекрасно поетъ (тенором), дурно жестикулируетъ. Шрёдеръ—пьяница и развратница, погубившая свой превосходный контральтъ, но всетаки восхищаетъ и пѣніемъ и драматизмомъ игры: въ роли Ромео (Монтекки и Капулетти) она была превосходна. Марксъ — сопрано, не то что Фреццолини, Унгарнъ, Люцеръ; но очень мила, хоть и вовсе не мила собою.— Балетъ... что балетъ безъ Тальони!—

28 Ноября.

Уже-ли Измайлуша все въ Дрезденѣ?—подумаетъ Маменька. Нѣтъ: я уже въ Прагѣ три недѣли. Изъ Дрездена сдѣлалъ 2 поѣздки-походки: одну къ городищамъ на Черный Эльстеръ, другую въ Саксонскую Швейцарію. Въ послѣдней велъ дневникъ и пришлю мѣсто слѣдующаго письма. А теперь о Прагѣ. Я пріѣхалъ сюда съ бывшимъ воспитанникомъ Военной Академіи, офицеромъ Свиты Милютинымъ [1]), милымъ молодымъ человѣкомъ, и первыхъ два дни провелъ съ нимъ вмѣстѣ. Проводивши его въ Вѣну, перебрался на частную квартиру, и сталъ заниматься. Я засталъ въ Прагѣ товарища по занятіямъ, Прейса. День проходитъ такъ: до 1 часу дома; въ концѣ 1-го приходитъ Прейсъ, идемъ обѣдать, потомъ въ кофейню Мельцера читать газеты; въ 1/2 3-го домой,—приходитъ Іорданъ—и занимаемся по Лужицки;

[1]) Дм. Алексѣевичь Милютинъ (?)—впослѣдствіи Военный Министръ, членъ Государственнаго Совѣта, авторъ сочиненія «Исторія войны Россіи съ Франціей... въ 1799 г.» (С.-Петербургъ 1852—1853).



вечеръ то дома, то гдѣ-нибудь. Этотъ мѣсяцъ я живу у одной штаб-лекарши. Дочка прекрасно играетъ на фортопьяно, и теперь учитъ тѣ самыя ноты, которыя когда-то вы играли: Тальберга № 5, да его же Русскія пѣсни. Можете представить, какъ это мнѣ пріятно; но вотъ бѣда: у васъ, подъ вашу игру я считалъ цифры—смертности и рождаемости [1]) теперь при нѣкоторыхъ пассажахъ тѣ-же цифры лѣзутъ въ голову и мѣшаютъ заниматься фразами.

Въ Прагѣ я не останусь уже долго — какой нибудь мѣсяцъ не болѣе. Въ Вѣнѣ то-же не думаю остаться долго. Спѣшу на югъ. Въ Прагу уже не пишите, пишите въ Agram (in Ungarn; Agramer Comitat in Croatien), Herrn Doctor Ljudewit Gaj, a was prošu peredat'. Какъ пойдутъ мои дѣла, буду писать. Деньги на полгода получилъ вчера; а то было приходилось хоть занимать: оставалось не болѣе 150 рублей.

Ваши письма тоже получилъ. Буду мало по малу отвѣчать на нихъ— съ слѣдующаго письма. Теперь только, прося васъ передать мою искреннюю благодарность Марьи Ѳедоровнѣ [2]) и д. Фанни, скажу, что Альберту [3]) въ Россіи несравненно лучше, нежели тутъ: тамъ онъ только будь прилеженъ, а тутъ главное дѣло деньги. Что-же до процентовъ, то тутъ даютъ 6, 10 и даже болѣе; но подъ залогъ съ процентами менѣе 6 законъ не велитъ, а безъ залога очень опасно. Какъ въ Сѣв. Германіи, не знаю.

Цѣлую ручку вашу. Поцѣлуйте за меня брата, если онъ уже у васъ.

Срз.

XLIII [4]).

№ 30. 2 Ноября. Пирна.

Хочется немного прогуляться по Саксонской Швейцаріи,—и вотъ почему я здѣсь. Хотѣлъ было ѣхать до Шандау, и оттуда уже начать странствіе пѣшкомъ; но вчера забылъ записаться, а сегодня не засталъ уже мѣста. И такъ до Пирны. Это все равно, только планъ другой. Буду вести журналъ моего странствія,—въ письмѣ къ Вамъ; а когда, Богъ дастъ, ворочусь, перечтемъ его, и я доскажу, чего не запишу здѣсь.

Я пообѣдалъ, напьюсь кофе,—и въ путь. Проводникъ уже есть и кажется порядочный человѣкъ. Пирна—городъ съ 5000 жителей, мило расположенный на лѣв. берегу Эльбы. Пирна—имя Славянское, въ чемъ согласны сами Нѣмцы. Подлѣ самаго города къ востоку лежитъ Зонненштеинъ—замокъ

[1]) И. И. Срезневскій въ то время читалъ въ Харьковскомъ университетѣ статистику.

[2]) М. Ѳ. Питра.

[3]) Альбертъ Самуиловичъ Питра, впослѣдствіе профессоръ Харьковскаго университета.

[4]) Судя по предыдущему письму, это письмо не было послано Е. И. Срезневской, хотя и является важнымъ дополненіемъ путеваго дневника; считаю поэтому не лишнимъ включить его въ печатающееся собраніе писемъ.



на горѣ, болѣе красивый на картинкѣ, нежели въ природѣ. Теперь въ немъ домъ сумасшедшихъ, а прежде былъ онъ крѣпостью и темницей для государственныхъ преступниковъ. Въ 1705—7 содержался тутъ и несчастный Паткуль.

Bastey.

Переправившись на челнокѣ черезъ Эльбу, мы вошли въ деревню Пусту. Долина за деревней носитъ то-же названіе—жалкій остатокъ бывалой жизни Славянъ въ этихъ мѣстахъ. Ни деревня впрочемъ, ни долина вовсе не занимательны, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ ожидаешь многаго. «Позвольте васъ спросить—сказалъ мнѣ проводникъ: хотите-ли вы сегодня ночевать на Bastey, или далѣе»?—Да, да, на Bastey.—«Такъ не угодно ли вамъ ein Umweg machen, посѣтить Либеталь и нашъ Ломенъ?» А вы изъ Ломена? «Да, и мнѣ бы хотѣлось переодѣться въ дорожнее наше, проводничье платье: мы успѣемъ все сдѣлать, увидимъ и Liebethalergrund, и Ломенскій замокъ, и Ottowaltegrund съ его частями, и Bastey».—Очень хорошо. «Ну, такъ пойдемте на лѣво, мимо ступни великана». И мы поднялись на гору. Эта ступень великана—углубленіе въ камнѣ, напоминающее о ногѣ. «Была такая же и на той сторонѣ долины, но ломающіе камень и ее раздробили». Горою пошли мы далѣе. и черезъ полчаса были у Liebethal, то есть: Либеталь лежитъ на правомъ берегу рѣчки Везеницъ (опять Славянское названіе), а мы были на лѣвомъ, и далѣе спустились къ Lochmühle. Я только что хотѣлъ сказать «да тутъ нѣтъ ничего особеннаго», какъ смотрю: скалы сперлись, рѣчка безъ береговъ гремитъ между ними. Нельзя-ли сверху взглянуть на эту дичь? «О да! Пойдемте къ мосту». Пошли,—и въ самомъ дѣлѣ было чѣмъ любоваться.—Отсюда Ломенъ въ 1/4 часа. Предлинная деревня. Проводникъ мой пошелъ переодѣваться, а я на такъ называемый альтанъ, примкнутый къ старому замку, построенному па скалѣ, стѣною спустившемуся къ Везеницу. «А знаете, что тутъ было?» спросила меня старушка, отворившая мнѣ альтанъ. А что? «Да вонъ читайте надпись. Былъ у старова господина слуга, Hausknecht; вотъ и пришелъ онъ сюда, а рѣшетки-то въ то время не было. Сѣлъ да и сидитъ; а потомъ и уснулъ. А потомъ вздумалось ему, что онъ у себя, у своей постели; раздѣлся да хотѣлъ видно спать лечь. Кровать-то его стояла вотъ-такъ, на право отъ скамейки. Онъ на право, перевалилъ ногу, другую, да и бухъ. Іисусъ, Марія! Вѣдь спасъ же его Богъ: упалъ въ Везеницъ, ногу расшибъ, а живъ остался». Проводникъ не замедлилъ явиться, переодѣтый, съ мѣднымъ Nomъ на лѣвой рукѣ, съ кожаной котомкой черезъ плечо, гдѣ улеглись пара моихъ дорожныхъ вещицъ, и мы отправились къ Ottowaldegrund. Дорога до него не занимательна, но и не продолжительна—полчаса, что-ли. Мы спустились

въ него по каменной лестницѣ въ 144 ступени,—и остались какъ въ пещерѣ: только клочокъ неба видѣнъ сверху, по бокамъ скалы, поросшія пихтами и соснами, покрытыя мохомъ, разузоренныя различными травами, вырывающимися изъ разсѣлинъ. Въ иныхъ мѣстахъ скалы противолежащія такъ близко сошлись, что дровосѣки перекладываютъ мостики черезъ нихъ, и по нимъ перевозятъ дрова. Очень хорошо, и особенно хорошо теперь, осенью, когда листья такъ разноцвѣтно-одноцвѣтны, такъ пестро буры, какъ разъ подъ цвѣтъ скалъ. Очень многія мѣста имѣютъ особенныя названія: есть тутъ «каменный домикъ», построенный природою изъ массивныхъ плитъ; есть тутъ «чертова кухня», пещерка съ трубою, идущею вверхъ сквозь скалы; есть тутъ «театръ»; есть «зонтикъ»; есть «зала». Дорожка идетъ у потока, то по сю, то по ту сторону его; виды на каждомъ шагу. Гигантскаго ничего нѣтъ; но мило. Изъ Оттовальдегрунда мы завернули въ Гѣлегрундъ, стали подниматься мало по малу на гору, поднялись и черезъ четверть часа были на Bastey. Пошли къ рѣшеткѣ, къ тому мѣсту, откуда обыкновенно любуются видомъ; но уже ничего не видно: Эльба лентою вьется, горы сѣрѣютъ кругомъ, да и только. До завтра. Въ гостинницѣ мнѣ отвели комнатку, гдѣ я поужиналъ и пишу. Завтра рано встану и осмотрю; а теперь, хоть и не болѣе какъ 9, да на постель: въ комнаткѣ моей холодно, да и спать хочется. Проводникъ мой пошелъ между тѣмъ домой въ Ломенъ и обѣщалъ воротиться завтра къ 8-ми. Прощайте.

3-е Ноября. Bastey.

Хоть нѣсколько словъ, пока допью послѣднюю чашку кофе. Проводникъ пришелъ раньше обѣщаннаго, я одѣлся,—и мы пошли осматривать Bastey съ ея частями. Отъ гостинницы, построенной въ Швейцарскомъ вкусѣ и такъ, что двумя нижними ярусами она совершенно примкнула къ горѣ и только третьимъ поднялась надъ нею, мы пошли на лѣво. Желѣзная рѣшетка вьется на два вершка отъ обрыва скалы: опершись на нее, можно видѣть прямо подъ собою Эльбу, и обрывъ главный имѣетъ почти такую форму (см. рис.), и вышиною чуть ли не 300 футовъ. Эльба какъ лента; тропинки, тянущіяся по луговымъ берегамъ, словно ниточки; а кругомъ горы, то покрытыя лѣсомъ, то сѣро-голубыя поднимаются со всѣхъ сторонъ, до половины довольно круто, а потомъ обрывами. Виды тянутся къ Богеміи и къ Дрездену. Превосходно; это не



описывать, а видѣть нужно. Потомъ разными изворотами по ступенькамъ, черезъ мостики и т. п. спустились мы къ т. наз. Verbindungs-Brüke, мосту, прекрасно сдѣланному вновь по остаткамъ стариннаго. Отсюда видъ еще красивѣе, потому что видишь и Bastey, и глядишь на виды изъ за скалъ столбами поднимающихся надъ головою. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Можно часъ описывать и все не опишешь. Надобно видѣть. И я очень радъ, что вижу это осенью: хвойная зелень зеленѣетъ, а всѣ другія деревья уже то желты, то красны. то голы, луга совершенно бархатно зелены, и туманъ легокъ какъ дымка, какъ паутина. Ну, пойду далѣе.

Гонштеинъ.

Утренній нашъ переходъ конченъ. Онъ не представилъ ничего подобнаго Bastey, впрочемъ многое было, чѣмъ любоваться. Горы чудныхъ формъ около Bastey, Ziegenrücke, Наполеонова липа, груды скалъ, называемыя Гокштеиномъ, долина, по которой протекаетъ Поленцъ, и самъ Гонштеинъ. Тутъ я осматривалъ и старый замокъ, и съ башни любовался видомъ.

Шандау.

Изъ Шандау до Гонштеина почти также далеко, какъ Bastey, а между тѣмъ еще свѣтло. Бравской переходъ. Я посѣтилъ и два старыя городища: и тутъ есть они, и называются то Вендскими, то Шведскими. Далѣе Brandt, напомнившій мнѣ Бастей. Видъ даже лучше, огромнѣе, разнообразнѣе. Эльба какъ лента видна изъ за горъ, и кругомъ горы. Лѣтомъ тутъ можно пить прекрасный кофе; теперь все уже пусто. Спустившись въ долину, мы пошли ею по потоку къ Эльбѣ. Очаровательныя мѣста.—Кое-гдѣ встрѣчались домики. Архитектура ихъ совершенно такая, какъ въ Лужицахъ. Проводникъ мнѣ сказалъ, что это всей Саксонской Швейцаріи. Въ Чехіи, я знаю, тоже такая. Бѣдный слѣдъ Славянства.

Подъ вечеръ ходилъ изъ Шандау на гору Остpay (точно—Острую). Съ нея прекрасный видъ на Эльбу. Одно мѣсто на ней напоминаетъ о Вендскомъ королѣ: за нимъ гнались разбойники, а онъ бѣжалъ, хотѣлъ перескочить съ камня на камень, не смогъ перескочить, и упалъ—мертвый.

Но какое гадкое перо! Сколько ни чиню, нейдетъ. Просилъ, чтобъ принесли свѣжее, не несутъ. Придется не писать.—Сяду у окна и буду смотрѣть, какъ играютъ дѣти.

Въ Шандау, говорятъ, живетъ какой-то Русскій Генералъ—и уже нѣсколько лѣтъ.

Ноября 4-е.

Въ 6 часовъ пришелъ Гаускнехтъ за сапогами и платьемъ, въ половинѣ 7-го мэдхенъ принесла кофе, въ 7 я былъ одѣтъ, готовъ, расплатился (за комнату, вчерашній вечерній чай съ хлѣбомъ и масломъ и сегодняшній кофе—16 грош.),—и въ путь.—Тепло, но вѣтеръ; небо то ясно, то сѣро.—Путь нашъ лежалъ на востокъ по долинѣ, узкой, обставленной живописными громадами скалъ, вверхъ по теченію Кирнича. Скоро дошли мы до такъ назыв. Bad, дома съ минеральными купальнями и гостинницы вмѣстѣ. Здѣшняя минеральная вода извѣстна была еще въ прошломъ вѣкѣ; въ 1803 нашли новый источникъ, изслѣдовали, прославили—и теперь лѣтній путешественникъ можетъ въ Саксонской Швейцаріи не только любоваться природою, но и лѣчиться. Купальни чисты, хозяинъ услужливъ, есть и танцовальная зала, и бильярдъ.—За Bad'омъ долина суживается, горы становятся выше, красивѣе,—идешь, задирая голову, то направо, то налѣво. Сначала проходишь Ostraumühle; потомъ видишь на право красивый Kroatenstein; потомъ проходишь мимо Mittelndorfermühle, которая лѣтомъ должна красиво рисоваться изъ за яблонь и грушъ, ее окружающихъ; за нею встрѣчаешь слѣды рудокопень, въ которыхъ до 30-лѣтней войны вырабатывали мѣдь; немного далѣе долина опять расширяется лугомъ, и потомъ между двухъ скалъ видишь дикую, черную, заросшую лѣсомъ Kroatenslüchte (не только тутъ, но и въ другихъ мѣстахъ Саксонской Швейцаріи имя Кроатовъ попадается, иногда вновь придѣланное, иногда и изстари извѣстное); далѣе идешь мимо обломковъ скалъ, черезъ которыя переливается водопадомъ Beuthenwasser, и селяне предлагаютъ спустить воду, чтобы показать водопадъ во всей красѣ; далѣе проходишь сквозь разсѣлину скалъ, ничтожную въ сравненіи съ Моравскими, но для Сакс. Швейцаріи все-таки годную,—и скоро доходишь до Heidemühle, уютно приклонившуюся подъ красивымъ обрывомъ скалы, наз. Heidemadstein; отъ Bad'а досюда часъ пути, и можно идти по шоссе, узкомъ, но очень покойномъ. Далѣе проходишь мимо Лихтенгейнскаго водопада, годнаго для картинки, заворачиваешь направо, поднимаешся въ лѣсъ на гору,—и, когда уже не ждешь ничего кромѣ темнаго лѣса, вѣчно зеленыхъ, вѣчно красивыхъ пихтъ, внезапно раскрывается передъ глазами сквозная пещера, извѣстная подъ именемъ коровьяго хлева—Kuhstall. Около 30 шаговъ шириною, около 20 вышиною, она хороша какъ бесѣдка въ паркѣ такого размѣра, какова Сакс. Швейцарія, но какъ произведеніе природы, кажется, не заслуживаетъ излишнихъ восклицаній. Видъ изъ нея лучше ея, а преданія, если-бы онѣ были расказаны художникомъ, были-бы еще лучше. Преданій множество. Всѣ, или почти всѣ относятся ко времени войнъ за вѣру и къ безвременному времени

разбойничьихъ проказъ,--и каждый уголокъ напоминаетъ о чемъ-нибудь занимательномъ. Говорятъ, напр., что на горѣ надъ пещерою, куда можно забраться по довольно покойной лѣстницѣ, продѣланной въ разщелинѣ скалы, стоялъ замокъ «Neu Wildenstein», и владѣлецъ его, какой-то грозный баронъ, былъ страшилищемъ для окрестныхъ жителей. Задумали они отомстить ему, и придумали сказочное дѣло: однажды когда баронъ выѣхалъ изъ замка куда-то далеко и на долго, жители всѣ, сколько ихъ было, пришли въ замокъ, давай его ломать, разломали до основанія, сбросили все сломанное съ горы въ пропасть, лежащую подъ нею, и хворостомъ и разной дрянью покрыли мѣсто; самую дорогу, ведшую къ замку, завалили, а другую провели въ чащу лѣса. Ну, баронъ пріѣхалъ, искалъ, искалъ своего замка, не нашелъ и поѣхалъ назадъ, увѣренный, что это дѣло рукъ дьявольскихъ. Еще болѣе увѣрился онъ въ этомъ, когда, ворочаясь, слышалъ раздающееся по лѣсу и повторяемое эхомъ дикое ха-ха-ха: онъ крестился и молился, и спѣшилъ на чемъ свѣтъ стоитъ прочь да подалѣе отъ этихъ чудесъ. Я не знаю только, какъ могъ тутъ помѣститься замокъ: мѣсто небольшое; а впрочемъ есть примѣты, что тутъ жили люди: есть еще колодецъ, попадается кирпичь, видны въ самой скалѣ остатки старой работы. Направо отъ Kuhstall есть пещерка съ окошечкомъ въ пропасть, называемая Pfaffenklunst—и вотъ почему. Лихтенгайнскій попъ не хотѣлъ измѣнить католицизму, не внималъ убѣжденіямъ протестантовъ; а было это въ XV что-ли вѣкѣ, — и скрылся въ этихъ мѣстахъ въ одной пещеркѣ, называемой Pfaffenloch. Враги его однако нашли его и тутъ, перебросили въ Pfaffenklunst, да и вышвырнули въ пропасть сквозь окошко, или, какъ говорятъ другіе, оставили его умерѣть голодною смертію, заваливши камнями входъ въ пещерку. Недалеко отъ этой пещерки есть другая, и теперь не для всякаго доступная: называется Schneiderloch, по имени Шнейдера, атамана разбойничьей шайки, имѣвшаго въ ней свой кабинетъ. Съ другой стороны Коровни есть пещера, защищенная довольно порядочно отъ вѣтра и называемая Wochenbett: она была, какъ говоритъ преданіе, спальнею для какой-то знаменитой родильницы, спасавшейся тутъ во время войнъ за вѣру. Она умерла, а ребенокъ, выросши, былъ страшнымъ гонителемъ враговъ матери. И пр. и пр. Самое имя Kuhstall относится къ этимъ временамъ. Разсказывающіе преданія эти разногласятъ между собою только въ томъ, что касается до обитателей этихъ мѣстъ: одни говорятъ, что тутъ скрывались католики отъ протестантовъ, а по словамъ другихъ протестанты отъ католиковъ. Изъ одной изъ пещерокъ я снялъ видъ окрестныхъ скалъ, изъ за которыхъ вдали видѣнъ Лиліенштеинъ, и потомъ сквозь разсѣлину между скалами и далѣе по довольно крутой, хотя впрочемъ покойной, дорожкѣ спустился въ Habichsgrund, надъ которымъ скалы Kuhstall'и поднимаются на 500 футовъ, если не болѣе.

Направленіе нашего пути здѣсь перемѣнилось: мы пошли на югъ. И шли сначала по лѣсистой долинѣ, потомъ все выше и выше, все лѣсомъ, па kleine Winterberg. Дорожка прекрасная, какъ дорожка очень покойна, но отъ самой подошвы до самого верху горы очень крутая: я хоть и взошелъ на самую гору безъ отдыха, однако, пришедши къ такъ наз. Jägerhaus'у, легъ, разлегся. Я еще такъ не уставалъ никогда. И стоило же взбираться! видъ правда хорошъ, но такихъ видовъ я видѣлъ уже много. Я снялъ видъ на Kuhstall, и выслушалъ слѣд. преданіе:—Домикъ стоитъ на обрывѣ. Курфирстъ Августъ въ 1558 году гонялся тутъ за оленемъ. Олень, преслѣдуемый на горѣ собаками, добѣжалъ до того мѣста, гдѣ теперь домикъ; а курфирстъ стоялъ подъ обрывомъ ниже и то-же надъ обрывомъ въ долину. Оленю оставалось одно:—броситься съ обрыва на курфирста и повалить его съ собою въ пропасть. «Или обоимъ, или одному», сказалъ курфирстъ,—выстрѣлилъ, и олень легъ на мѣстѣ. Сынъ Августа Христіанъ построилъ тутъ домикъ, поставивши на кровлѣ его скелетъ оленя. Въ 1818 построили новый съ Латинскою и Нѣмецкою надписью, напоминающей о смерти оленя и спасеніи курфирста. Я впрочемъ надписи не прочелъ.—На klein Winterberg уже видѣнъ базальтъ. По пути съ нея на grosse Winterberg тоже. На gr. Winterberg уже въ большомъ размѣрѣ. Хоть эта гора 1710 футовъ вышиною, но всходъ очень легокъ. На горѣ есть нѣсколько домиковъ для прихожихъ и строится большая гостинница съ башнею. Я взлѣзалъ на башню, но видомъ любоваться не могъ, потому что вѣтеръ слишкомъ пронзителенъ и силенъ. А видъ долженъ быть очень хорошъ,—видъ на Эльбу до Лиліенштеина и далѣе къ Дрездену и за Дрезденъ, а съ другой стороны видъ на Богемію къ Течину и далѣе. За то я тутъ прекрасно пообѣдалъ: супъ былъ на чудо, а кусокъ жареной кабанины заставилъ меня запить себя двумя рюмками горькой водки (что и стоило 8 грошей). Тутъ продаютъ различныя вещи изъ Богемскаго стекла и хрусталя съ видами Сакс. Швейцаріи. Лѣтомъ приходятъ сюда изъ Богеміи музыканты и пѣвцы и увеселяютъ публику. Гора вся покрыта лѣсомъ и не хвойнымъ, а потому вся завалена опавшимъ листьемъ; идешь и нехотя играешь предивный концертъ. Проводникъ мой, обращающій мое вниманіе на все романическое, замѣтилъ и романичность этого, не замѣчая того, что романистъ-проводникъ всего романичнѣе. Онъ уже надоѣлъ своими романическими напоминаніями: на какую скалу ни взглянетъ, видитъ или носъ, или ухо, или цѣлую голову какого нибудь животнаго, иногда цѣлаго быка или кабана, или замокъ, и приправляетъ все это сладкозвучнымъ носовымъ «гхе-гхе». Такого человѣка можно сравнить со скалою унизанную надписями перебывавшихъ подлѣ нея странниковъ: разница только та, что скала вѣрно сохраняетъ надписи и даетъ понятіе о писавшихъ, сама оставаясь неизмѣнною; у человѣка же такого умъ

превращается въ уксусъ этихъ надписей, вонючій и кис.ый какъ это «гхе-гхе»!. Кстати: и Kuhstall покрыта тысячами надписей, между которыми есть преудивительныя. Напр: «Природа! я твой сынъ и—прости—любовникъ!» Этотъ сынъ природы, конечно, родился или воспитывался in einer Kuhstall.

— Здравствуй, здравствуй, Богемія! правда еще Богемія, а не Чехія, но всетаки здравствуй. О, я знаю красоты твоей природы—и надѣюсь.—Я надѣялся не напрасно. Сошедши съ gros. Winterberg, мы завернули на юго-востокъ, пошли по границѣ лѣсомъ, лѣсомъ долго пустымъ то съ горы, то на гору,—и вотъ онъ сталъ просвѣчивать, вотъ показались скамейки подъ деревьями, вотъ показалась закраина надъ пропастью... Богемія показалась передо мною очаровательнымъ ландшафтомъ. Подъ ногами пропасть, густо заросшая пихтами, отвсюду поднимаются скалы, однѣ изъ за другихъ, группами, рядами, столбами, стѣнами, изъ за нихъ видны луга, поля, деревни, холмы, и скалы, и далѣе поднимается прелестный Розембергъ какъ гигантская могила, покрытый лѣсами, оттѣняя собою далекую даль; а на право смѣлою рукою природы перекинутый сводъ Пребиштора. Этотъ видъ надъ Пребишгрундомъ. Видъ со скалы надъ Пребишторомъ и другой скалы, соединяющейся съ нею подъ прямымъ угломъ еще богаче: кажется, летишь на воздушномъ шарѣ, такъ видъ открытъ; Розембергъ уже въ сторонѣ, на лѣво, и отъ него на право развертываются горы за горами, долины за долинами до Лиліенштейна, а отъ Эльбы видны только вершки побережныхъ скалъ. Ходить по этимъ скаламъ очень покойно: всюду закраины, на которыя, глядя подъ себя, можно безъ страха опереться, а гдѣ скалы разорвались, тамъ перекинуты мостики, гдѣ круто, продѣланы ступеньки. Къ Пребиштору спускаешься по лестницѣ. Пребишторъ, вышиною до 65, шириною до 80 футовъ, и точно изумителенъ, смѣлъ. Всѣ стѣны, всѣ уголки въ немъ испещрены надписями,—и право стоитъ повторить знакомому и незнакомому: «и я былъ тутъ». Подъ скалою домикъ, гдѣ лѣтомъ можно достать все что угодно для желудка, который не насыщается видами. Вообще въ Саксонской Швейцаріи этихъ гостинницъ много всюду; но теперь онѣ пусты. Налюбовавшись, мы спустились въ долину, и прямо къ Эльбѣ—вдоль по потоку Геернскреченскому (Горшанскому). Долина узкая, обставленная громадами скалъ, потокъ быстрый,—глушь—и тутъ-же человѣческая дѣятельность:—безпрестанно мельницы, набережныя, домики, люди, будто подлѣ большого города. Въ Гернскреченѣ я напился кофе,—и вдоль по берегу Эльбы пошелъ въ Шандау. Тропинка очень покойна, только подходя къ Шандау, вьется между каменоломень; но за то, что за виды! Вечерѣло, Лильгенштеинъ и окрестныя горы сѣдѣли радужною мглою, побережныя горы направо отражали солнце, на лѣво, покрытыя лѣсомъ чернѣли... И прочая. Выражая словами впечатлѣнія, произведенныя природою,

пародируешь и ее и себя; и потому лучше замолчу.—Наконецъ я въ Шандау—опять.

Половина 10-го.

Только что воротился изъ концерта. Дивный концертъ. Вечеромъ, часу въ 7-мъ, когда я только что хотѣлъ сѣсть за письмо, приходитъ мой проводникъ, и подавая мнѣ афишку говоритъ ученымъ тономъ: читайте. Читаю: «Die Geschwiester Gredler, Тирольцы, дадутъ National Concert, въ 3-хъ отдѣленіяхъ, и пр. Цѣну 1 мѣсту 4 гроша. Начало въ половинѣ 8-го». Прекрасно, иду. «Пожалуйста достаньте билетъ».—И въ началѣ 8-го я пошелъ. Пришелъ—никого нѣтъ, ни души. Воротился. Въ 3/4 восьмаго опять пришелъ: двѣ души. Только въ половинѣ 9-го собралась достопочтенная публика. Чужой былъ я одинъ. Можете представить, какъ на меня глазѣли... Передъ 36 стульями, поставленными въ 3 ряда, поставили столъ длинный и передъ нимъ короткій, на этомъ короткомъ угораздили другой короткій, а на длинномъ два стула. Комната была освѣщена 6-ю сальными свѣчами. Пришли братъ съ сестрою, влезли, сѣли, начали—и кончили. Было и интро(ду)ціоне на цитрѣ, были и народныя пѣсни, былъ даже Maultrommelconcert на 12 варганахъ, перебираемыхъ попарно. Публика была очень довольна... Въ продолженіе концерта она курила и пила пиво. Остался и я доволенъ, насмотрѣвшись на Шандаускую публику.

Шандау, городъ маленькій, съ одной стороны уперся въ горы, съ другой прилегъ къ Эльбѣ. На картинку—оченъ хорошъ.

Ноября 5-е. Пирна.

Ворочаюсь въ Дрезденъ. Изъ Шандау сюда пріѣхалъ. Дорога по лѣвому берегу Эльбы—очень мила. Проѣзжали мимо Кёнигсштеина (гора и знаменитый замокъ—крѣпость).—Теперь жду пока запрягутъ лошадей—и въ Дрезденъ.—Тамъ останусь не долго. Можетъ быть даже завтра—въ Прагу, т. е. опять въ Пирну, и потомъ не на лѣво, а на право.—

Прага. Декабря 15-е.

Я получилъ Ваше письмо за № 11. Тутъ же письмо Метлинскаго съ приписками Костомарова и Рославскаго.

И Вы, милая Маменька, и доброй Амвросій, хлопочите о моемъ здоровьи. Правда, что я не быкъ; но, благодаря Бога, не могу пожаловаться. Еще Вы пишете. что меня могутъ назвать хвастуномъ. Мнѣ и въ голову не приходило никогда считать чѣмъ-нибудь особенно важнымъ мое пѣшеходство. Это моя страсть, а страстью не хвастаются. Я забылъ, какъ выразился въ письмѣ къ Краевскому, и жалѣю если могу подать поводъ людямъ смѣяться надъ тѣмъ,

что мнѣ вовсе не кажется смѣшнымъ [1]).—Еще вы пишете объ отсрочкѣ моего путешествія, позволяете мнѣ просить ее, и прибавляете слова Амвросія, что я могу пополнить и дома, чего не пріобрѣту на пути. Нѣтъ, это не возможно. Тутъ могу и похвастаться: теперь не Шафарикъ мнѣ, а я Шафарику поправляю карты Чехіи, Моравіи, Силезіи, Лужицъ, а Лужичанинъ Іорданъ, составляющій Лужицкій словарь, приходитъ ко мнѣ списывать изъ моего словаря слова. Безъ личнаго посѣщенія всѣхъ земель Славянскихъ, я не буду преподавателемъ, какимъ бы хотѣлъ быть. На другихъ плоха надежда. Книгами я занимаюсь только рѣдкими. Словомъ: воротившись я могу привести въ лучшій порядокъ собранное, но новаго уже не достану. А мнѣ остается цѣлая Иллирія, Венгрія, Галиція, Польша. Ужасно. Теперь заниматься началъ по Венгерски; для путешествія по Венгріи это необходимо.

Амвросій писалъ мнѣ о планѣ журнала [2]). Если онъ будетъ отъ Университета, то литература беллетристическая должна быть выброшена. Самая критика не можетъ быть ни смѣла ни игрива. Если бы можно было издавать не отъ Университета, а съ пособіемъ Университета, какъ издавалъ Склабовскій [3]). Хлопочи о цензурѣ.—Ворочусь, поговоримъ подробнѣе, и затѣмъ. Ахъ, если бы я только могъ собрать и о другихъ Славянахъ столько, сколько собралъ о тѣхъ, которыхъ посѣтилъ. Въ Прагу изъ Дрездена я привезъ 65 фунтовъ бумагъ; матеріаловъ уже есть года на два.—Николаю Иван., Александр. Петровичу, Сем. Семен. [4]) и т. д. поклонъ.

Цѣлую васъ. Прощайте. Срз.

---

[1]) Письмо И. И. Срезневскаго, напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., т. XII, смѣсь, стр. 20—23; въ этомъ письмѣ трудно найти что-нибудь подобное хвастовству; Е. И. С—ая скорѣе только боялась, чтобы другіе не заподозрили ея сына въ хвастовствѣ, чѣмъ сама видѣла въ письмѣ этотъ недостатокъ.

[2]) Эти строки—отвѣтъ на письмо А. Л. Метлинскаго отъ 31 окт. 1840 г.; въ немъ Метлинскій пишетъ: «Недавно пригласилъ меня князь Цертелевъ (помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа) и говорилъ о довольно важныхъ предположеніяхъ—журналѣ при университетѣ, обществѣ литературномъ изъ студентовъ, собраніяхъ студентовъ для чтенія сочиненій... Все это очень хорошо, но для дѣла надобно рукъ и головъ побольше. Журналъ, затѣя большая и, признаюсь, страшная! Если и выхлопотать позволеніе, то безъ пособія университета можно сѣсть на первой книжкѣ... Не осрамимся ли этимъ? Смѣты, расходы, приходы—это самая отвратительная часть человѣческой дѣятельности — и я даже своихъ не умѣлъ свести. Еслибъ эту часть можно отдѣлить? Дѣло за горами; но однако жъ ему хочется программы. Напиши свое мнѣніе. Мнѣ кажется, кромѣ ученыхъ статей, какъ въ Запискахъ Московскаго университета, надобно непремѣнно литературу... Но гдѣ взять? Еще 3-й отдѣлъ—матеріалы мѣстности и народности округа, и запасу для нихъ требовать отъ гимназій учителей etc.»

[3]) Здѣсь идетъ рѣчь объ «Украинскомъ Журналѣ», издававшемся въ 1824 и 1825 гг. отъ Харьковскаго университета; это одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени.

[4]) Н. И. Костомаровъ, А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновичъ.

ОТДѢЛЪ II.

О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи.

Въ Олонецкой губерніи, точнѣе въ западной и сѣверо-западной ея части, происходитъ соприкосновеніе двухъ разнородныхъ элементовъ—русскаго и корельскаго. Оба эти народа находятся въ самомъ близкомъ другъ къ другу отношеніи. Живутъ нерѣдко въ однихъ селахъ (напр. въ с. Ялгубѣ, Петрозаводскаго уѣзда, половину народонаселенія составляютъ русскіе, а другую кореляки), роднятся посредствомъ браковъ, угощаются, не говоря уже объ обычныхъ международныхъ отношеніяхъ. Результатомъ такого близкаго общенія является то обстоятельство, что какъ русскіе, такъ и кореляки многое перенимаютъ и заимствуютъ другъ отъ друга, начиная отъ языка и обычаевъ и кончая покроемъ одежды.

Языкъ, вообще, сильнѣе всего испытываетъ чужеземное вліяніе; онъ, какъ самый чувствительный приборъ, до мельчайшихъ подробностей можетъ отражать на себѣ это вліяніе, показывать его силу и степень, а потому и въ данномъ случаѣ вліяніе двухъ народностей—корельской и русской прежде всего сказывается во взаимномъ вліяніи ихъ на языки. Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ русскій, какъ языкъ народа, болѣе образованнаго, создавшаго свою культуру, достигшаго извѣстной степени цивилизаціи, по степени вліянія занимаетъ первое мѣсто. И это тѣмъ удобнѣе могло случиться, потому, что кореляки въ пору своего подчиненія русскому вліянію, были народомъ очень мало развитымъ, почти дикимъ, а потому, перенимая отъ русскихъ готовыя понятія, новыя, дотолѣ имъ невѣдомыя представленія, должны были заимствовать и самыя слова для обозначенія ихъ. Этимъ и объясняется существованіе въ корельскомъ языкѣ массы словъ чисто русскаго происхожденія. Слова русскія, перешедшія въ лексиконъ кореляковъ, очень мало терпятъ измѣненій. Только, по особому свойству языка корельскаго, удареніе на нихъ переносится на первый слогъ (если только оно въ употребленіи у русскихъ не стояло тамъ), и нѣсколько измѣняется окончаніе: напр., русск. слово «стеклò» у кореляковъ произносится «стѐкле» или «стѐклу», самовáръ»—«сáмоваре» или «сáмовару»... Но не въ заимствованіи только словъ оказывается вліяніе русскаго языка на корельскій, оно обнаруживается и въ самомъ построеніи, конструкціи корельской рѣчи. Въ корельскомъ языкѣ словорасположеніе и зависимость между словами точно такая же, какъ и въ языкѣ русскомъ: подлежащее стоитъ на первомъ мѣстѣ, потомъ сказуемое и потомъ уже дополненіе; слово опредѣляющее всегда ставится ранѣе своего опредѣляемаго (я разумѣю рѣчь, безъ логическихъ удареній), глаголъ всегда непремѣнно требуетъ того самаго падежа, какого и въ языкѣ русскомъ. Для примѣра можно взять такое предложеніе: по русск.—моя мать была хорошая женщина; она любила меня и приготовляла мнѣ всю, какая только была необходима для меня, одежду; по корельски

эта же фраза будетъ такъ: минунъ (моя) муамо (мать) оли (была) лювя (хорошая) инегмине (женщина); пяйнъ (она) сувайхи (любила) минудъ (меня) и валмиштели (приготовляла) минуле (мнѣ) кай (всю), кудамадъ вой пиди (какая только была необходима), собатъ (одежду). Вообще, коротко сказать, вліяніе языка русскаго на корельскій очень велико. Но подробнѣе распространяться объ этомъ вліяніи—не входитъ въ задачи нашей статьи. Если же нами и дѣлается въ нѣкоторой степени отступленіе отъ поставленной темы, такъ только въ тѣхъ видахъ, чтобы далѣе, говоря о вліяніи исключительно языка корельскаго на русскій, языка слабѣйшаго на болѣе сильный, не показаться слишкомъ одностороннимъ (тенденціознымъ), опускающимъ изъ виду главное и говорящимъ о второстепенномъ: «слона то и не примѣтилъ»...

Вліяніе языка корельскаго на русскій главнымъ и почти исключительнымъ образомъ сказывается въ томъ, что русскіе Олонецкой губ. употребляютъ въ своей рѣчи множество словъ корельскаго корня. Какимъ образомъ и почему русскіе заимствовали тѣ или другія слова (соотвѣтствующія которымъ есть и въ русскомъ яз.) изъ корельскаго языка—рѣшить я не берусь. Я отмѣчаю только тотъ фактъ, что рѣчь русскаго олончанина пересыпается массой корельскихъ словъ. Не говоря уже о деревенскихъ жителяхъ, даже и Петрозаводскіе мѣщане, народъ, по всей вѣроятности, пришлый, говорящій съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ на *а*, вмѣсто *о*, и большая часть чиновничества, которое не упускаетъ никогда случая посмѣяться надъ своеобразнымъ говоромъ кореляка, и тѣ употребляютъ въ своей рѣчи множество корельскихъ словъ, не подозрѣвая, что они происходятъ отъ корельскихъ корней. Мнѣ самому приходилось слышать изъ устъ чиновниковъ такія фразы: я цѣлую комшу набралъ ягодъ... А вехотка твоя хороша. Мы ходили въ ламбу удить рыбу. Сегодня я не кехтаю пристать за переписку бумагъ... и т. д. Природнаго олончанина не поражаетъ такая пестрота рѣчи; его ухо съ младенчества привыкло слушать эту смѣсь языковъ, но совсѣмъ другое впечатлѣніе она производитъ на пріѣзжаго, не олончанина; онъ часто становится въ тупикъ, приходитъ въ недоразумѣніе, не понимая многихъ словъ своихъ собесѣдниковъ, и въ концѣ концовъ, уѣзжая изъ Олонецкой губерніи, приходитъ къ тому заключенію, что у русскихъ олончанъ въ рѣчи очень много и много корельскаго. Я по возможности и постараюсь перечислить всѣ тѣ слова корельскаго корня, которыя употребляются русскими Олонецкой губерніи [1]).

Арандать—ворчать (старуха арандае). Въ корельскомъ языкѣ есть созвучный глаголъ «äристä», означающій тоже самое. Только онъ рѣдко употребляется въ смыслѣ ворчанья людей, а больше прилагается для обозначенія ворчанья собакъ (койру äризöвъ).

Арда—вѣшалка (см. у Барс). Это слово безъ измѣненій заимствовано изъ корельскаго яз., гдѣ «ардо» значитъ шестъ, на которомъ сушатъ неводъ, сѣти и бѣлье.

Бу̀гра—землянка рыбаковъ и полѣсовщиковъ. У кореляковъ употребляется слово «бу̀гри»; только первоначально оно значитъ—небольшой пологъ, устраиваемый надъ постелью въ лѣтнее время для защиты отъ мухъ, а потомъ уже—всякое укромное мѣсто, темное, тѣсное, гдѣ спятъ.

+ Бурайдать—ворчать (вѣчно старикъ бурайдае), происходитъ отъ корельскаго глагола «буриста», что значитъ также ворчать.

+ Верва—дратва; отъ корельск. «бирби» или «вирви»—сапожная дратва (можно, впрочемъ, сл. верва производить отъ славянск. вервь, вервье). Ветошка-мочалка, которой моютъ посуду или моются въ банѣ. Происходитъ отъ корельск. слова «вихко», что̀ значитъ также мочалка. Слово «вихко» употребляется и въ финскомъ яз. и означаетъ пучекъ соломы или сѣна.

Вычикурдывать—выдѣлывать губами трели, высвистывать. По всей вѣроятности представляетъ передѣлку корельск. глагола «вичэрдiä»—щебетать; прилагается почти исключительно для обозначенія щебетанія ласточекъ.

---

[1]) При перечисленіи словъ я руководился своими наблюденіями, словаремъ Барсова и словаремъ *Даля*.

+ **Ваньгать** или веньгать—хныкать, плакать, говорить нѣмо, вяло, медленно, невнятно, говорить жалобно;—отъ корельск. «вингуа»—свистѣть, завывать (о вѣтрѣ), пищать (о дѣтяхъ).

Вячандать, вячкать—говорить, болтать. Оба эти глагола, надо полагать, корельскаго происхожденія. Въ корельск. яз. есть глаголъ «вӓджистӓ» (звуки *дж* не вполнѣ передаютъ звукъ корельск. яз. Чтобы получить соотвѣтствующій звукъ, нужно привести части рта и языкъ въ такое положеніе, какое они имѣютъ при произнесеніи звука «ч» (червь), и потомъ стараться произнести звукъ «ж»—спорить, переругиваться, возражать, и вӓчкэӓ—болтать, говорить безъ умолку, повторять одно и тоже нѣсколько разъ.

Габукъ—ястребъ; это слово несомнѣнно корельскаго происхожденія. У кореляковъ ястребъ всегда и вездѣ называется «габукъ».

+ **Галить** и **галяндать**—смѣяться. Въ корельск. яз. есть глаголъ «гӓлистӓ—шумѣть, звенѣть, бренчать,—часто прилагается и къ смѣху, нестройной болтовнѣ.

Гарьюки—литки, могарычи; отъ корельск. «гарьюкатъ», что значитъ тоже самое. Корень корельск. «гарьюкатъ» происходитъ отъ «горье»—грива; и такое происхожденіе объясняется тѣмъ, что кореляки и до сихъ поръ большею частью пьютъ литки только при куплѣ и продажѣ лошадей.

Гурандать—тихо гремѣть вдали. Корельск. «гуриста»—означаетъ звукъ, производимый какимъ-нибудь катящимся предметомъ—колесомъ, шаромъ и т. п. Этотъ же глаголъ употребляется для обозначенія шума, производимаго текущей водой, напр., въ рѣкѣ, ручейкѣ и т. д.

Засяряндать — засѣменить, быть въ неловкомъ положеніи. Въ корельск. яз. есть глаголъ «сӓристӓ», означающій единственно дрожать, дрожать ли то отъ страха или отъ холода, безразлично.

Кава—колышекъ, тычекъ; происходитъ отъ однозначущаго корельскаго слова «куави»—колышекъ, забитый въ землю.

+ **Каландать**—издавать звуки, бренчать. Въ корельск. яз. есть слово «ка̀листа»,—означающій однако не всякій звукъ, но только происходящій отъ столкновенія двухъ небольшихъ предметовъ. Равнымъ образомъ, этотъ же глаголъ прилагается для обозначенія звона небольшихъ колокольчиковъ, напр. привязываемыхъ на шею домашнимъ животнымъ. Тоже происхожденіе, должно быть, имѣетъ и глаголъ киляндать—издавать тонкій звукъ.

Каржаки или **каршаки**—коты, сапоги безъ голенищъ,—отъ корельскаго—«каршутъ». Первое значеніе каршутъ, это—веревочки, завязки, посредствомъ которыхъ берестяные лапти привязываются къ ногамъ, а потомъ уже худые истоптанные лапти, рваные, истоптанные сапоги безъ голенищъ.

Карзать — обрубать сучья дерева; въ корельск. — «карзыэ» имѣетъ то же значеніе.

Каска — срубленный для пожоги лѣсъ, подсѣка; отъ корельскаго созвучнаго «каски», которое также значитъ выжженный участокъ.

Кеньги — сапоги. На языкѣ русскихъ слово «кеньги» означаетъ большіе, неуклюжіе сапоги, сшитые изъ бѣлой кожи, худо смазанные дегтемъ. Кореляки же «кенгатъ» называютъ всякую кожанную обувь.

Кердега—сѣть. По всей вѣроятности, это названіе происходитъ отъ корельск. глагола «кіердӓі»—сучить, скать нити; для сѣтей же всегда употребляются сканыя нити.

+ **Канабра**—растеніе богульникъ (ledum palustre). У кореляковъ словомъ «ка́набру» означается то же самое растеніе.

+ **Кережа**—брюханъ, обжора (ругательное слово). Кореляки употребляютъ слово «кережъ» также для обозначенія большаго желудка. Корень корельск. «кережъ»—«керя»—клубокъ, шаръ.

+ **Кехтать**—имѣть желаніе, охотиться (я сегодня не **кехтаю** ничего дѣлать). То же самое означаетъ и корельскій глаголъ «кіехтӓнъ»

Кирза—верхній слой земли. Кореляки словомъ «кирза» называютъ верхній слой

глинистой почвы, которая послѣ зимы, при первой весенней оттепели трескается (кирзоттой—трескаться) и образуетъ зыбкую, вязкую поверхность.

+ Кобра—горсть, отъ корельск. «кобра»—пригорошня, горсть (финск. «корча»).

Кокшать—копать (у Барс.). Въ корельск. есть глаголъ «куоккіэ», первое значеніе котораго разбивать на полѣ комки (предъ посѣвомъ), а потомъ и копать небольшую ямку.

Колкать—стучать задвижкою, запоромъ, щеколдой, стучаться въ двери; въ ворота отъ корельск. «колката» (по финск. kolcata)—хлопать.

+ Комша—корзина, сплетенная изъ бересты. Корельское «комшу» имѣетъ то же самое значеніе.

Корба — густой, высокій ельникъ. То же значеніе имѣетъ и корельское слово «корби».

Кубандать—почесать, поскоблить. Въ корельск. «кубайттоа» употребляется съ тѣмъ же значеніемъ.

Куекъ—гагара (у Барс). Кореляки гагару называютъ «гуйка» или «куйка».

Куккышъ-карангышъ—цвѣты дикой розы, отъ корельск. «кукойнъ-карангайне». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ол. губ. эти же самыя цвѣты называются «пѣтушками»; это названіе есть буквально переводъ корельскаго—«кукойнъ-карангайне».

Кукры—плечи (таскать на кукрахъ); отъ корельск. «куккури»—верхняя часть плечъ.

Курандать—журчать; отъ корельск. звукоподражательнаго глагола «куриста», что̀ значитъ кипѣть, бить ключемъ, булькать.

+ Курикъ—деревянный молотъ, отъ корельскаго курикку (въ финск. kurikka), означающаго то же самое.

Курникъ—рыбный пирогъ; по корельски «курникку» значитъ то же самое.

Кутышкать — щекотать. По всей вѣроятности, происходитъ отъ созвучнаго корельскаго глагола «кутькуттай», что̀ значитъ также щекотать.

+ Кябрушка—поплавокъ, поддерживающій сѣть на верху воды (у Барсова). Въ корельск. яз. слово «кябрю» значитъ—шишка еловая или сосновая, а потомъ и берестянные поплавки, которые привязываются къ сѣтямъ.

+ Кябра—стая собакъ (во время, такъ называемой, собачьей свадьбы); отъ корельск. «кярбю»—несчастіе, неудача, а потомъ и сутулока, поспѣшное, безтолковое дѣло (вѣроятно, словомъ «кябра» русскіе хотятъ обозначить ту сутулоку, которая происходитъ въ собачьей стаѣ во время течки суки).

Кярза—челюсти. Въ корельск. есть тоже слово «кäрзä», обозначающее свиную морду и прилагаемое иногда къ человѣческой физіономіи только въ ругательномъ смыслѣ.

+ Ламба—небольшое озеро. Кореляки словомъ «ламби» называютъ небольшія, лѣсныя озерки.

Лалаки—дёсна; по корельски дёсна—лайлакатъ.

Лаймать—стучать, отъ корельск. «лäмистä», производить стукъ, ударяя какимъ-нибудь широкимъ предметомъ, напр., доской.

Ластежка—дранки, полагаемыя между нитками въ ткацкомъ станкѣ. Это слово заимствовано отъ корельск. «ласта» или «лаште»—широкая тонкая лучина, изъ которой дѣлаютъ корзины и сидѣнья въ дровняхъ (корельск. «ласте» происходитъ отъ общераспростр. корельск. же «ласту»—щепка).

Левконуть—промелькнуть; и корельское «лиухкоа» имѣетъ значеніе—мелькать; промелькнуть.

Легандать—колыхаться. Заимствовано отъ корельск. «легистä», которое значитъ то же самое и прилагается только для обозначенія колыханія паруса, пламени и, изрѣдка, одежды.

+ Лембой—чортъ. То же и въ корельск. языкѣ. Въ финскомъ «lempo» въ дохристіанскія времена, по свидѣтельству Калевалы и преданія, означало представителя зла въ его обширнѣйшемъ значеніи (M. A. Castren's Vorlesungen über die finnische Mtyhologie. A. Schiefner 1855. St. Petersb. стр. 110).

+ Луда—отмель; отъ корельск. «луодо»—каменистая мель въ озерѣ.

Лухта—мелкое мѣсто въ озерѣ, покрытое травой; у кореляковъ «лухта» обозначаетъ просто—лужу, образовавшуюся, напр., послѣ дождя.

+ Макса—молоки рыбы налима. Съ этимъ словомъ тождественно корельское «макса»— печень (въ финск. «maxa»).

Малтать—понимать, корельское «малтоа» собственно значитъ—умѣть.

Мёрда—рыболовный снарядъ, вязаный изъ толстыхъ нитокъ. Это слово имѣетъ происхожденіе отъ корельск. «мерта» (по финск. также «merta»)—маленькая рыболовная верша.

+ Морошка—кустъ и ягода—Rubus chamaemorus, душистая, желтая ягода, растущая на болотѣ; отъ корельск. «муврой»—морошка (корень корельск. муврой—муредъ—значитъ—ломкій, разсыпчатый).

Мутникъ—неводъ для мелкой рыбы. Кореляки этотъ неводъ называютъ также «мутникку» отъ слова «мутти»—мелкая рыбка, малекъ.

Муштать—знать, помнить; отъ корельскаго «муйстай» или мустай (также по финск., которое исключительно значитъ—помнить).

+ Мянда, мендовый лѣсъ—растущая на низменныхъ мѣстахъ сосна; отъ корельск. «мянту»—ругательное слово—никуда негодный, паршивый (въ финск. «mänty»—мелкая сосна).

Мяряндать—ревѣть, кричать, тоже означаетъ въ корельск. глаголѣ «märистä».

Мячкать—мять; у кореляковъ «мячкіа», «мячкуттäй»—означаетъ сильно надъ чѣмъ трудиться, сильно бить.

Мюряндать—мычать, въ корельск. «мюристä».

+ Нетина—трава у рѣпы; отъ корельск. «нятти», значитъ то же самое.

+ Нявгать—мяукать. Въ корельск. есть глаголъ «няукоа»—съ тѣмъ же значеніемъ.

+ Нюгандать—говорить въ носъ, невнятно; отъ корельск. «нюгистä», означающаго то же самое.

Пинда—верхній слой сосноваго дерева; въ корельск. «пинда»—спина, потомъ верхній слой жиру на спинѣ, напр. у свиньи, и верхній слой дерева.

+ Пиха—боръ; отъ корельск. «пихка»—древесная смола, вытекающая изъ сосенъ и елей.

Пирзать—плакать; происходитъ отъ корельск. «пирзоттай» или «пäрзистäй», хныкать, нюни распустить (плакать—но въ ругательн. смыслѣ).

Пойгашъ—молокососъ; отъ корельск. «пойга». Сынъ, мальчикъ (въ финск. poika—мальчикъ).

Пярейдать—ворчать; отъ корельск. «пäристä»—трещать.

Равандать, равайдать—кричать; въ корельскомъ «рäвистä»—со слезами, съ плачемъ кричать.

Рага—деньги (у Даля), это несомнѣнно корельское или финское «раhа» (по фин. raha) означающее также деньги.

+ Резендать—трещать (ледъ резендаетъ); то же самое значитъ и корельск. «рѣзистä».

Рёхкать—хрюкать (свинья рёхкае); то же значеніе имѣетъ и созвучный корельскій глаголъ «рöхкэä».

+ Рибандать—бѣжать тихо; корельск. «рипойтай» означаетъ сыпать, просыпать; въ переносномъ смыслѣ оно прилагается и къ бѣгущему мелкой рысцой.

+ Рипакъ—лохмотье, рваные лоскутья. Въ кор. «рипакко» означаетъ тряпку, а такжедѣтскія пелёнки.

Рипать—часто мигать. Это слово тождественно съ корельскимъ глаголомъ «рипеттäй»—часто мигать рѣсницами, часто мелькать.

+ Рохвачъ—незрѣлая морошка. Въ корельск. яз. слово «рохка» или «руохка» означаетъ вообще «незрѣлый», неготовый и приложимо не только къ незрѣлой ягодѣ (какой угодно), но и къ несварившемуся кушанью.

Рубыша—берестянная корзина; корельск. «робегъ» означаетъ корзину сдѣланную изъ одного куска бересты и сшитую древесными прутиками.

Рябяндать — шуршать; тожественно съ корельск. «рябистä» — шуршать перьями, бумагой...

Рядчандать—трещать; корельск. «рядчандать» прилагается исключительно для обозначенія крика и трескотни спорящихъ.

Рячконуть—хрустѣть (ледъ подъ ногами рячконулъ), тождественно съ корель- «рячкэä».

Себра—община, общее дѣло. Въ корельск. «сiебра» (въ финск. seura)—артель, группа людей, занимающихся однимъ дѣломъ.

Сельга—горы; отъ корельск. «селгею»(также и въ финск.)—спина, хребетъ, а потомъ и горы.

Сойма—рѣчное или озерное суднò. Это слово тожественно съ корельскимъ и финскимъ «сойма», «сайма»—большое открытое или только на половину закрытое судно.

+ Салага—бѣлая рыбица (Cyprinus alburnus), отъ корельск. «салатти»

+ Сорога—плотица; отъ корельск. названія этой рыбы «сäрги».

Сурузну—немножко; очевидно, произошло отъ корельск. «суурусъ»—крупинка, крошка, а въ видѣ нарѣчія и—немножко...

+ Тарандать, Тырандать, Турандать—шумѣть, гремѣть; отъ корельск. «тäристä»; служитъ для обозначенія звуковъ, издаваемыхъ телѣгой, ѣдущей по необтесаннымъ, круглымъ бревнамъ.

+ Торбать—распугивать весломъ рыбу, при ловлѣ ея неводомъ или сѣтями. Съ этимъ словомъ тожественно корельск. «тарбоа» (финск. tarpoa)—значитъ стучать, плескать извѣстнаго рода шестомъ (тарбо).

+ Торкать, тыркать, торнуть, турнуть—среднее между толкать и дергать, тормошить, стучать, колотить (торкать въ двери; торни въ двери; пóлно тыркать; турни её вонъ изъ избы); отъ корельск. «туркайта» (также и по фински)—тыкать, толкать, давить, тѣснить.

+ Турба—морда у кошекъ и собакъ, а въ ругательномъ смыслѣ—и лицо человѣка (я какъ закачу тебѣ по тюрбѣ); отъ корельскаго «турбедъ, ей»—густой, и прилагается только по отношенію къ мѣху и лѣсу.

+ Туюсъ или туесъ—берестянный кузовъ; отъ корельск. «туо(h)и—берёста.

+ Уландать—выть; отъ корельск. «улиста»—сильно—плакать, стенать.

Урандать—журчать; отъ корельск. «уристä», прилагается только для обозначенія урчанія въ брюхѣ.

Чича—сестра (у Барсова); отъ корельск. ласкательнаго слова «чичи»—сестрица.

Чихкать—болѣть; въ корельскомъ яз. есть глаголъ «чихкоа», который собственно означаетъ—медленное горѣніе, напр., сырыхъ дровъ; въ переносномъ же смыслѣ значитъ и—чахнуть, хирѣть.

Чорандать—журчать; отъ корельскаго «чўориста» съ тѣмъ же значеніемъ.

Чустякъ—болячка; въ корельск. «чустякко» означаетъ небольшой прыщикъ, нарывъ (bouton d'amour)... Чухкать—лежать смирно, не издавая звука. Созвучный этому глаголу въ корельск. яз. «чухкэа»—означаетъ быть угрюмымъ, молчаливымъ, изображать на своей физіономіи и во всей внѣшней фигурѣ скуку, апатію и т. д.

+ Шагайдать—шевелиться въ темнотѣ. Корельское «шагиста» означаетъ шорохъ, производимый предметомъ или какимъ нибудь живымъ существомъ, невидимымъ для лица говорящаго.

+ Шаглы—жабры, происходитъ отъ тожественнаго корельскаго слова «шаглатъ».

Шалгунъ—дорожная сумка, котомка; имѣетъ происхожденіе отъ корельск. слова «шалгу»—дорожный мѣшокъ, наполненный припасами и разнаго рода вещами.

Шижликъ—ящерица; по корельски ящерица «шижелихкö».

Шорпаки—сучки, неровности на какой либо поверхности; тожественно съ корельскимъ «шорпакко» или «шорпу».

Шугандать—шептаться; отъ корельск. «шугиста», съ тѣмъ же значеніемъ.

Шуня—пристройка у двери (у Барсова); отъ корельскаго «шууня»—ящикъ, помѣщеніе, гдѣ держатъ мякину.

+ **Юкнуть**—ударить, стукнуть; очевидно сроденъ съ корельск. «юхкäтä»—ударить какимъ-нибудь большимъ или лучше тяжелымъ предметомъ.

Юрандать—гремѣть; отъ корельскаго «юристä» съ тѣмъ же значеніемъ (юрӯ—громъ).

+ **Ямега**—шевъ въ рыболовныхъ сѣтяхъ; слово корельскаго происхожденія, гдѣ глаголъ «ямуо»—зашивать сѣти, равно существительное «ямо»—шовъ въ рыболовныхъ сѣтяхъ.

Ятковать—твердить нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же, часто напоминать. Глаголъ, очевидно сроденъ съ корельскимъ «яткуо»—продолжать, удлинять и «ятккоттоа»—соглашаться съ говорящимъ, поддакивать, ободрять и т. п. Послѣдній, очевидно, по значенію ближе къ русской передѣлкѣ.

+ **Чилайдать**—звенѣть. У кореляковъ «чилистä» прилагается для обозначенія звона серебрянной монеты или маленькихъ колокольчиковъ.

+ **Чура̀**—крупный песокъ; корельск. «чууру» значитъ вообще песокъ и крупный и мелкій.

Лявзать—болтать; отъ корельск. «лявзöттäй» съ тѣмъ же значеніемъ (финск. lausan—говорить много).

Кокачъ—особаго рода пирожки продолговатой формы, съ корельск. «кокой»—хлѣбы продолговатой формы.

+ **Шингать**—щипать. Корельск. «шингуо»—значитъ трепать, приводить въ порядокъ, напр., одежду, ленъ, нитки.

Вліяніе языка корельскаго на русскій въ Олонецкой губерніи, кромѣ заимствованія послѣднимъ изъ перваго массы словъ, сказывается еще въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Въ Заонежьѣ относительно языка замѣчается такое любопытное явленіе. Тамошніе жители произносятъ большую часть словъ противъ ударенія, преимущественно «бабы и дѣвки, замѣчаетъ Даль, переносятъ удареніе» на первый отъ начала слогъ: по́ди сю́да, во́зьми, та́бакъ, гля́ди на́ гору, кто тамъ и̂де, цѣлый ко́рманъ на́бралъ ягодъ, весь па́долъ о́борвалъ, спро́си въ го́роду, живетъ тамо, си́ди смирно, скоро при́ду... Чѣмъ объяснить такое явленіе? Мнѣ кажется, что это происходитъ вслѣдствіе вліянія языка кореляковъ, которые, по преданію, уже издавна живутъ здѣсь въ сосѣдствѣ съ русскими. Въ языкѣ же корельскомъ, по особому его свойству, удареніе всегда стоитъ на первомъ отъ начала слогѣ (даже въ словахъ 4-хъ-сложныхъ—я̀лгатой...); эта же самая особенность, надо полагать, перешла и въ языкъ русскихъ.

Указаніемъ этихъ особенностей въ говорѣ олончанъ я и закончу свои замѣтки о вліяніи языка корельскаго на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи.

Н. Лѣсковъ.

Прим. Ред. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ употребляются и въ другихъ мѣстностяхъ нашего сѣвера. Такъ слова, обозначенныя у насъ крестикомъ, такъ или иначе употребительны у русскаго населенія въ Арханг. губ. (См. словарь обл. Арханг. нар. А. Подвысоцкаго, изд. Ак. Н. Спб. 1885). Иныя изъ этихъ словъ вошли въ литературный языкъ, напр.: *веньчать* и *луда*. Слово же *галить*—смѣяться имѣлось и въ древне-русскомъ и въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ, гдѣ *галити* означ. ликовать, радоваться. Въ сербскомъ—*разга́лити, ра̀зга̄лим*—exhilarare—разсѣять, развеселить, говорится про погоду: *разгаљује* разъяснивается, разведривается. Въ томъ же смыслѣ и въ русск., какъ въ малор., такъ и въ великор. Сравн. *прогалина* и въ малор. и въ великор. съ одинакимъ значеніемъ. Лит. galandu,—galásti—точить (напр. косу) ближе по смыслу къ финск. *галистä*—шумѣть, звенѣть, впрочемъ понятія звона и блеска (отточеннаго оружія) близки къ понятіямъ радости и ликованья. Гот. *goljan*=salutare, grüssen. Вообще это слово нельзя считать заимствованіемъ изъ финск. или готск. Что касается до слова *сѐбра*, то несомнѣнно сродное съ нимъ древне-сербск. *себръ* и русск. *сябѐръ*, *шаберъ* правильнѣе производить отъ финск. и считать однимъ изъ старославянскихъ заимствованій, нежели выводить его вслѣдъ за Шафарикомъ, изъ народн. имени *Сабировъ*.

ОТДѢЛЪ III.

КАВКАЗСКІЙ ОБЫЧАЙ,

какъ источникъ изученія первобытнаго права.

Замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго: «Законъ и обычай на Кавказѣ», Москва 1890 г., т. I и II.

I.

Изученіе Кавказскаго права получаетъ все болѣе и болѣе широкій интересъ въ виду важнаго значенія его какъ въ практическомъ отношеніи, въ цѣляхъ отечественнаго законодательства, такъ и въ научномъ отношеніи, въ цѣляхъ изученія живаго матерьяла для построенія системы первобытнаго права. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи является особенно интереснымъ послѣднее сочиненіе проф. М. Ковалевскаго, вызвавшее съ нашей стороны рядъ предлагаемыхъ замѣтокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ за изученіе кавказской жизни принялись такіе видные представители современной науки, какъ Всеволодъ Миллеръ и Максимъ Ковалевскій, наука получила уже весьма много важныхъ и плодотворныхъ выводовъ. Труды проф. М. Ковалевскаго являются особенно цѣнными, если принять во вниманіе, что почтенный ученый самъ наблюдалъ кавказское право въ его живомъ дѣйствіи, производилъ раскопки могилъ Кавказа, записывалъ преданія и разсказы стариковъ и имѣлъ возможность ознакомиться съ такимъ малодоступнымъ матерьяломъ, какъ неизданные рукописные сборники кавказскаго права и подлинныя дѣла горскихъ окружныхъ управленій. Если къ этому прибавить, что г. Русановъ въ своемъ некрологѣ объ извѣстномъ Бахофенѣ (въ журн. «Русская Мысль») не безъ основанія назвалъ проф. Ковалевскаго однимъ изъ самыхъ сильныхъ современныхъ соціологовъ [1]), то станетъ вполнѣ понятнымъ, что каждый новый трудъ г. Ковалевскаго въ этой области долженъ быть принятъ съ особеннымъ интересомъ. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать самыхъ плодотворныхъ результатовъ отъ новаго труда г. Ковалевскаго, что изданные имъ въ 1886 г. два тома его соч. «Современный обычай и древній законъ» являются однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ послѣдняго времени получившимъ, къ сожалѣнію, весьма недостаточную оцѣнку въ русской наукѣ, не считая краткой и не обнимающей всего содержанія книги г. Ковалевскаго рецензіи г. Стоянова въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1887 г. (Октябрь мѣсяцъ). Противъ этой рецензіи г. Ковалевскій счелъ нужнымъ сдѣлать краткое возраженіе въ статьѣ «Пшавы», напечатанной въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1888 г. (мѣс. Февр.), каковое возраженіе вошло и въ разбираемую нынѣ книгу г. Ковалевскаго [2]). Къ слову сказать, статья «Пшавы», помѣщенная во 2-й книжкѣ Юр. Вѣстника за 1888 г. и «Родовое устройство Дагестана», помѣщенная въ 12 книжкѣ Юр. Вѣстн. за тотъ-же годъ, вошли цѣликомъ во II томъ послѣдняго труда г. Ковалевскаго. Въ общемъ г. Ковалевскій поддерживаетъ и развиваетъ вгляды, изложенные имъ въ соч. «Первобытное право» и «Современный обычай и древній законъ».

---

[1]) Ср. также отзывъ сэра Фредерика Поллока въ 3-й кн. Юрид. Вѣстника за 1892 г.

[2]) М. Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ, т. II, стр. 101, примѣч.



Наиболѣе интересующимъ насъ вопросомъ является вопросъ о значеніи кавказскаго обычая для системы первобытнаго, т. е. примитивнаго, зародышеваго права. Самъ г. Ковалевскій указываетъ на значеніе кавказовѣдѣнія слѣдующимъ образомъ: «европейскихъ ученыхъ занимаетъ прежде всего мысль о томъ, въ какой мѣрѣ изученіе юридическаго быта кавказскихъ племенъ подтверждаетъ или опровергаетъ тѣ гипотезы на счетъ древнѣйшихъ стадій общежитія и развившихся на ихъ почвѣ юридическихъ институтовъ, какіе этнологамъ и юристамъ Запада удалось построить на основаніи часто отрывочнаго, неполнаго, и еще чаще плохо провѣреннаго и поэтому сбивчиваго и противорѣчиваго матерьяла» (Зак. и обыч. на Кавказѣ, т. I, стр. 4). Если сопоставить послѣднюю часть приведенной фразы со взглядами г. Ковалевскаго, высказанными имъ въ 1880 г. въ сочин. «Историко-Сравнительный методъ въ юриспруденціи», то не трудно будетъ понять, что отрывочнымъ, неполнымъ, плохо-провѣреннымъ и поэтому сбивчивымъ и противорѣчивымъ матерьяломъ проф. Ковалевскій, вслѣдъ за Мэномъ, Фриманомъ и друг. [1]) называетъ весь тотъ матерьялъ, который даютъ намъ данныя объ обычномъ правѣ дикихъ и нецивилизованныхъ племенъ Америки, Океаніи и т. д. Если, говоритъ проф. Ковалевскій, одни ученые—на основаніи обычно-правовыхъ данныхъ изъ жизни краснокожихъ племенъ Америки, другіе—на основаніи тѣхъ же данныхъ изъ жизни арійскихъ племенъ Индіи,—пришли къ разнымъ новымъ и важнымъ гипотезамъ о начальныхъ формахъ общежитія, то «этнографія Кавказа, по многочисленности и разнообразію обнимаемыхъ ею народностей и типовъ культуры, далеко оставляетъ за собою бытописаніе какъ американскихъ и океаническихъ, такъ и индусскихъ племенъ» и потому съ успѣхомъ можетъ быть привлечена къ изученію древнѣйшихъ стадій общежитія ibidem, стр. 5—6). Обобщенія ученыхъ о примитивной жизни народовъ, по мнѣнію г. Ковалевскаго, противорѣчивы и нерѣдко здѣсь одна теорія исключаетъ другую. Въ виду этого, обобщенія эти нуждаются въ провѣркѣ. «А для такой провѣрки едва-ли не самымъ надежнымъ матерьяломъ является тотъ, какой доставляетъ намъ наука кавказовѣдѣнія» (ibidem, стр. 6). «Большее преимущество этого матерьяла, продолжаетъ авторъ, превосходство его надъ тѣмъ, какое даетъ намъ, положимъ, изученіе быта американскихъ, малайскихъ и полинезійскихъ племенъ, а также разнообразныхъ обитателей Индіи, лежитъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ народностями, которыя самою природою занимаемыхъ ими мѣстностей, поставлены въ условія, благопріятныя болѣе или менѣе сохраненію ихъ стародавнихъ нравовъ и обычаевъ. Народности эти наблюдаемы были съ древнѣйшихъ временъ и продолжаютъ быть наблюдаемы и нынѣ» (тамъ же, стр. 7). Въ силу этого «преимущество, представляемое кавказскимъ матерьяломъ, сводится къ превосходству матерьяла историко-этнографическаго надъ матерьяломъ чисто этнографическимъ. Это превосходство не только дѣлаетъ возможною многократную провѣрку однихъ и тѣхъ же данныхъ, но и раскрываетъ предъ нами порядокъ зарожденія и ростъ отдѣльныхъ институтовъ, а также ту преемственную связь, которая существуетъ между различными стадіями развивающейся общественности».

Если, судя по всему сказанному, кавказовѣдѣніе въ состояніи дать намъ матерьялъ для провѣрки гипотезъ о тѣхъ формахъ, въ какихъ проявлялись древнѣйшія общежитія и о тѣхъ правовыхъ институтахъ, совокупность которыхъ можетъ быть принята наукою за систему примитивнаго права или, если можно такъ выразиться, за первоправо, то должно ожидать, что культура разныхъ племенъ Кавказа весьма близка къ той культурѣ, которую мы въ правѣ назвать примитивною, иначе говоря—первокультурою, или же, по крайней мѣрѣ, что культура эта представляетъ изслѣдователю столько пережитковъ отъ временъ младенческаго строя общества, что строй этотъ безъ особенныхъ усилій можетъ быть возстановленъ во всѣхъ своихъ чертахъ.

Въ дѣйствительности, однако, если остановиться внимательно на культурѣ современныхъ кавказскихъ горцевъ, то должно придти къ заключенію, что культуру эту ни на

---

[1]) У насъ: Слонимскій, Башмаковъ и друг.

одну минуту нельзя считать примитивною. Всякій сколько нибудь знакомый съ образомъ соціальной жизни кавказскихъ горцевъ, даже въ наиболѣе изолированныхъ аулахъ, легко согласится съ тѣмъ, что, если сопоставить культуру горцевъ Кавказа съ образомъ жизни, положимъ, какихъ-нибудь веддойцевъ (остр. Цейлонъ) или маорисовъ (Нов. Зеландія), то одну изъ этихъ культуръ (Кавказа) придется назвать высшею, а другую низшею, или—что то-же—одну болѣе архаическою, чѣмъ другая. Одна возможность появленія поземельной общины [1]) указываетъ на сравнительную высоту культурнаго развитія. Поэтому въ отношеніи изученія именно первобытнаго права—кавказовѣденіе можетъ служить источникомъ не столько какъ матерьялъ этнографическій, сколько какъ матерьялъ историческій. (Не говоря, конечно, о переживаніяхъ отъ временъ младенческой культуры въ современныхъ обычаяхъ горцевъ). Самъ г. Ковалевскій сознаетъ, очевидно, справедливость этого обстоятельства, ибо иногда, хотя, правда, и очень рѣдко, обращается именно къ тому отрывочному, противорѣчивому и плохо провѣренному матерьялу, который далъ современной наукѣ первобытнаго права наиболѣе плодотворные выводы, связанные съ именами Бахофена, Моргана, Макъ-Ленана, Леббока и др.

Если, основываясь на такого рода матерьялахъ, наукѣ первобытнаго права приходится прибѣгать къ гипотезамъ о состояніи строя примитивной жизни, той жизни, которая установилась въ первомъ аггрегатѣ людей (именно людей въ смыслѣ соціологическомъ, а не индивидуумовъ—въ смыслѣ біологическомъ), то намъ кажется невозможнымъ иное изученіе примитивнаго права. Наука первобытнаго права не можетъ быть обращена въ науку чисто наблюдательную. И это не потому, чтобы ощущался недостатокъ въ наблюденіяхъ, а потому, что право вообще, какъ совершенно справедливо выразился Савиньи, есть тоже человѣческая жизнь, лишь съ особой точки зрѣнія разсматриваемая. Право существуетъ среди людей и для людей; однимъ изъ факторовъ процесса правообразованія является личность [2]), и потому сумма качествъ, образующихъ личность, не могутъ быть игнорированы правомъ. Отсюда въ изученіи первобытнаго права необходимо пользоваться дедукціей въ такой же мѣрѣ, какъ и индукціей. Проф. Муромцевъ въ своей замѣткѣ на послѣднее сочиненіе Поста говоритъ слѣдующее: «Съ особеннымъ стараніемъ Постъ разъясняетъ то основное положеніе своего воззрѣнія, которое осуждаетъ изслѣдованіе права на почвѣ индивидуально психологической и рекомендуетъ взамѣнъ того изслѣдованіе соціологическое. Личныя чувства, на которыхъ покоится правовой порядокъ, замѣчаетъ авторъ (Постъ), сами составляютъ продуктъ соціальнаго развитія; не индивидуальныя юридическія воззрѣнія создаютъ право, но, наоборотъ, эти воззрѣнія сами образуются подъ вліяніемъ дѣйствующаго права, какъ явленія, созданнаго жизнію человѣка въ обществѣ. Таковъ наиболѣе сильный и наиболѣе убѣдительный аргументъ изъ числа тѣхъ, которые приводятся авторомъ въ пользу изученія права, какъ соціальнаго явленія, и противъ господствующей философіи права, стремящейся вывести его изъ личной природы человѣка. Но при всей своей основательности, требованіе Поста и въ этомъ случаѣ одностороннe. Конечно, право составляетъ продуктъ общественной жизни человѣка; конечно, общественная жизнь вырабатываетъ въ личности соотвѣтствующія соціальныя чувства, — чувство справедливости, свойственное личности, въ значительной мѣрѣ принадлежитъ къ числу таковыхъ чувствъ. Но за всѣмъ тѣмъ въ правѣ сказывается вліяніе личности, какъ личности, безъ отношенія къ ея положенію, какъ члена общества. Все право существуетъ ради регулированія индивида въ его борьбѣ съ подобными. себѣ, а между тѣмъ эта борьба, служа однимъ изъ выраженій стремленія индивида къ самосохраненію, есть факторъ личной дѣятельности, существующей независимо отъ сожитія въ обществѣ. Личною, а не соціальною природою человѣка обусловливается и

---

[1]) Еліазаровъ, Изслѣдов. по исторіи учр. въ Закавказьи, ч. 1, Сельская община, 1888 года.

[2]) См. Карѣева, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, Спб. 1890 г., вып. II, гл. 4, стр. 534 и слѣд.

чувство чести, сообщающее определенное содержание многим институтам... Процессъ образованія и постепеннаго распространенія въ обществѣ правовыхъ идей есть тоже процессъ, изслѣдованіе котораго, по преимуществу, принадлежитъ индивидуальной психологіи, и, что касается до политики права, то пригодность той или другой законодательной мѣры не получитъ всесторонней оцѣнки, если она не будетъ изслѣдована со стороны ея согласія или несогласія съ общими свойствами индивида, какъ индивида» [1]) Г. Муромцевъ прямо указываетъ, что въ правовѣдѣніи индукція должна сопровождаться и пополняться дедукціей.

Разсматривая съ установленной выше точки зрѣнія кавказское право, мы въ немъ не находимъ достаточныхъ данныхъ для построенія системы первобытнаго права, первоправа. Этнографическій матеріалъ Кавказа не даетъ къ тому данныхъ по сравнительной высотѣ культуры горскихъ племенъ; пережитки отъ временъ архаическихъ и историческій матеріалъ Кавказа еще болѣе отрывочны и не полны, нежели матеріалъ, какой даетъ изслѣдователю жизнь разныхъ нецивилизованныхъ племенъ Америки, Африки, Австраліи, или островныхъ океанійскихъ народовъ... Такимъ образомъ наука первобытнаго права и соціологія не только не должны опасаться, какъ выражается г. Слонимскій, «нашествіе дикаго человѣка», но наоборотъ, обратить самое серьезное вниманіе на изученіе всего строя жизни этого «дикаго человѣка». Всѣмъ сказаннымъ опредѣляется д ѣ й с т в и т е л ь н о е з н а ч е н і е к а в к а з о в ѣ д ѣ н і я, какъ источника изученія первобытнаго права. Изученіе обычнаго права, переживаній и историческаго матеріала Кавказа можетъ служить, по самому свойству матеріала, справедливо цѣнимому г. Ковалевскимъ, къ провѣркѣ гипотезъ и выводовъ, построенныхъ на изученіи такого же матеріала изъ жизни «дикаго человѣка» и на изученіи природы индивидуума, какъ индивидуума. При этомъ, однако, если мы не найдемъ въ кавказскомъ матеріалѣ подтвержденій для той или другой гипотезы или даже прямыя отрицанія ея, то это не всегда можетъ привести къ заключенію, что самая гипотеза невѣрна, ибо это только можетъ доказывать, что въ матерьялахъ Кавказа по данному вопросу имѣются пробѣлы. Объяснимъ сказанное примѣромъ. Первобытному праву извѣстенъ институтъ умерщвленія стариковъ. Леббокъ, Летурно, Спенсеръ, Кулишеръ и другіе приводятъ много свидѣтельствъ этого рода. По самомъ внимательномъ изученіи кавказскаго права, какъ современнаго обычнаго, такъ и примитивнаго, построеннаго на изученіи всего доступнаго для насъ матеріала, мы въ немъ не находимъ никакихъ слѣдовъ о существованіи того же учрежденія у горскихъ племенъ. Какой же мы отсюда въ правѣ сдѣлать выводъ? Либо тотъ, что матеріалы Кавказа не сохранили намъ данныхъ этого рода, либо что поселившимся на пути великаго переселенія народовъ [illegible] и другимъ племенамъ обычай этотъ былъ извѣстенъ въ давно минувшія [illegible] на старыхъ мѣстахъ поселенія; либо, наконецъ, что обычай этотъ [illegible] не былъ (хотя послѣднее сомнительно), но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ. И мы въ правѣ сказать, что у самыхъ различныхъ племенъ, [illegible] денія, [illegible] [illegible]

[1]) [illegible] 2, стр. [illegible]



Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго явствуетъ, что роль Кавказовѣденія для изученія первобытнаго права нѣсколько преувеличена г. Ковалевскимъ и что, съ другой стороны, изученіе примитивнато права на основаніи одного лишь обычно-праоваго матерьяла, почерпнутаго изъ жизни арійскихъ народностей, не въ состояніи дать прежде всего ряда исходныхъ моментовъ первобытнаго права, а затѣмъ и всей системы этого права. И до родовой организаціи (и именно какъ ее понимаетъ г. Ковалевскій) существовалъ строй общественной жизни; и до родовой организаціи дѣйствовали принципы правообразованія. Поэтому примитивное право есть право до-родовое. Всѣ же принципы, связанныя съ родовою организаціей, какъ напримѣръ культъ предковъ, являются не исходными моментами правообразующими, а моментами правопервообразующими. Лишь позже, въ эпоху сравнительно высокаго уровня правовой жизни, моменты эти становятся источниками новыхъ институтовъ и, такимъ образомъ, входятъ въ рядъ правообразующихъ началъ.[1]

Очевидно изъ всего сказаннаго, что съ точки зрѣнія только что приведенныхъ положеній сочиненіе г. Ковалевскаго представляетъ нѣкоторые недостатки, на которыхъ мы и остановимся. Этимъ и исчерпывается задача нашихъ замѣтокъ, такъ какъ говорить о достоинствахъ книги проф. Ковалевскаго представляется весьма затруднительнымъ по обилію вопросовъ, затронутыхъ имъ въ обоихъ томахъ сочиненія.

II.

Въ первой главѣ (I тома) г. Ковалевскій собираетъ всѣ данныя, какія представляетъ Кавказовѣдѣніе, о томъ, что эпохѣ патернитета у горцевъ предшествовала эпоха материнства. Что же касается собственно матріархата, или женовластія, то о послѣднемъ г. Ковалевскій говоритъ слѣдующее: «Если принять во вниманіе всю сумму вышеприведенныхъ данныхъ: распаденіе племени на экзогамическія, братскія группы, право каждаго изъ членовъ этихъ группъ на женщинъ, пріобрѣтенныхъ изъ чужихъ родовъ и братствъ, отсутствіе того ежечаснаго и тѣснаго общенія, какое въ наши дни носятъ отношенія супруговъ между собою и родителей къ дѣтямъ, воспитаніе подрастающихъ поколѣній вдалекѣ отъ той семьи, въ которой они родились, неоднократное пребываніе замужнихъ женщинъ по цѣлымъ годамъ въ семьяхъ ихъ отцовъ и посѣщеніе ихъ мужьями не иначе, какъ украдкой и, по возможности, безъ свидѣтелей, наконецъ выдающуюся роль, какую въ средѣ горцевъ занимаютъ отношенія брата и сестры, дяди по матери и племянниковъ, то не вполнѣ баснословными представятся намъ разсказы древнихъ писателей, и во главѣ ихъ Страбона, о жившихъ на Кавказѣ, къ востоку отъ черкесовъ, женщинахъ воительницахъ или амазонкахъ» (стр. 23—24). Но тѣмъ не менѣе, «если мы зададимся вопросомъ, какое понятіе о матріархатѣ можно составить на основаніи данныхъ кавказской этнографіи, то мы принуждены будемъ сказать, что эти данныя не оправдываютъ собою ни ученія Бахофена о существованіи нѣкогда періода женовластія, ни ученія Спенсера (въ текстѣ г. Ковалевскаго опечатка: Спенофа) о ничѣмъ не сдерживаемомъ на первыхъ порахъ половомъ инстинктѣ. Вмѣсто того, чтобы принадлежать женщинѣ, власть въ материнскомъ родѣ всецѣло сосредоточивается въ рукахъ ея мужскихъ когнатовъ: дяди и брата» (стр. 26). Наука первобытнаго права, однако, не въ правѣ отсюда придти къ выводу, что ученіе Бахофена о женовластіи неправильно. Для такого заключенія необходимо найти данныя въ томъ самомъ матерьялѣ, который легъ въ основу обобщеній Бахофена, а за нимъ Маргана, Макъ-Леннана, Леббока, Жиро-Телона, Поста, Вилькена и другихъ ученыхъ. Изъ цитированнаго выше мѣста отмѣтимъ, что проф. Ковалевскій въ ряду институтовъ, стоящихъ въ связи съ материнствомъ, ставитъ также «воспитаніе подростающихъ поколѣній вдалекѣ отъ той семьи,

[1]) Всѣ эти вопросы съ необходимою подробностью разсмотрѣны нами въ имѣющемъ непродолжительномъ времени выйти изъ печати трудѣ нашемъ «Очерки первобытнаго права».

въ которой они родились». Это вскормленіе и воспитаніе дѣтей на сторонѣ ведетъ къ установленію молочнаго родства, родства между семьей воспитанника и семьей воспитателя или кормильца. Молочное родство или аталычество имѣетъ у горцевъ Кавказа чрезвычайно большое значеніе. Оно ведетъ къ воспрещенію браковъ между членами семьи аталыка и семьи воспитателя, къ обязательству кровомщенія членовъ этихъ семей взаимно другъ за друга, къ прекращенію кровомщенія путемъ установленія молочнаго родства между родомъ обидчика и мстителей. Аталычество ведетъ и къ особой формѣ усыновленія путемъ прикосновенія усыновляемаго къ обнаженной груди женщины изъ рода, принимающаго усыновляемаго въ свою среду. По кавказской поговоркѣ, отмѣченной г. Ковалевскимъ, молочное родство идетъ также далеко, какъ и кровь. Этотъ институтъ аталычества авторъ приводитъ въ связь съ институтомъ матернитета. Въ другомъ мѣстѣ [1]) г. Ковалевскій объ аталычествѣ говоритъ слѣдующее: «Спрошенные о причинахъ его (аталычества) возникновенія, горцы обыкновенно отвѣчаютъ: въ домѣ родителей ребенку легко избаловаться, но отдайте его въ чужія руки, и изъ него выйдетъ джигитъ— высшая похвала въ устахъ горца, означающая стоика-храбреца. Такое объясненіе, продолжаетъ авторъ, въ моихъ глазахъ ничего не объясняетъ. Очевидно и другимъ народамъ свойственно желаніе воспитать въ своихъ дѣтяхъ удальцовъ на всѣ руки, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они считали нужнымъ не воспитывать ихъ дома [2]). Только сопоставляя кавказское аталычество съ нѣкоторыми другими явленіями кавказской жизни и освѣщая послѣднія этнографическими аналогіями, можно доискаться, какъ я полагаю, дѣйствительнаго источника этого крайне любопытнаго обычая. Горцы Кавказа, и въ числѣ ихъ осетины, не только отдаютъ постороннимъ лицамъ своихъ дѣтей на воспитаніе, но и не позволяютъ послѣднимъ открыто признавать себя ихъ потомствомъ. Нѣкоторые директора гимназій передавали мнѣ на этотъ счетъ въ высшей степени интересныя подробности. Думая доставить имъ удовольствіе, они приглашали подчасъ родителей присутствовать на раздачѣ наградъ дѣтямъ; и что же оказывалось? приглашенные не только не высказывали имъ за то своей признательности, но, явившись на совѣтъ, часто обнаруживали признаки нетерпѣнія каждый разъ, когда въ ихъ присутствіи открыто называли того или другаго ребенка ихъ сыномъ. Въ присутствіи родителя сынъ, оказывая ему всяческое почтеніе, въ то же время ни разу не назоветъ его столь понятнымъ въ устахъ ребенка прозвищемъ батюшки,—такъ какъ этого не терпитъ обычай. Чтобы встрѣтиться съ однохарактерными явленіями въ другихъ странахъ, надо мысленно перенестись въ общества, въ которыхъ, при невыработанности индивидуальнаго брака, патернитетъ еще не установленъ, гдѣ ребенокъ состоитъ въ родствѣ съ одною матерью да родственниками послѣдней и нерѣдко вовсе не знаетъ отца». Г. Ковалевскій при этомъ указываетъ на данныя, приведенныя Жиро-Телономъ, относительно воспитанія дѣтей на сторонѣ у маорисовъ, причемъ видимой причиной обычая является желаніе устранить возможность пристрастнаго отношенія матери къ дѣтямъ особенно любимаго ею мужчины и установленія по отношенію къ нимъ полнаго равенства. Но при отрицаніи г. Ковалевскимъ женовластія и при исключительномъ значеніи въ эпоху матернитета когнатическаго родства въ мужской линіи (дяди, брата), такое пристрастное отношеніе все равно не могло создать неравенства между дѣтьми, а если могло, то обстоятельства нисколько не измѣняются и въ эпоху патернитета, а потому институтъ аталычества въ одинаковой мѣрѣ могъ возникнуть и при господствѣ патернитета и при господствѣ материнства; иначе говоря, аталычество не состоитъ въ прямой зависимости отъ матернитета. Что касается указаннаго проф. Ковалевскимъ поведенія родителей и дѣтей осетинскихъ, то

---

[1]) М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ. М. 1886 г., т. I, стр. 282—284.

[2]) Однако, факты показываютъ, что воспитаніе дѣтей внѣ дома извѣстно и другимъ народамъ, не родственнымъ съ обитателями Кавказа, напр. киргизамъ, туркменамъ, маорисамъ. См. напр. Самоквасова, Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава 1876, стр. 30 и друг.

оно въ одинаковой мѣрѣ съ вообще унизительностью высказыванія нѣжныхъ чувствъ къ дѣтямъ и даже къ женѣ своей объясняется не тѣмъ, что, при господствѣ материнства, ни отецъ, ни сынъ не могутъ съ увѣренностью назвать другъ друга этими именами, а тѣмъ свойственнымъ первичной культурѣ явленіемъ, по которому позорнымъ для воинственнаго хищника считается обнаруженіе всякаго мягкаго и сердечнаго движенія любви, участія, жалости и т. п. какъ по отношенію къ ближнимъ, такъ по отношенію къ плѣннымъ. Жестокость, суровость, непреклонность—единственныя качества, которыя похвально обнаруживать члену примитивнаго общества. Поведеніе кавказцевъ на гимназическихъ совѣтахъ являетъ собою несомнѣнныя переживанія отъ болѣе глубокой эпохи суроваго хищничества.

Въ послѣднемъ своемъ трудѣ г. Ковалевскій говоритъ: «отношеніе, въ которомъ этотъ обычай (аталычество) стоитъ къ тѣмъ отдаленнымъ отъ насъ порядкамъ, при которыхъ родство по отцу еще неизвѣстно, и установленная самой природой связь между матерью-родительницей и происшедшимъ отъ нея ребенкомъ одна считается источникомъ семейнаго единенія, какъ нельзя лучше выступаетъ изъ сопоставленія кавказскаго аталычества съ однохарактерными явленіями въ бытѣ полинезійскихъ племенъ» [1]). Авторъ снова ссылается при этомъ на Жиро-Телона и затѣмъ говоритъ «обычай полинезійскихъ дикарей раскрываетъ предъ нами дѣйствительный источникъ аталычества. Дѣти потому поступаютъ у черкесовъ на воспитаніе къ постороннему лицу, желающему вступить по отношенію къ нимъ въ роль аталыка, что принадлежность ихъ тому или другому отцу является спорной, очевидно не по иной причинѣ, какъ по той, что всѣ члены одного братства одинаково могли быть мужьями ихъ матери. Только открытое признаніе ихъ тѣмъ или другимъ мужчиной обращало ихъ въ его дѣтей». Замѣтимъ, что еслибы таковъ былъ генезисъ аталычества, то ничто не мѣшало воспитателямъ удерживать у себя своихъ аталыковъ на всегда, чѣмъ увеличивалось бы количество членовъ группы воспитателя. Замѣтимъ также и то, что молочное родство противорѣчитъ теоріи Фюстель-де-Кюланжа о религіозномъ культѣ, какъ принципѣ родовой организаціи, ибо мы имѣемъ здѣсь случай, въ которомъ кормильцы пріобрѣтаютъ права въ данной группѣ, будучи членами другой группы и исповѣдуя другой культъ. На это слѣдовало бы обратить весьма серьезное вниманіе. Если аталычество относится къ числу архаическихъ институтовъ первобытнаго права, или, какъ мы выразились выше, первоправа (и въ этомъ мы увѣрены), то это приводитъ къ весьма важному выводу. Аталычество, какъ мы видѣли, не только не подтверждаетъ, но прямо отрицаетъ теорію родоваго культа, какъ исходнаго момента въ дѣлѣ образованія примитивнаго права, теорію Фюстель-де-Кюланжа, къ которой генетически примыкаетъ ученіе г. Ковалевскаго. Отсюда слѣдуетъ, что культъ предковъ—явленіе позднѣйшее въ соціальной жизни народовъ, ибо такой институтъ, какъ аталычество, не только не можетъ быть объясненъ съ точки зрѣнія этого культа, но даже стоитъ съ нимъ въ прямомъ противорѣчіи. Аталычество пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ для науки первобытнаго права, что не можетъ быть объяснено и явленіемъ материнства, какъ это было указано выше. Материнство связывается, хотя и косвенно съ принципами экономическими [2]). Отсюда выводъ, что и экономическія начала не въ состояніи объяснить института аталычества. Это, впрочемъ, и само собой понятно, ибо, безъ особенныхъ и произвольныхъ натяжекъ, невозможно поставить аталычество въ связь съ трудовымъ началомъ.

Говоря о культурныхъ вліяніяхъ, какія оказывали на кавказское право различныя народности, проф. Ковалевскій въ главѣ о вліяніи армянскаго и грузинскаго права замѣчаетъ: не меньше совпаденія представляютъ армянскія, грузинскія и горскія (въ частности осетинскія) постановленія о молочномъ родствѣ и о связанныхъ съ нимъ брачныхъ запретахъ. Въ старые годы осетины и по ихъ примѣру татары-горцы

---

[1]) Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 16.

[2]) См. напр. Зибера, Очерки первобытной экономической культуры, Москва 1883 г., стр. 291 и слѣд.

соблюдали эти запреты даже въ отдаленныхъ степеняхъ—обстоятельство наглядно выступающее въ ихъ поговоркѣ: «молоко идетъ также далеко, какъ и кровь». Въ настоящее время бракъ не дозволяется только между братьями и сестрами. О такомъ же родствѣ, какъ о препятствіи вступать въ бракъ, говоритъ и статья 343 армянскихъ законовъ: «буде женихъ и невѣста—гласитъ эта статья—воспитаны будутъ одною кормилецею, то хотя бы между ними и не было родства, они не могутъ сочетаться бракомъ, ибо кормилица то-же для нихъ значитъ, что мать» [1]). Замѣтимъ, что аталычество не различаетъ кормилицы отъ кормильца, отсюда по аналогіи: кормилецъ для нихъ значитъ то же, что отецъ. Говоря о вліяніи татаръ на горское право, г. Ковалевскій приводитъ снова аналогію права этихъ народностей въ отношеніи молочнаго родства [2]).

Откуда же взяли горцы институтъ аталычества? Изъ жизни армянъ, татаръ или кабардинцевъ? [3]) Всего вѣрнѣе, что институтъ этотъ самобытный, необходимый въ первоначальной жизни всякаго народа, стоящаго на уровнѣ архаической культуры. Объ одновременномъ заимствованіи института горцами у разныхъ народностей не можетъ быть и рѣчи, а о чемъ либо подобномъ по сравненію кавказскаго права съ правомъ киргизовъ или маори'евъ, конечно, никто и не подумаетъ заговорить. Поэтому институтъ аталычества долженъ быть признанъ изстарадавнимъ институтомъ горскаго права. А если такъ, то взглядъ г. Ковалевскаго на значеніе родоваго культа предковъ оказывается не столь широко примѣнимымъ не только къ первобытному праву вообще, но и къ древнѣйшему кавказскому въ частности. Впрочемъ, изъ сказаннаго выше о религіозномъ культѣ означенное положеніе могло бы быть выведено и чисто дедуктивнымъ путемъ.

Гдѣ же, однако, въ какомъ исходномъ моментѣ лежитъ генезисъ института аталычества? Если это институтъ самобытный, примитивный, то корень его долженъ лежать въ самой примитивной культурѣ. Оно такъ и есть. Чтобы подтвердить сказанное, намъ остается привести только слѣдующія слова г. Леонтовича: «Обычай аталычества издревле практикуется у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, главнымъ образомъ у князей и дворянъ, и обусловливается всей хищнической обстановкой боевой ихъ жизни. Рѣдко бывая по долгу у семейнаго очага, хищнику горцу было не до дѣтей: онъ сдавалъ ихъ постороннему аталыку, въ школѣ котораго усвоялись питомцемъ всѣ суровыя черты и качества наѣздника горца» [4]). Оставить ребенка воспитываться дома—онъ останется въ женскихъ рукахъ и изъ него не выйдетъ джигитъ, что одно и нужно членамъ первобытнаго общества; не выйдетъ потому, что все способное къ хищничеству рѣдко сидитъ дома, а старики и женщины могутъ лишь своими разсказами нравственно закалить мальчика, физическаго же хищническяго воспитанія ему дать они не могутъ. Отсюда необходимость отдать его на сторону или убить. И то и другое практикуется первобытными народами. Отдать на сторону нужно опять-таки въ такую среду, которая выработала бы изъ мальчика—хищника, изъ дѣвочки—подругу хищника. Но вѣдь и все молодое поколѣніе на сторонѣ также рѣдко бываетъ дома, отсюда необходимость искать воспитателей среди здороваго и взрослаго населенія низшихъ слоевъ общества, даже среди рабовъ. Кавказское право всецѣло подтверждаетъ эту необходимость. Воспитателями, аталыками, эмчеками были по преимуществу члены низшихъ классовъ; для князей и старшинъ—первостепенные уздени, для послѣднихъ—уздени низшихъ степеней или чагары, крѣпостные [5]).

---

[1]) М. Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 161—162.

[2]) Ibidem, стр. 215.

[3]) Сравн. ibidem., стр. 251; Ковалевскаго, Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 283—284.

[4]) Леонтовичъ, Адаты кавказскихъ горцевъ, Одесса 1883 г., т. I, стр. 363.

[5]) Ibidem. т. II, стр. 252.

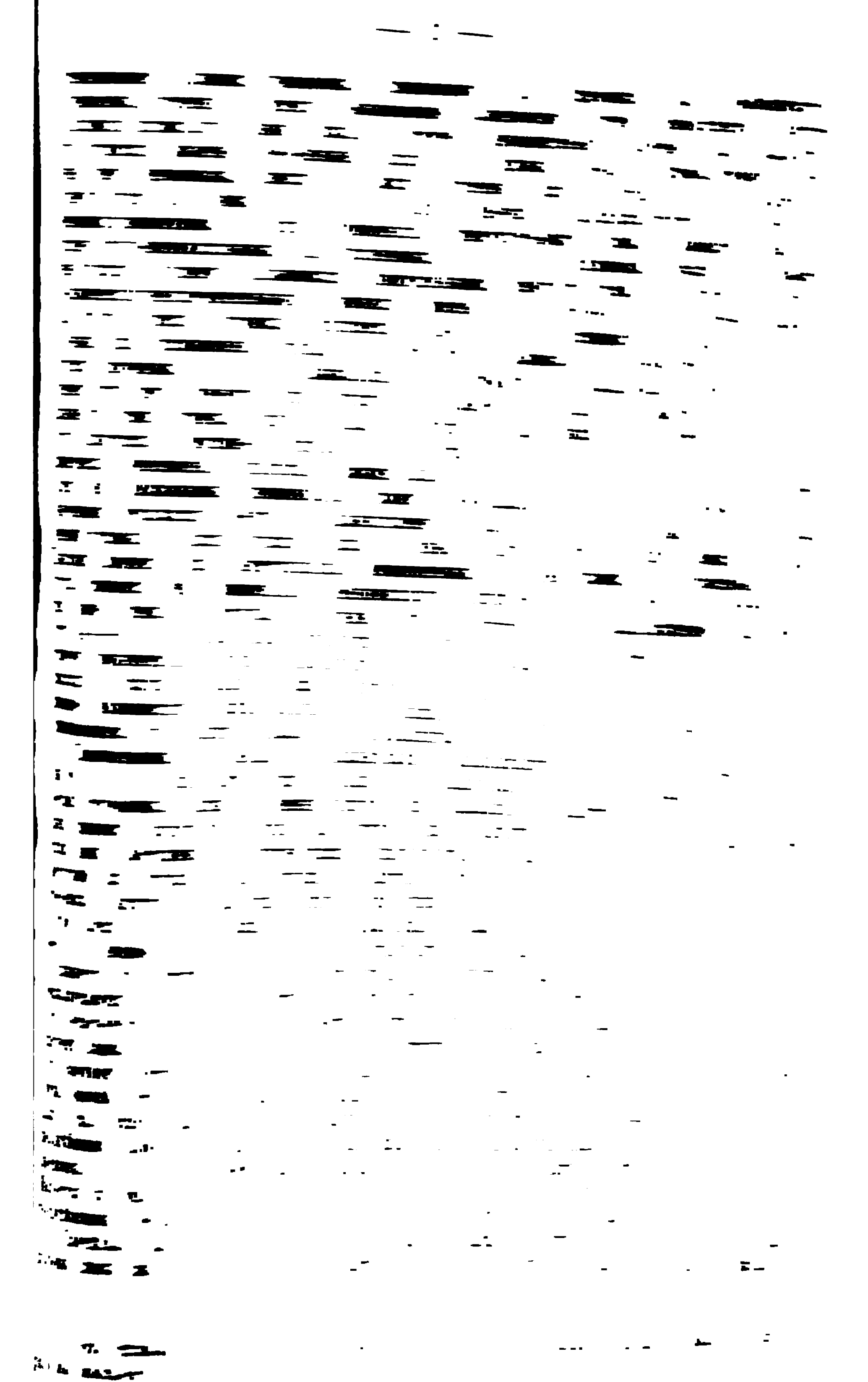
Конечно, всѣ затронутые нами вопросы требуютъ болѣе подробнаго объясненія; но такое требованіе можетъ быть предъявлено къ систематическому труду, а не къ бѣглымъ замѣткамъ, представляемымъ нами на судъ читателей. Заканчивая обозрѣніе I-й главы труда г. Ковалевскаго, скажемъ, что въ ней съ особенною тщательностью и убѣдительностью собраны данныя въ пользу установленія того положенія, что у горскихъ племенъ Кавказа материнство предшествовало развитію патернитета и агнатическаго родства и что въ самое стародавнее время у тѣхъ же племенъ господствовала форма брака по группамъ.

III.

Вторая глава I-го тома труда г. Ковалевскаго говоритъ объ общихъ чертахъ родоваго устройства Кавказа. Это устройство авторъ ставитъ въ связь съ религіозными представленіями и въ частности съ культомъ предковъ. Культу этому, какъ извѣстно, проф. Ковалевскій придаетъ значеніе не для одного только кавказскаго права. Мы указали уже выше на неправильность этого взгляда. Отмѣтимъ только, что въ одномъ мѣстѣ (т. I, отдѣлъ I, глава II, стр. 45) г. Ковалевскій находитъ, что фундаментомъ, на которомъ развилось агнатное родство, является культъ предковъ, а въ другомъ (т. I, отд. II, гл. V, стр. 195) онъ считаетъ такимъ же фундаментомъ патернитетъ.

Обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ проф. Ковалевскій развиваетъ свои взгляды на отмѣченную выше связь. Родовое устройство кавказцевъ, по мнѣнію автора, совпадаетъ во времени съ періодомъ полнѣйшаго развитія аннимизма (терминъ Тэйлора). По представленію горцевъ, умершіе продолжаютъ ту же жизнь за гробомъ. Поэтому умершіе имѣютъ свои потребности, удовлетвореніе которыхъ лежитъ на живущихъ. Умершіе предки налагаютъ обязательство мести за смерть ихъ на живущее поколѣніе. Стоитъ не удовлетворить потребностямъ умершихъ и гнѣвъ ихъ скажетъ себя въ тѣхъ или иныхъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ на судьбахъ живущаго потомства. Тогда явится нужда въ умилостивленіи предковъ. Одни изъ умершихъ предковъ являются доброжелательными для живущаго поколѣнія, другіе—зложелательными. Съ кѣмъ умершій враждовалъ при жизни, съ тѣмъ онъ будетъ враждовать и за гробомъ; отсюда партикуляризмъ культа предковъ. Необходимость постояннаго возобновленія поминальныхъ приношеній ведетъ къ необходимости постояннаго поддержанія огня, отсюда культъ очага, когда и дѣла. При партикуляризмѣ культа, послѣдній становится единственнымъ центромъ, вокругъ котораго группируется живущее поколѣніе; отсюда же обособленность и исключительность каждой группы, сконцентрировавшейся вокругъ своихъ почитаемыхъ предковъ. Сказанное связующее вліяніе культа проявляетъ себя въ различныхъ правовыхъ институтахъ. Такъ родовая месть есть ничто иное, «какъ долгъ, какъ обязанность не только совмѣстнаго, но и религіознаго характера» (стр. 34). Поэтому то черкесы, чеченцы и осетины убивали кровныхъ враговъ на самой могилѣ ихъ жертвъ. Въ ближайшее къ намъ время кабардинцы, черкесы и чеченцы отсѣкали у убійцы ухо и зарывали его въ могилу убитаго. Мститель, исполнивъ свой священный долгъ, приходилъ на могилу убитаго предка и оповѣщалъ покойника о постигшей убійцу карѣ. Не отмстить считается позоромъ, и самая месть является прямою обязанностью членовъ рода. Самое примиреніе мстителей съ обидчикомъ отражаетъ въ себѣ религіозный характеръ института мести. Обычай самопосвященія, практикуемый при этомъ, приближается къ подобному же установленію древне-славянскаго права, именно къ институту пакары [1]). Такимъ же образомъ обхожденіе очага невѣстой у черкесовъ и ингушей составляетъ необходимую часть брачнаго ритуала. Тѣмъ же значеніемъ святости очага объясняется

[1]) Описаніе его см. у Иванишева. О платѣ за убійство въ древне-русскомъ и друг. славянск. законодательствахъ сравнительно съ германскою вирою, Кіевъ 1840 г., стр. 35 и слѣд. у Щпилевскаго. союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, Казань 1866 г., стр. 75 и слѣд.



что месть вытекаетъ изъ строя первичной хищнической культуры. Человѣкъ мститъ не изъ-за велѣнія почившаго предка, а потому, почему ребенокъ бьетъ предметъ, о который онъ ударился, почему древній человѣкъ мститъ животному, причинившему ему вредъ. Самая обязательность кровомщенія вытекаетъ изъ того же хищничества, какъ выраженіе индивидуализма, существованіе котораго ошибочно отрицаетъ г. Ковалевскій вслѣдъ за почти единогласнымъ отрицаніемъ того же въ современной наукѣ примитивнаго права. Понятіе доблести, связываемое со всякимъ вредомъ, наносимымъ членомъ другой группы, ведетъ къ почету, воздаваемому особенно ревностному мстителю. Этотъ почетъ ведетъ къ сознательному и безсознательному подражанію со стороны другихъ членовъ даннаго общежитія (Карѣевъ: психическое взаимодѣйствіе). Устанавливается традиція въ дѣлѣ отправленія кровомщенія, а переходъ традиціи въ обязанность уже самъ собою понятенъ. Религіозный культъ гораздо позже лишь привходитъ къ институту мести и только болѣе освѣщаетъ ее, Что касается института покары, то и послѣдняя, не смотря на свой рѣзко религіозный характеръ, далеко не гнѣздится въ первичной религіи, какъ весьма убѣдительно доказалъ въ недавнее время г. Павинскій [1]). Наконецъ, основной доводъ г. Ковалевскаго о неупотребительности мести въ отношеніи сочленовъ одного и того же рода опровергается фактами. Постъ въ отношеніи первобытнаго права младенческихъ племенъ, Сергѣевичъ въ отношеніи древне-русскаго права и Леонтовичъ и Пфафъ въ отношеніи права кавказскихъ горцевъ приводятъ свидѣтельства совершенно обратнаго характера. Отсюда слѣдуетъ, что на позднѣйшихъ стадіяхъ развитія общественности родство исключаетъ примѣненіе кровомщенія, но нисколько не ослабляетъ примѣнимости его въ древнѣйшія времена. Подмѣченная Мэномъ связь между лицами, наслѣдующими умершему и мстящими за убитаго, связь между единеніемъ тотема, какъ учрежденія религіознаго (по Мэну и Спенсеру) и не примѣнимостью кровомщенія въ отношеніи лицъ, причисленныхъ къ одному тотему (почему то въ русскомъ переводѣ Мэна Др. Законъ и обычай этотъ терминъ изуродованъ: тотемкинъ) есть связь случайная, не вытекающая изъ сущности понятія кровомщенія и связь гораздо чаще не встрѣчающаяся, чѣмъ имѣющая въ дѣйствительности мѣсто. Трудно говорить о религіозномъ значеніи мести, когда дикари нерѣдко мстятъ своему собственному божеству [2]).

Такимъ же образомъ и положеніе примитивнаго рабства не можетъ быть поставлено въ связь съ теоріей религіознаго культа. Возникновеніе его, какъ показалъ Спенсеръ, Зиберъ, Клеммъ и друг. несомнѣнно лежитъ глубже, нежели возникновеніе самого культа. Первые рабы исключительно комплектовались изъ военноплѣнныхъ—стало быть источникъ ихъ возникновенія есть примитивное хищничество. Сохраненіе жизни военноплѣннаго порождено несомнѣнно экономическими причинами; съ точки же зрѣнія культа предковъ сохраненіе жизни плѣннаго необъяснимо; наоборотъ съ этой точки зрѣнія понятно было бы непремѣнное лишеніе жизни плѣннаго, какъ поминальная и умилостивленная жертва предку. Позднѣйшее же различіе рабовъ изъ военноплѣнныхъ отъ рабовъ купленныхъ, кабальныхъ и еще болѣе отъ рабовъ рожденныхъ въ группѣ уже не имѣетъ такого серьезнаго значенія для теоріи исключительнаго значенія религіознаго культа. Какъ явленіе весьма позднее, это различіе въ положеніи рабовъ не можетъ дать оправданій для причисленія культа предковъ къ числу первоначалъ въ дѣлѣ образованія права.

Изъ изложеннаго само собою понятно уже, что всѣ выводы г. Ковалевскаго, построенные на тѣхъ же отмѣченныхъ нами основаніяхъ и изложенные въ дальнѣйшемъ теченіи его труда, являются то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ ошибочными. Они въ большей мѣрѣ вѣрнѣе, по скольку касаются институтовъ происхожденія болѣе поздняго

---

[1]) См. Pawińskiego, O pojednaniu w zabojstwie według dawnego prawa polskiego. Warszawa 1884 г., гл. V.

[2]) См. напр. Peschel'я Völkerkunde, Leipzig. 1873. с. 258—259: Спенсера. Основанія соціологіи, изд. Тиблена 1876 г., стр. 338.

и болѣе ошибочны по скольку касаются институтовъ, имѣющихъ весь характеръ элементарныхъ правоотношеній. Не желая злоупотреблять терпѣніемъ читателя, мы не станемъ слѣдовать шагъ за шагомъ за этими выводами автора, съ насъ достаточно сказаннаго выше и сказаннаго въ общей формѣ.

Особенно интересными являются слѣдующія обобщенія г. Ковалевскаго: «Культъ общихъ предковъ является для рода тѣмъ связующимъ началомъ, какое большинство изслѣдователей родовыхъ отношеній тщетно искали въ фактѣ происхожденія отъ одного общаго начальника. Если принять во вниманіе, что большинство родовъ развилось изъ экзогамическихъ группъ, которымъ было извѣстно только родство по матери; если имѣть въ виду, что путемъ добровольнаго присоединенія (въ этомъ и только въ этомъ отношеніи содержится доля правды въ теоріи договорнаго возникновенія общества) къ сильному своей численностью роду другихъ болѣе слабыхъ родовъ (во II т. труда г. Ковалевскаго приведено много фактовъ этого рода), точно также какъ путемъ неоднократно повторяющихся случаевъ усыновленія членовъ чужихъ родовъ, чистота крови въ предѣлахъ рода становится фактически невозможной, то не мудрено будетъ придти къ заключенію, что нѣтъ основанія говорить о кавказскомъ родѣ, какъ о продуктѣ естественнаго размноженія семьи. Теорія рода, какъ результатъ постепеннаго развитія первичной, семейной ячейки, состоящей изъ мужа и жены, теорія, на несостоятельность которой указано было мною въ моемъ: «Первобытномъ правѣ», отнюдь не можетъ быть защищаема на основаніи кавказскаго матерьяла. Правда, на Кавказѣ, въ особенности среди дворянскихъ семей, не разъ попадаются геологическія (вѣроятно генеалогическія) дерева; «но кавказскія генеалогіи ничего не говорятъ намъ о первоначальномъ происхожденіи родовъ и совершенно могутъ быть оставлены въ сторонѣ при рѣшеніи этого вопроса. Гораздо больше значенія для его рѣшенія имѣютъ ходячія среди горцевъ сказанія о «великанахъ» или «нартахъ». Сказанія эти рисуютъ намъ рядъ выдающихся личностей въ которымъ со всѣхъ сторонъ стекаются и родственники и чужеродцы, съ тѣмъ, чтобы подъ ихъ покровительствомъ совершать удачные набѣги на сосѣдей. Такъ развивается дѣятельность этихъ первыхъ «собирателей если не земли, то людей». Со всѣхъ сторонъ стекаются къ нимъ безъ разбора родственники и чужеродцы, не только съ цѣлію совершать подъ ихъ начальствомъ случайные набѣги на сосѣдей, но и для того, чтобы образовать изъ себя постоянные союзы, охотно переходящіе отъ самозащиты къ нападенію. Осетинскія сказанія, записанныя Миллеромъ, не разъ упоминаютъ о нартскихъ дружинахъ и рѣшеніяхъ, принимаемыхъ ими соборне на народныхъ сходкахъ или ныхасахъ. Ихъ наѣзды (больцы) нерѣдко происходятъ подъ предводительствомъ какого нибудь выдающагося вождя, на котораго указываетъ не только возрастъ, но и сложившаяся о немъ молва». «Общее представленіе, какое выносишь о дѣятельности этихъ народныхъ героевъ въ дѣлѣ объединенія разрозненныхъ элементовъ общества, довольно близко къ тому, какое получаешь при изученіи порядка возникновенія родовъ Раджпутовъ или клановъ Шотландіи. Вокругъ смѣлаго витязя собирается пестрая по своему составу меньшая дружина. Съ нею онъ производитъ свои набѣги, уводитъ у сосѣдей стада овецъ и табуны лошадей; похищаетъ издалека и вблизи дѣвушекъ чужихъ материнскихъ родовъ; съ нею же онъ пируетъ въ тѣ рѣдкіе промежутки времени, которые собранная имъ дружина проводитъ въ мирѣ и спокойствіи. Ожиданіе ежечаснаго возмездія не дозволяетъ ему распустить своихъ товарищей, почему его дружина переходитъ постепенно въ постоянное сообщество, всегда готовое сняться съ мѣста и идти войною на общаго врага. Чѣмъ больше растетъ слава о его подвигахъ и доблести, тѣмъ большее число лицъ спѣшитъ стать подъ его начальство. Собравшаяся вокругъ него толпа не представляетъ собою ничего однороднаго; ее связываетъ воедино только общность опасностей и враговъ, общее довѣріе и нерѣдко привязанность къ руководителю или вождю». Рано или поздно вождь этотъ сходитъ со сцены; память о немъ долго еще живетъ въ живущемъ поколѣніи; о немъ складываются былины; онъ становится предметомъ почитанія. Отсюда недалеко съ одной стороны до культа, съ другой до фикціи, по которой послѣдующія поколѣнія считаютъ себя происходящими отъ одного общаго родоначальника—славнаго витязя, джигита (т. I, стр. 45—50). Описывая устрой-

ство Дагестана, г. Ковалевскій говоритъ, что теорія, рисующая родъ развѣтвленіемъ единаго ствола, представляемаго семьею родоначальника, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ фактами. Многіе роды не носятъ совершенно генетическихъ наименованій, многіе принимаютъ тѣ или другія прозвища, смотря по характеру ихъ занятій или по мѣсту ихъ первоначальнаго поселенія. Въ тѣхъ аулахъ, которые ведутъ свое происхожденіе отъ опредѣленнаго родоначальника, послѣднимъ является какой-либо изъ знаменитѣйшихъ предковъ, лицо, прославившееся своею храбростью или другими качествами. Это въ народномъ смыслѣ «герой», въ родѣ героевъ, изображаемыхъ въ былинахъ, сагахъ, эпическихъ и полу-миѳическихъ сказаніяхъ и проч. «Вокругъ выдающагося вождя группируется большее или меньшее число не всегда родственныхъ между собою семей, которыя на разстояніи немногихъ (скорѣе многихъ) поколѣній считаютъ себя его потомствомъ» (т. II, стр. 148—150).

Все приведенное г. Ковалевскимъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что не въ культѣ, возникающемъ сравнительно поздно, («послѣ немногихъ поколѣній») и не въ экономическихъ принципахъ, каковыми нельзя считать мотивы группировки, указанные въ приведенныхъ цитатахъ («союзы защиты, охотно переходящіе къ нападенію», увозъ скота, табуновъ, женщинъ и проч.), нужно видѣть связующее начало первоначальнаго рода; что культъ предковъ и хозяйственныя стремленія (первообразъ экономики) являются началами позднѣйшими, привходящими,—освящающими или измѣняющими существующія установленія сообразно своей особенной природѣ, что эти начала являются правозиждущими моментами лишь съ того времени, когда въ большей или меньшей мѣрѣ упрочился общественный миръ—одно изъ первыхъ условій для спокойнаго отправленія культа или хозяйственныхъ стремленій. Въ частности въ отношеніи образованія общежитій мы видимъ, что культъ, какъ явленіе болѣе позднее, чѣмъ самое общежитіе, не можетъ быть признанъ тѣмъ ферментомъ, который собираетъ членовъ группы вокругъ одного центра. Къ совершенно инымъ заключеніямъ, однако, приходитъ проф. Ковалевскій. «Изъ сказаннаго слѣдуетъ, говоритъ онъ, что въ процессѣ возникновенія кавказскихъ родовыхъ группъ (собственно перехода материнскихъ общежитій въ родовыя организаціи, сравн. т. II, стр. 148 и слѣд.) культъ предковъ призванъ былъ играть далеко не послѣднюю роль. Въ немъ, а не въ совершенно произвольномъ представленіи о единствѣ происхожденія и крови слѣдуетъ видѣть то скрѣпляющее начало, благодаря которому случайно сошедшаяся группа лицъ, перешла въ постоянный союзъ круговой поруки, извѣстный намъ подъ названіемъ родоваго союза (т. I, стр. 51 и ссылка на Ковалевскаго «Первобытное право» ч. I, стр. 85) [1]. Намъ кажется, однако, что выводъ этотъ вовсе не вытекаетъ изъ всего сказаннаго г. Ковалевскимъ и приведеннаго нами почти сплошь in extenso. На сколько это справедливо, предоставляемъ судить читателю.

Чуть ли не лучшимъ мѣстомъ изъ книги г. Ковалевскаго нужно считать изложеніе имъ вопроса о характерѣ отношенія въ эпоху родоваго устройства человѣка къ землѣ. Этому вопросу и связаннымъ съ нимъ вопросамъ объ аграрномъ коммунизмѣ и семейно общинномъ устройствѣ г. Ковалевскій посвящаетъ нѣсколько весьма интересныхъ страницъ (стр. 52—68), къ которымъ мы и отсылаемъ любознательнаго читателя, имѣя въ виду, что мы не приняли на себя задачи написать полный отчетъ о всѣхъ вопросахъ, разсматриваемыхъ проф. Ковалевскимъ. Сдѣлать послѣднее значило бы написать такихъ же два объемистыхъ тома, что̀ очевидно идетъ въ разрѣзъ съ задачею нашихъ замѣтокъ.

Не менѣе интереснымъ является вопросъ о примѣненіи самоуправства въ сферѣ имущественныхъ и личныхъ обидъ,—вопросъ, которому много страницъ посвящено во второмъ томѣ разбираемаго труда. Здѣсь мы скажемъ, что (обстоятельство прочно установленное въ наукѣ) указанное самоуправство не стоитъ въ непремѣнной связи съ родовымъ устройствомъ общежитій. И до него существовалъ тотъ же самосудъ, та-же месть, то-же возмездіе и самовольное востановленіе нарушенныхъ правъ.

---

[1]) Сравн. статью Каутскаго въ Сѣв. Вѣстн. 1891, № 10.

По вопросу о первобытномъ вѣчевомъ устройствѣ кавказскихъ горцевъ г. Ковалевскій утверждаетъ, что «кавказская этнографія нимало не подтверждаетъ ходячаго ученія о томъ, что на раннихъ ступеняхъ общежитія судебная власть составляетъ аттрибутъ всего собравшагося на сходку народа» (т. I, стр. 74). Эта этнографія выдвигаетъ на первый планъ институтъ посредничества, третейства въ дѣлѣ суда; откуда необходимость въ присяжничествѣ и поручительствѣ, какъ залогѣ исполненія маслачатнаго рѣшенія. Скажемъ только, на что было указано нами выше, что если кавказская этнографія и не подтверждаетъ теоріи о древнѣйшемъ народоправствѣ, то это еще не значитъ, что она отрицаетъ эти теоріи. А если такъ, то вѣчевое устройство Кавказа пріобрѣтаетъ лишь интересъ спеціальный, теряя характеръ матерьяла, пригоднаго для обобщеній въ дѣлѣ изложенія системы общаго первобытнаго права.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи перваго тома г. Ковалевскій даетъ полное научнаго интереса и значенія изслѣдованіе о тѣхъ культурныхъ вліяніяхъ, которые преобразовали адатное первоначальное право. Нѣкоторые изъ выводовъ, дѣлаемыхъ при этомъ г. Ковалевскимъ, вызываютъ возраженія, но мы этихъ возраженій не дѣлаемъ, потому что, по крайней мѣрѣ въ отношеніи аналогіи права, самъ авторъ сознаетъ, что всякое древнее право вообще и въ особенности право арійскихъ народностей запечатлѣно извѣстнымъ характеромъ, который неизмѣнно повторяется законодательствами и обычаями народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія или принадлежащихъ къ общему племенному стволу. При этихъ условіяхъ, продолжаетъ г. Ковалевскій, трудно сказать съ опредѣленностью, что то или другое учрежденіе воспроизводитъ собою особенности правовыхъ воззрѣній того, а не иного народа, что оно непремѣнно иранское по источнику, а не обще-арійское и даже обще-человѣческое. Въ томъ смыслѣ, что равно свойственно всѣмъ народамъ, переживающимъ родовую фазу общежитія (т. I, стр. 106). Укажемъ для примѣра на аналогію горскаго права съ Моисеевымъ правомъ древнихъ евреевъ въ примѣнимости кровомщенія къ животному, причинившему вредъ. Здѣсь трудно говорить о культурномъ вліяніи и о заимствованіи, ибо, если оно даже и имѣло мѣсто, то вмѣняемость животныхъ за содѣянное ими зло—явленіе на столько распространенное и притомъ не рѣдко въ обычномъ правѣ такихъ народностей, которыя никогда ни прямо, ни косвенно не подвергались вліянію библейскаго права, что явленіе это должно быть признано за одно изъ общечеловѣческихъ учрежденій въ томъ именно смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Ковалевскій (т. I, стр. 155—157). Наиболѣе серьезное значеніе для современнаго кавказскаго права, имѣло вліяніе писаннаго арабскаго права посредствомъ шаріата. Въ этомъ отношеніи является чрезвычайно важною вся шестая глава перваго тома, которая раскрываетъ путемъ тонкаго анализа много случаевъ вліянія шаріата на адатъ и измѣненія послѣдняго подъ вліяніемъ писаннаго Магометова права. Достойно при этомъ замѣчанія, что шаріатъ при всемъ громадномъ значеніи своемъ не былъ въ состояніи отмѣнить адата въ сферѣ уголовнаго права; выводъ этотъ имѣетъ громадное практическое значеніе и служитъ главнымъ содержаніемъ главы VIII, въ которой авторъ довольно основательно осуждаетъ покровительство адатному праву, несовмѣстному съ чувствомъ справедливости и правомѣрности, отъ которыхъ не въ состояніи, да и не долженъ отрѣшиться современный судья.

IV.

Мы указали уже выше, что появившіяся въ 1888 г. въ Юр. Вѣстн. статьи г. Ковалевскаго: «Пшавы» и «Родовое устройство Дагестана» вошли цѣликомъ во 2-ой томъ разбираемаго нами нынѣ сочиненія. Въ виду этого мы считаемъ возможнымъ не слѣдить шагъ за шагомъ за выводами автора, а останавливаться лишь на нѣкоторыхъ особенно важныхъ мѣстахъ. Однимъ изъ такихъ мѣстъ является объясненіе авторомъ причины широко практикуемаго Сванетами похищенія женщинъ. Г. Ковалевскій объясняетъ это недостаткомъ женщинъ у Сванетовъ, ближайшей причиной чего авторъ считаетъ долго державшійся у Сванетовъ обычай убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, оставляя въ живыхъ однихъ только мальчиковъ. Хотя при этомъ г. Ковалевскій и не раз-

дѣляетъ всецѣло давно извѣстныхъ воззрѣній на этотъ предметъ Макъ-Ленана, исходящаго изъ «неспособности женщинъ служить ближайшей цѣли древнѣйшихъ сообществъ—внѣшней оборонѣ», но тѣмъ не менѣе и самъ онъ приписываетъ указанный обычай чисто экономическому принципу: временному недостатку средствъ къ жизни. Скажемъ, что, хотя теорія Макъ-Ленана и не выдерживаетъ строгой критики, оставляя безъ вниманія съ одной стороны статистическій законъ большей естественной смертности среди мальчиковъ, что должно вести къ уравненію численности половъ, если дѣйствительно убивались только дѣвочки; съ другой цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о практикѣ убійствъ новорожденныхъ мальчиковъ (при особыхъ условіяхъ), на что указывали Мэнъ и Леббокъ [1],—то воззрѣніе г. Ковалевскаго еще менѣе можетъ быть признано правильнымъ. Одно изъ главныхъ, основаній служащихъ къ подобному выводу, есть именно то, что «временный» недостатокъ средствъ къ жизни не въ состояніи повести къ «постоянному» обычаю. А обычай дѣтоубійства, какъ показываютъ факты, отличается характеромъ постоянства и широкой распространенности, доходя до огульнаго и слѣпаго истребленія нарождающагося поколѣнія, какъ это видно на примѣрѣ обычаевъ океанійскихъ племенъ. Самая экзогамія, какъ показалъ въ недавнее время голландскій ученый Вилькенъ, объясняется совершенно другими причинами, нисколько не сходными съ приведенными г. Ковалевскимъ.

Отмѣтимъ, что г. Ковалевскій примыкаетъ къ господствующей школѣ ученыхъ, отрицающихъ какое бы то ни было проявленіе индивидуализма въ примитивной жизни (см. напр. т. II, стр. 82 — 83 стр. 162). Господствующая школа утверждаетъ, что примитивное право не знало ни индивидуальнаго имущества, ни индивидуальнаго брака, ни индивидуальной семьи, ни индивидуальной вины, ни индивидуальной отвѣтственности. Субъектомъ правъ былъ только родъ, а не личность; личность сама по себѣ была нулемъ и лишь какъ членъ рода она пріобрѣтала извѣстное значеніе. Но какое? На это не даетъ отвѣта господствующая школа. Разъ членъ рода имѣетъ какое-либо, хотя самое минимальное значеніе, то послѣднее въ чемъ-нибудь должно проявиться. Иначе говоря, личность какъ личность является чѣмъ то пріуроченнымъ къ понятію права—это съ одной стороны; а имѣя значеніе (хотя бы самое минимальное—хотя послѣднее ограниченіе и не справедливо) она становится источникомъ образованія права—это съ другой. Въ связи съ только что указаннымъ—приведенный выше упрекъ г. Муромцева Посту въ односторонности пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Нужно, правда, сказать, что вопросъ о положеніи индивидуализма въ примитивномъ правѣ на столько вопросъ серьезный и коренной для всей системы первоправа, что требуетъ болѣе строгаго отношенія къ нему и болѣе подробнаго и всесторонняго обсужденія, чему конечно здѣсь не мѣсто.

То же отсутствіе индивидуализма г. Ковалевскій находитъ и въ первобытномъ уголовномъ правѣ, т. е. въ томъ правѣ, въ которомъ адатъ наиболѣе сохранился въ горской жизни. Поэтому 4 и 5 главы 2-го тома труда г. Ковалевскаго пріобрѣтаютъ особенное значеніе для науки первобытнаго права. Не отмѣчая здѣсь тѣхъ недостатковъ въ изложеніи г. Ковалевскаго, которые вытекаютъ изъ основныхъ его воззрѣній на значеніе религіознаго культа, замѣтимъ, что указанное выше свое воззрѣніе на религіозное значеніе кровомщенія г. Ковалевскій повторяетъ здѣсь съ особенною подробностью (т. II, стр. 225—233 и др.). Отмѣтимъ еще слѣдующее. «Отсутствіе кровомщенія, говоритъ г. Ковалевскій, въ родственной средѣ составляетъ характерную особенность той стадіи общественнаго развитія которую привыкли обозначать терминомъ родовой. Находя подтвержденіе себѣ въ рядѣ данныхъ, источникомъ которыхъ служитъ какъ этнографія, такъ и древнѣйшая исторія права, это положеніе съ удобствомъ можетъ быть выведено и дедуктивнымъ путемъ изъ общихъ началъ родоваго устройства и древнѣйшаго представленія о преступленіи и возмездіи. На родовой стадіи общежитія нѣтъ

[1] Смотр также Ефимова, Очерки древне-римскаго родства и наслѣдованія., Спб. 1885 г., часть общая; Ф. Каутскаго статью о возникнов. брачныхъ отнош. (Сѣв. Вѣстн. 1891 г. № 9.).

мѣста для индивидуализма, а потому самому и для личной отвѣтственности; мѣсто ея занимаетъ отвѣтственность кровныхъ союзовъ рода и семьи. Преступное дѣйствіе, каково бы ни было его содержаніе, является нарушеніемъ не индивидуальнаго, а коллективнаго интереса. Но родовое возмездіе мысленно лишь подъ условіемъ примыканія (примѣненія?) его къ членамъ чужаго рода. Родъ самому себѣ не можетъ быть мстителемъ. Иначе въ результатѣ получалась бы двойная потеря для рода: потеря члена, унесеннаго преступленіемъ, и потеря искупляющей эту потерю жертвы» (т. II, стр. 264). Выше мы имѣли случай указать, что ни этнографія, ни древнѣйшая исторія права не подтверждаютъ вывода г. Ковалевскаго. Точно такимъ образомъ односторонность и неправильность обобщенія господствующей школы объ исключительно «роевомъ» (гр. Толстой; Карѣевъ: Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, вып. I, Спб. 1890 г., гл. II, стр. 37—57) устройствѣ всѣхъ примитивныхъ правоотношеній уничтожаетъ правильность вышеприведенной дедукціи. Факты примѣнимости кровомщенія въ предѣлахъ родственнаго союза такимъ образомъ уничтожаютъ правильность обобщенія: «роды и нераздѣльныя семьи (задруги) одни являлись субъектами правъ» [1]).

Заканчивая нашу замѣтку о трудѣ г. Ковалевскаго, мы остановимся еще только на слѣдующемъ. Въ послѣдней главѣ втораго тома авторъ между прочимъ говоритъ: «въ нашемъ же (древне-русскомъ) древнѣйшемъ сводѣ объ убійствѣ и даже членовредительствѣ въ примѣненіи къ вору нѣтъ и помину. Все чего онъ требуетъ это уплаты потерпѣвшему вознагражденія, такъ называемой «татьбы», а князю денежной пени, «продажи», которая только въ случаѣ конокрадства замѣняется выдачей виновнаго головой или, такъ называемымъ, «потокомъ» (и «разграбленіемъ»?) (т. II, стр. 292).

Если мы обратимся къ указанному авторомъ древнѣйшему своду, Русской Правдѣ, то встрѣтимъ въ ней слѣдующее постановленіе: если убьютъ огнищанина при кражѣ, то убить его «въ пса мѣсто» [2]). Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г. говорится: «которыи Роусинъ или Латинескыи имьть татя, надъ тѣмъ ему своя вѣля, камь его хочеть, тамъ дѣжеть» [3]). «Коротко и ясно, говоритъ по поводу приведенной статьи г. Долопчевъ: неограниченнѣе подобнаго произвола нельзя придумать» [4]). Намъ кажется, что приведенныя данныя въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что въ первобытномъ русскомъ правѣ собственнику было дано полное право убить вора. Неправильно также выраженіе г. Ковалевскаго о примѣнимости потока вообще къ конокрадству. Разсматривая статьи Русской Правды, напр., приведенную 20 ст. Акад. списка, мы видимъ, что конокрадство не всегда влекло за собою потокъ. Отсюда необходимо различать, какой конь украденъ. Если это былъ конь боевой—не только имущество, но и неразлучный товарищъ, правая рука хищника-дружинника, то вора постигала самая страшная въ примитивное время кара—потокъ и разграбленіе, «страченье шыи и вываланье» (Литовск. Стат.), aquae et ignis interdictio. Если же это былъ обыкновенный рабочій конь изъ общинныхъ табуновъ, то тогда кража подводилась подъ понятіе вообще татинскаго дѣла (аналогичн. съ древне-римскимъ понятіемъ о furtum).

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ книга г. Ковалевскаго представляетъ, однако, столько выдающихся и глубоко научныхъ достоинствъ, что мы увѣрены въ томъ, что

---

[1]) Съ необходимою по важности предмета подробностью вопросъ этотъ разсмотрѣнъ нами въ трудѣ: «Очерки первобытнаго права» и въ этомъ отношеніи мы съ особеннымъ интересомъ будемъ ждать выводовъ научной критики.

[2]) Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. II, Кіевъ 1885 г. изд. 3-е стр. 30, статья 20; Калачовъ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія текста Русской Правды, ст. LXXXV; Гинцбургъ. Текстъ Русской Правды съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ, Спб. 1888 г., стр. 12.

[3]) Владимірскій-Будановъ, Idem, стр. 107, статья 32.

[4]) Долопчевъ, о правѣ необходимой обороны, Юр. Вѣстн., 1874 г., № 11—12, стр. 37.

будущая наука первобытнаго права будетъ широко черпать изъ этой книги данныя для своихъ построеній. Что касается практическаго значенія книги, то оно еще выше, и въ этомъ отношеніи мы смѣло могли бы рекомендовать всѣмъ оффиціальнымъ дѣятелямъ на Кавказѣ сдѣлать для себя трудъ г. Ковалевскаго настольною книгою.

Семенъ Гальперинъ.

Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго, 16°. 63 стр. Воронежъ, 1892 (отд. отт. изъ «Фил. Зап.»).

Kobieta w piesni ludowej. Napisała Kazimira Skrzynska. 12° 100 стр. Warszawa («Biblioteka Wisly», tom. VIII).

Современный великоруссъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. .I Весина («Русская Мысль» 1891 г., сент. и окт.).

Старая истина, что характеръ народа выражается въ его пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ; но остается вопросомъ, въ какой мѣрѣ народная пѣсня можетъ служить матеріаломъ для описанія народнаго быта.

Посмотримъ на бытовую пѣсню, рисующую по преимуществу внутреннія стороны жизни народа,—въ частности на пѣсню любовную.

Прежде всего эта пѣсня—выраженіе личныхъ чувствъ поющаго; въ ней изображается природа—какъ она кажется поющему; характеризуются отношенія между людьми—опять какъ они кажутся поющему въ данную минуту; однимъ словомъ, пѣсня прежде всего — поэтическое произведеніе чисто субъективное; вслѣдствіе чего она рисуетъ не столько дѣйствительную жизнь, сколько отношеніе къ ней пѣвца.

Далѣе въ большинствѣ случаевъ пѣсня слагается изъ двухъ основныхъ элементовъ: 1) изъ образа-символа, большею частью въ запѣвѣ пѣсни, и 2) изъ объясняемыхъ этимъ образомъ бытовыхъ чертъ. Напримѣръ:

Рабина, рабинушка,
Рабина моя;
Чему ты, рабинушка,
Рано отцвѣла?—

Дзѣўчина, дзѣўчинушка,
Дзѣўчина моя,
Чему ты, дзѣўчинушка,
Засмуцилася?

Шейнъ, Бѣлор. п., стр. 240.

или

Не пора-ли вамъ, туманы,
Со синя моря долой?
Вамъ не время-ли, ребята,
Со гуляньица домой?

или еще:

(*Смирновъ*, Пѣсни кр. Костр. г., стр. 76; тоже у *Якушкина* П. Собр. соч. стр. 632).

Не копавши криниченьки, водиці не пити;
Не сватавши дівчиноньки, зъ нею не жити.

(Чубинск. V, 311).

Вмѣстѣ съ ростомъ языка, съ движеніемъ жизни народной, первоначальное значеніе образа-символа постепенно забывается, теряется; онъ можетъ искажаться до неузнаваемости и, потерявъ общій смыслъ, смѣшиваться съ другими; въ то же время самый бытъ, черты котораго отразились въ пѣснѣ, также измѣняется; жизнь вноситъ въ пѣсню новыя черты, которыя, однако, по свойственному пѣснѣ консерватизму, не

вытѣсняютъ старыхъ; получается странная смѣсь стараго и новаго, живущаго и отжившаго. Наконецъ, по потерѣ значенія образа-символа, изъ обрывковъ, изъ лоскутьевъ старыхъ пѣсенъ лишь на основаніи единства въ нихъ размѣра и напѣва часто составляются новыя пѣсни.

«Наша пѣсня, говоритъ А. Н. Веселовскій, въ томъ періодѣ своего развитія, по крайней мѣрѣ въ какомъ мы теперь ее знаемъ и записываемъ, не представляетъ ничего законченнаго: пока она поется, она претворяется, постоянно измѣняясь, творясь на ново».

Отсюда ясно, почему, имѣя право пользоваться пѣсней для общей характеристики народа, мы не можемъ характеризовать на основаніи ея свидѣтельства отдѣльныхъ моментовъ его жизни, напримѣръ, настоящаго времени, не изучивъ состава пѣсни и не выдѣливъ изъ нея древнихъ, уже отжившихъ чертъ.

Все вышесказанное можно примѣнить и къ пословицѣ. Пословицы—весь запасъ ихъ—сложились вѣками и характеризуютъ цѣлые ряды пережитыхъ народомъ эпохъ. Кромѣ того, по народному выраженію—«на пословицу, что на дурака, закона нѣтъ», одна пословица часто противорѣчитъ другой, смотря по тому, кѣмъ каждая изъ нихъ сложена, при какихъ условіяхъ и кѣмъ повторяется. Сравните, напримѣръ, общественныя пословицы, сложенныя мужчинами о женщинахъ, съ сложенными наоборотъ, женщинами относительно мужчинъ. Понятно, рисовать цѣлыя картины быта и воззрѣній народа по пословицамъ разныхъ эпохъ является задачей менѣе всего научной. Трудъ, построенный на такихъ основаніяхъ, какъ пѣсня и пословица, не можетъ дать ничего опредѣленнаго.

Опытами подобныхъ картинъ быта по произведеніямъ народнаго творчества являются первые два изъ названныхъ выше сочиненій.

Уже судя по цвѣтистому заглавію книжки г. Желобовскаго можно догадываться о содержаніи ея: это, собственно говоря, взглядъ и нѣчто по поводу и на основаніи нѣсколькихъ сборниковъ пѣсенъ и пословицъ.

Въ краткомъ вступленіи авторъ объясняетъ, что̀ побудило его предпринять работу. Онъ указываетъ на то, что пословицы во всемъ своемъ богатствѣ мало знакомы читающей публикѣ и что онъ желаетъ представить въ связи тѣ изъ нихъ, которыя касаются семейнаго быта русскаго народа. Въ первой главѣ, сказавъ объ отраженіи земледѣльческаго быта въ цѣломъ рядѣ пословицъ, онъ говоритъ о положеніи женщины въ семьѣ, какъ хозяйки и главы дома и вслѣдствіе односторонняго пользованія матеріаломъ—представляетъ семью и женщину, ея отношенія къ мужу въ идеальномъ свѣтѣ. Вторая глава посвящена выясненію взаимныхъ отношеній дѣтей и родителей, сначала по пословицамъ; далѣе авторъ обращается къ другимъ источникамъ: цитируетъ былины, «Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи», знакомую ему по «Очеркамъ» Буслаева, «Исторію» Соловьева (выписка въ три страницы). Вскользь авторъ здѣсь говоритъ еще о роли брата въ семьѣ и объ отношеніи его къ сестрѣ. Третья глава представляетъ описаніе хозяйства и домоправительства въ крестьянской семьѣ, главнымъ образомъ по Энгельгардту («Письма изъ деревни») съ «историческими» ссылками на «Слово о Полку Игоревѣ» и на «Судъ Любуши» (!). Въ ней авторъ касается очень интересныхъ сторонъ быта нашей крестьянской семьи: онъ говоритъ объ отношеніи главы дома къ взрослымъ сыновьямъ, о взаимныхъ отношеніяхъ братьевъ въ семьѣ, о несогласіи женщинъ въ домашней жизни, о раздѣлахъ—этомъ больномъ мѣстѣ въ бытѣ нашей деревни; но и здѣсь сужденія автора, на сколько они основаны на пословицахъ и пѣсняхъ, выходятъ односторонними и рисуютъ не истинный бытъ, а идиллическую картину. Авторъ въ этой главѣ говоритъ еще о положеніи вдовы, дѣвушки, о крестьянской свадьбѣ. Въ четвертой главѣ авторъ переходитъ къ описанію семейной жизни сословій, населяющихъ города, говоритъ о семьяхъ мѣщанскихъ, купеческихъ, служилыхъ людей пользуясь безъ разбора, безъ малѣйшей критики, тѣми памятниками древней письменности, какіе первые подвернулись ему подъ руку. Задача автора здѣсь—показать «какъ именно измѣнилась крестьянская семья въ другихъ сословіяхъ и что̀ было причиною этого измѣненія». Смѣло рѣшая вопросъ, авторъ считаетъ главной причи-





кой—«отсутствіе участія жены въ трудахъ мужа». Сопоставляя данныя пѣсенъ и Домостроя, авторъ такъ характеризуетъ женщину въ городской и крестьянской жизни: «здѣсь—ничтожное, слабоумное существо, которое не только не можетъ дать совѣтъ, но сама нуждается въ постоянномъ наученіи и наставленіи; тамъ (въ крестьянствѣ)—товарищъ въ общей работѣ».

Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе пожеланіемъ, чтобы женщина твердо и неуклонно шла на пути къ независимости, и указаніемъ, что значеніе женщины въ обществѣ поднимется только благодаря трудамъ ея для благосостоянія семьи.

Въ общемъ работа г. Ж. имѣетъ видъ фельетона; литература вопроса, интересующаго автора, не указана; лишь кой-гдѣ случайныя ссылки на случайныя пособія.

Нѣсколько иной харатееръ имѣетъ книжка г-жи Скшиньской. Это трудъ болѣе самостоятельный. Въ небольшомъ вступленіи она заявляетъ, что образъ женщины изъ народа очень мало знакомъ публикѣ, и что поэтому она рѣшается «приподнять край завѣсы таинственнаго міра»—познакомить публику съ характерными чертами польской крестьянки. Авторъ не знаетъ лучшаго матеріала, чѣмъ пѣсня: «пѣсня, говоритъ онъ, есть зеркало жизни народа, и въ ней слѣдуетъ искать его идеаловъ».

Сначала г-жа С. дѣлаетъ общую характеристику польской деревенской женщины и дѣвушки; далѣе изображаются ею чувства, наполняющія сердце крестьянки. На первомъ планѣ стоитъ «любовь къ Богу, которая выражается въ беззавѣтной вѣрѣ въ Его Провидѣніе». Второе мѣсто въ сердцѣ польской крестьянки занимаетъ любовь къ матери, къ отцу, братьямъ, другимъ родственникамъ и наконецъ уже, на послѣднемъ мѣстѣ—къ избраннику сердца. Послѣ этого авторъ изображаетъ замужнюю жизнь, положеніе жены въ семьѣ мужа и отношенія къ молодой ея новой родни. Эта часть въ книжкѣ г-жи С. страдаетъ нѣкоторой безсвязностью и неопредѣленностью.

Въ общемъ у автора въ изображеніи быта польской семьи изъ народа господствуетъ какое-то идиллически-мечтательное настроеніе, которое, въ соединеніи съ цвѣтистымъ и вычурнымъ порой языкомъ, на читателя производитъ странное впечатлѣніе. Передъ нимъ не обычная картина жизни крестьянина, а какая то идиллія во вкусѣ прошлаго вѣка. Напримѣръ, мы читаемъ слѣдующее: «дѣвушка искренне любитъ окружающую ее природу, знаетъ, что эта благородная подруга не выдастъ тайны и терпѣливо ее выслушаетъ. Она беретъ ее свидѣтельницей клятвъ любви, спрашиваетъ у нея совѣта при безпокойствѣ и имѣетъ въ ней посредника и повѣреннаго въ каждой эпохѣ своей жизни. Дѣвушка ведетъ съ нею долгія бесѣды, прекрасно понимая ея отвѣты, выслушанные въ шорохѣ листьевъ, въ шумѣ вѣтра или въ голосѣ животныхъ». Или: «о всѣхъ нуждахъ ребенка заботится мать; она въ домѣ—божество, отъ котораго все зависитъ и которому все молится».

Въ концѣ своей книжки (съ стр. 92) авторъ пересказываетъ нѣсколько народныхъ балладъ, записанныхъ ею въ Люблинскомъ уѣздѣ; первая изъ нихъ, судя по пересказу,—имѣетъ сюжетъ сходный съ сюжетомъ Шекспировскаго «Лира»; затѣмъ изложены пѣсни на слѣдующія темы; братъ, узнавъ о преступленіи сестры, совершенномъ ею въ его отсутствіе, убиваетъ ее; братъ мститъ соблазнителю сестры; любовникъ уговариваетъ дѣвушку отравить ея брата, который мѣшаетъ ихъ связи; по совершеніи этого преступленія преступницу, обличаетъ пѣсенка птицы; дѣвушка убиваетъ незаконнаго ребенка; злая мачиха,—пѣсни, отчасти извѣстныя уже изъ напечатанныхъ у Кольберга [1]) и друг. Во всѣхъ этихъ балладахъ такъ или иначе характеризуется женщина. Но конечно, они не могутъ служить ни для характеристики крестьянки Люблинскаго уѣзда, ни вообще польской крестьянки: это пѣсни на такъ называемыя странствующія темы, пѣсни общія всѣмъ славянскимъ, а отчасти и не-славянскимъ народамъ западной Европы. Было бы лучше, если-бы авторъ напечаталъ цѣликомъ эти баллады, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ варіанты, отступающіе отъ текстовъ, изданныхъ Кольбергомъ и другими со-

---

[1]) Сравн. напр. Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. t III, cz. II, str. 208 et saet.

бирателями, такъ какъ пересказъ даетъ слишкомъ мало: для изучающаго пѣсню важна и ея форма, вообще не одно содержаніе.

Пѣсни, приводимыя въ текстѣ г-жей Скжиньской и записанныя ею самою, принадлежатъ исключительно къ новообразованіямъ; это большею частью 4-хъ строчныя пѣсенки лирическаго содержанія. Иногда въ первыхъ двухъ стихахъ ихъ мы находимъ образъ или осколокъ его:

Ach, fala, fala
Na morzu powstała:
Bodaj ja była
Kochania nie znała;
или: Niema ni i bedzie
W sadzie słodkiej wiśni;
Niema kochaneczka,
Co do mojej myśli.

Подобныя пѣсенки родственны съ Малорусскими талалайками и коломыйками [1]) и великорусскими припѣвочками, или сбирушками и вертушками (Череповецкій у. Новг. губ.). Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенокъ напечатаны у г-жи С. только въ выдержкахъ. Кой-гдѣ находимъ въ языкѣ ихъ малорусскія черты (стр. 14, 18, 55). Но вообще онѣ передѣланы на литературный польскій, и мѣстныя особенности, напр. замѣна шипящихъ свистящими,—сглажены.

Понятно, трудъ г-жи Скжиньской, какъ научное сочиненіе, не выдерживаетъ самой снисходительной критики, но какъ книжка для легкаго чтенія полезенъ и читается не безъ интереса.

Статья г. Весина, будучи прямой противоположностью двумъ выше названнымъ книжкамъ, представляетъ серьезную и довольно обстоятельную разработку вопроса, интересовавшаго ея автора. Это попытка набросать общую картину свадебныхъ обычаевъ и семейной жизни Великорусса на основаніи матеріаловъ ближайшаго къ намъ времени, «такъ какъ труды Сахарова, Терещенка и Этнографическаго сборника 50-хъ годовъ значительно устарѣли» и,—добавимъ, мы—заключаютъ въ себѣ кое-что сомнительное, ибо собиратели иногда бывали жертвами своего пристрастія къ старинѣ [2]). Здѣсь мы находимъ сводъ многочисленныхъ данныхъ, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, мѣстнымъ календарямъ и памятнымъ книжкамъ, пользованіе которыми не для всякаго легко.

Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ рядъ свѣдѣній о брачномъ обрядѣ Великорусса, затрагиваетъ вопросъ о значеніи и роли кладки и приданаго, говоритъ о положеніи женщины въ семьѣ, не по пѣснямъ и пословицамъ, а на основаніи болѣе важныхъ источниковъ.

Вторая глава посвящена описанію свадьбы уходомъ или уводомъ: здѣсь авторъ не безъосновательно полемизируетъ съ О. Пешелемъ, утверждающимъ, что похищеніе дѣвушки отошло уже далеко въ область преданій и удерживается только какъ родъ свадебной игры, являясь какъ бы «шуткой». Г. Весинъ со своей стороны приводитъ доказательства противнаго и заключаетъ, что у насъ «умыканіе» не шутка, а серьозное явленіе, вызываемое складомъ и условіями жизни (окт., стр. 43).

Въ дополненіе къ примѣрамъ, приведеннымъ авторомъ, мы позволяемъ себѣ указать слѣдующій заимствованный нами изъ соч. Кривошапкина: «Енисейскій округъ и его жизнь». Старуха мать, переселившаяся изъ Тобольской губерніи, никакъ не могла примѣниться къ новымъ и непривычнымъ для нея обычаямъ Енисейскаго округа и разсказывала Кривошапкину: «здѣсь у васъ Енисейскій народъ—какой-то безстыжій; лѣ-

---

[1]) См. А. Потебня, Прим. 4 къ XXXVII т. «Зап. Ак. Наукъ», стр. 108.

[2]) О Терещенкѣ см. «Вѣстн. Евр.» 1872 г., іюнь, стр. 586 (статья Костомарова).

зутъ всё со сватаньёмъ сперва! Отдай, вишь, имъ дѣвку-то сама я; да не своими ли то рученьками? Стыдъ-то ли, не стыдъ былъ мнѣ: обругаю, бывало, сватовъ, да и выганю». (стр. 49).

Такимъ образомъ ея дочь-дѣвушка дождалась 4-го десятка лѣтъ, пока наконецъ одинъ казакъ съ линіи не догадался, чего хочется старухѣ, и не похитилъ дѣвушки. Когда Кривошапкинъ выразилъ свое недоумѣніе, что это значитъ—старуха ему отвѣтила: «Да какъ это можно, батюшка, по вашему, по енисейскому, выдавать дѣвку, лишь-бы сватья или сватъ пришелъ? Да вѣдь дѣвка то наша родимая: что же мы себя срамить станемъ, али дѣвку срамить? Что мы голодомъ что ли ужъ сидимъ, когда дѣвку добромъ своими руками, въ чужи люди отдадимъ; али дѣвку осрамить захочемъ — ступай, молъ, вонъ, ты намъ негодна? Нѣтъ, ужъ такъ у насъ, батюшка, не водится» (стр. 48).

Третья глава труда г. Весина посвящена описанію семейной жизни крестьянина Великорусса; авторъ касается роли большаковъ въ семьяхъ, говоритъ о снохачествѣ, объ имущественномъ положеніи женщины въ крестьянствѣ и о раздѣлахъ. Не претендуя на окончательное рѣшеніе вопросовъ, онъ старается всесторонне изслѣдовать дѣло.

Многочисленныя указанія на литературу предмета увеличиваютъ цѣнность названной работы.

Вл. Перетцъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Бытовыя черты русинки Холмскаго края по пѣснямъ.

Холмянка отъ природы одарена дородствомъ, здоровьемъ, красотою лица и души, „поэзiей живой и ясной"; природный умъ ея, развитой опытами практической жизни, пріобрѣлъ замѣчательную подвижность: она, какъ говорится, вскинетъ умомъ, и уже сообразила выгоду или невыгоду извѣстнаго дѣла или предпріятія, покупки, продажи. Если къ этому прибавить еще характеръ самостоятельный и дѣятельный, то будетъ понятно, почему весь домашній бытъ семьи сосредоточенъ въ ея рукахъ.

Бытовая жизнь ея дѣлится на три главныя эпохи: дѣтство, собственно дѣвичество и замужество.

Родилось дитя, „справилъ" отецъ крестины, и затѣмъ уже, по обыкновенію, цѣлые дни не видитъ ребенка, предоставивъ его заботамъ и уходу матери; на ночь однако онъ дѣлается нянькой и выручаетъ жену, давая ей два-три часа забыться сномъ. Такимъ образомъ, съ самаго появленія своего на свѣтъ Божій, ребенокъ не разлученъ съ матерью какъ дома, такъ и внѣ его. Не только лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, младенецъ совершаетъ путешествія на поля и луга вмѣстѣ съ матерью въ какой нибудь корзинкѣ, перекинутой черезъ плечо ея, но и въ ненастную осень, и зимою въ трескучій морозъ, и раннею весною, если явится крайность, мать тащитъ ребенка куда попало, у своей груди материнской... Но у материнской груди и въ дурную погоду сытно и тепло ему; лѣтомъ же не то: лежа гдѣ-нибудь въ тѣни сноповъ, кучкой разставленныхъ для защиты отъ палящихъ лучей солнца или отъ дождя и вѣтра, онъ накричится до хрипоты, пока мать, увлекшаяся вдали работой, вспомнитъ о своемъ дитяти и успокоитъ его исхудалой грудью своей... Съ первыхъ, иногда, недѣль жизни младенецъ уже знакомится съ лугами,—полемъ, солнечнымъ зноемъ, съ дождемъ и вѣтромъ, даже съ голодомъ и другими неудобствами, рѣдко остающимися безъ вліянія на жизнь молодую....

Но вотъ нашей дѣвочкѣ (будемъ звать её „Марысей"), по милости Божіей, минулъ годокъ, другой и третій на исходѣ. Ее отняли отъ материнской груди; Марыся поплакала, потосковала недѣлю — другую и, какъ всегда водится, успокоилась. Мать купила ей крохотную мисочку, ложечку, калачикъ, дала щепотку соли, копѣечку,— и это означаетъ, что ребенокъ „пишовъ вже на свій хлибъ", т. е. онъ безъ посторонней помощи можетъ ѣсть и пить, что ему ни подадутъ; при этомъ религіозная родительница начинаетъ учить его „Богу молиться", или дѣлать на себѣ знаменіе креста утромъ, вечеромъ, передъ и послѣ ѣды.

Потѣшно и пріятно смотрѣть, какъ Марыся, пытаясь сама „амъ", больше разольетъ,

чѣмъ съѣсть, какъ она бѣгаетъ за матерью, куда бы та ни повернулась, выражая свои ощущенія и желанія то досаднымъ крикомъ, когда ея не понимаютъ или не хотятъ исполнить дѣтскаго каприза, то нѣжнымъ, какъ шелестъ молодыхъ весеннихъ листочковъ, лепетомъ еще неразвившихся словъ... Въ числѣ первыхъ рѣчей малютки—Молитва Господня, которую она заучиваетъ со словъ матери. Часто и на всю жизнь остаются въ молитвѣ невыговариваемыя слова, затверженныя въ дѣтскомъ возрастѣ... Кромѣ этой новой обязанности, мать наблюдаетъ, чтобъ ея Марыся съ чего нибудь высокаго... летать не вздумала учиться, не попала-бы въ колодецъ, подъ лошадей...

Проходитъ благополучно еще годикъ. Мать, меньше прежняго обращая на нее вниманіе, вся сосредоточилась уже на новомъ ребенкѣ, котораго Богъ послалъ ей недавно на руки... Марыся видитъ это и, по примѣру матери, сама уже гдѣ нибудь въ уголкѣ качаетъ свое „дытё“, созданное изъ старыхъ „запасокъ и хустокъ“, поетъ надъ нимъ пѣсни, перенятыя у матери.

Но прошла и эта пора. Марыся выросла; ей уже 8-ой годъ; она играетъ и юлитъ въ хатѣ, веселитъ и услаждаетъ своимъ щебетаньемъ трудъ матери. Рѣзвушка стала и трудолюбива, и послушна: хату подмететъ, посуду помоетъ... и разобьетъ ненарокомъ, курочекъ покормитъ и т. п.; а заплачетъ въ люлькѣ меньшой братецъ или сестрица—бѣжитъ и изо всѣхъ силъ качаетъ „плаксуна“, горланя на всю хату колыбельную пѣсню:

„Ходивъ китъ по сили,
Носивъ сонъ въ кушели,
Чужихъ дітокъ обуджевъ,
Нашого Иванця присиплевъ“.

Закачавъ дитя, Марыся возьметъ клочекъ льну, навяжетъ его на палочку или на свободную „пресны“, возьметъ веретено и старается выводить нитки, какъ и ея мать. Мать радуется, глядя на свою милую дочку, на свою подрастающую помощницу. И Марыся рада: еще, еще-бы годокъ, и она будетъ большая, станетъ „взаправду“ прясть.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Марыся сдѣлалась уже „дивкой“, невѣстой, хорошей труженицей въ полѣ и дома, и за себя и за свою мать. На нее ужъ и хлопцы засматриваются. Дѣвушка замѣчаетъ въ себѣ новыя чувства, она боится ихъ, не зная, какъ и откуда они взялись, хочетъ разобраться въ нихъ, найти ихъ причину. Вотъ какъ изображаетъ это пѣсня „дывоцькая“.

„Стоить липка надъ водою,
Тай похилилася,—
Чи ти мині такій милий,
Чи я вдивилася?“

И когда она удостовѣряется въ томъ, что „не вдывылася“, что чувство ея не призракъ, а дѣйствительность, — сильная, молодая любовь, — спрашиваетъ виновника своей сердечной тревоги:

„Чи въ любистку ти купався,
Що ти мині сподобався?“
— „Нэ въ любыстку, тілько въ мяти,
Коли люблю, хочу взяти“,

отвѣчаетъ похититель сердца дѣвушки.

Не долго, обыкновенно, продолжается такое состояніе влюбленныхъ. Еще немного времени, и къ ней являются сваты отъ избранника ея сердца, на предложеніе коихъ—выйдетъ-ли замужъ за такого-то,—она отвѣчаетъ по формѣ: „якъ батько, якъ маты, то й я“.

Сваты, приноровляя къ такому случаю разныя церемоніи и рѣчи, выпиваютъ $^1/_2$ ведра „горилки“ въ одну ночь, и дѣло сдѣлано: добились согласія родителей, какъ они ни мялись сначала, что Марыся еще молода, что-де и имъ нужна работница, но

въ концѣ согласились: не вѣкъ-же ей сидѣть съ отцомъ — матерью; пускай идетъ съ Богомъ, когда добрые люди нашлись, не гордятъ ихъ домомъ. И вотъ Марыся черезъ недѣлю или двѣ выходитъ замужъ.

Весьма незначительная впрочемъ часть браковъ заключается по любви; большая часть молодыхъ людей женятся безъ сердечныхъ увлеченій, хладнокровно, и въ силу этого дѣвушка выходитъ замужъ въ 3-е или 4-ое село хотя и не по любви, но и не съ отвращеніемъ иногда за такого человѣка, котораго раньше и во снѣ не видала. Женихъ, а чаще всего его родители черезъ услужливыхъ свахъ пронюхали лакомый кусочекъ и заслали сватовъ; родители невѣсты то-же дѣлаютъ отъ себя, и если все съ обѣихъ сторонъ „обстоитъ благополучно", ударили по рукамъ, и дѣвушка послѣ обычнаго: „якъ батько, якъ маты, то й я",— проливая горькія слезы, какъ на страсть идетъ въ чужое село „межы чужии люде", гдѣ не только свекоръ и свекровь, въ домъ коихъ она вступаетъ, чужды ей, но чуждъ ей по сердцу и ея мужъ, ея будущій другъ—товарищъ. При выборѣ невѣсты, главнымъ образомъ, обращается вниманіе на ея здоровье, домовитость и личныя качества: хозяйственную разбитную голову, трудолюбіе и спорную работу въ рукахъ, бережливость, а главное, — „добрую долю". Все это въ большей цѣнѣ у крестьянъ, чѣмъ богатое приданое невѣсты, на которое такъ падки женихи классовъ „благородныхъ", готовые и на чурбанѣ жениться изъ-за денегъ и связей. На слова дѣвушки, кичащейся своимъ приданымъ:

...„Въ мене батько богачъ,
Штири воли на оборі,
Ще'й на шиї дукачъ",

Хлопецъ, не тронутый этимъ, отвѣчаетъ:

— „О чертъ тебе забери,
Съ твоимъ батькомъ — богачемъ,
Твои воли поздихають,
Ты дурная [1]) зъ дукачемъ"...—

Отсюда видно, что безприданница-крестьянка въ дѣвкахъ не засидится подобно безприданницамъ „барышнямъ": съ плачемъ,— да пойдетъ замужъ. Однако по свадебнымъ слезамъ невѣсты не слѣдуетъ заключать о неудачѣ подобныхъ браковъ. Обильныя слезы необходимы въ извѣстные моменты свадьбы: не прилично для молодой, если ихъ взять не-откуда. Въ силу этого убѣжденія или обычая, какъ угодно, нѣтъ такой дѣвушки, которая-бы не проливала горькихъ слезъ на своей свадьбѣ; даже самая счастливая и та должна ревѣть; если же иная и не на шутку воетъ, идя къ нелюбимому человѣку, то на этотъ случай остается ей въ утѣшеніе извѣстная житейская пословица: „поживешь— полюбишь". „Стерпится—слюбится". Бываетъ, конечно, не безъ шиповъ, но всетаки несчастныхъ браковъ, въ тѣсномъ смыслѣ, гораздо меньше, безусловно меньше въ средѣ крестьянъ, чѣмъ въ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ иной разъ женихъ и невѣста, до брака безумно влюбленные другъ въ друга, клянутся на чемъ свѣтъ стоитъ въ постоянствѣ чувства, призываютъ небо въ свидѣтели ихъ вѣчной любви, что, однако, черезъ два-три года, а иногда и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака не мѣшаетъ имъ „не мѣшать другъ другу"... Война съ свекровью, свекромъ, со старшими золовками часто готовитъ вмѣсто первыхъ лѣтъ супружескаго счастья горькую чашу терпѣнія и невзгодъ, сильно отзывающихся на сердцѣ молодицы; но противъ этихъ невзгодъ ничего не въ силахъ подѣлать мужъ бѣдной женщины, цѣликомъ зависящій отъ своихъ родителей. Вотъ какъ сложилась объ этомъ горѣ-злосчастьѣ пѣсня народная:

---

[1]) Глупая.

„Пустижъ мене, милый,
До броду по воду
До броду по воду
Повидати роду“.
— „Не пущу я тебе
До броду по воду,
Бо ти скажешь роду
Свою невигоду“. —
„Якъ будуть питати—
Нэ буду казати,
Зальюся слезами,
Тай вийду зъ хаты,
А мати за мною:

— „Чого плачешъ, доню.
Хиба-же я знала,
Кого ти кохала?“—
„Щобъ я була знала,
Що мні доля злая.—
Булабъ утонула,
Якъ вода прибула;
Щобъ я була знала,
Що мні доля така,
Булабъ іла, пила,
Косоньку чесала
До волоса сивого“...
т. е. „посивила дівкою“.

Очевидно, молодой женщинѣ „до живаго допекла“ непривѣтливая родня мужа: „лютой свекоръ, лихая свекровь, золовки-лиходѣйки“, если она жалѣетъ о своей косѣ „дівоцькой“. Большей частью, однако, молодыя невѣстки умѣютъ постоять за себя, настраивая при этомъ для протеста и своего мужа, какъ поетъ пѣсня:

„Чи я тобі ні казала,
На порозі ставши:
Нэ идь, нэ идь на хурманку,
Нехай иде старшій“.

На зло, вѣроятно, молодой невѣсткѣ мужемъ ея, какъ самымъ младшимъ въ семьѣ „всѣ диры затыкали“, обрекая ее тоскѣ и скукѣ одиночества...

Дѣвушка, зная родной обычай своей земли выдавать замужъ и женить, не спросясь, большей частью, сердца молодыхъ людей, постоянно должна быть въ тревогѣ за свободу своихъ чувствъ и за себя вплоть до замужества, пока не рѣшится ея судьба такъ или иначе. Эта-то боязнь и сердечное томленіе дѣвушки такъ выражается въ пѣснѣ:

„Ой ти, дівчино зарученая,
Чого такъ ходишъ засмученая?“
— „Охъ, якъ же мени смутний ні бути!—
Кого я люблю—трудно забути“...

„Ой ты, дівчино, мислями блудишъ:
Сама ти знаешь, кого ти любишъ.
— „Охъ, знаю, знаю, кого кохаю,
Тилько ні знаю, съ кімъ жити маю“...

И дѣйствительно сбываются эти опасенія. Родители изъ своихъ личныхъ разсчетовъ и видовъ оторвали дѣвушку отъ любимаго человѣка, а жениха отъ любимой невѣсты, и сковали ихъ вмѣстѣ за руки неразрывными узами брака православнаго... Но тѣло сковать-то сковали (чего въ жизни не случается?!..), а сердца молодыхъ людей такъ и отталкиваютъ другъ друга, какъ два однородныя электричества. Кому хорошо въ такомъ положеніи, а тѣмъ болѣе молодой женщинѣ, волной прибитой къ чужому, нелюдимому берегу!... Что ей дѣлать?! Только и отрады, когда мгновеніями проносятся передъ нею лелѣянныя неотразимой прелестью надежды ея юныя мечты о любимомъ человѣкѣ... А за этими свѣтлыми мгновеніями опять насупилась преждевременная осень ея жизни съ ненастной погодой и холодомъ въ сердцѣ...

Вотъ какъ изображаетъ пѣсня безвыходное положеніе и горькую долю такой женщины безъ надежды на счастье, на которое она надѣялась и имѣла право:

„Чи я въ ліси ні калина була?
Чи я въ ліси ні червона була?
Взяли мене поломали
Та въ пучечки повязали, —
Така доля моя, така доля моя!
Чи я въ батька ні дітина була?
Чи я въ батька ні хороша була? —
Взяли мене, замужъ дали

И світъ мині завязали, —
Така доля моя, така доля моя!
Чи то така Божа воля?
Чи несчастна моя доля?
Чи такии куны брали?—
Счасця—долі мни не дали!
Ой пидужъ я утоплюся,
На білъ камень розабьюся!“..

Впрочемъ въ большинствѣ случаевъ женщина переноситъ свою недолю съ рѣдкимъ стоицизмомъ; она живетъ съ нею, какъ раненый воинъ съ засѣвшей въ ногѣ пулею вражеской, не думаетъ о своихъ страданіяхъ, но исполняетъ обязанности жизни, что и спасаетъ ее отъ того, чтобы «утопиться, или о білъ камень разбиться».

Бракъ—великій переворотъ въ жизни женщины.

Крестьянка считаетъ, не мудрствуя лукаво, замужество святымъ закономъ, даннымъ ей природою, которому она должна безропотно подчиняться, чтобы выполнить цѣль своего земнаго бытія: «якъ смерти не минешъ, такъ того не минешь». Однако законъ этотъ, вмѣстѣ съ тяжестью и непреложностью, даетъ ей отраду земной жизни, почетъ и уваженіе между людьми, возвышаетъ ее въ глазахъ всѣхъ—и старыхъ и молодыхъ; освобождая отъ опеки родителей, даетъ ей волю и самостоятельность дѣйствій, какъ женѣ, хозяйкѣ того, большею частью, незначительнаго хозяйства, которое сообща основываютъ теперь ея собственныя и мужнины руки; онъ, наконецъ, даетъ ей власть и надъ.... мужемъ! «Благая часть», которую женщинѣ даетъ замужество, между прочимъ, изображается въ пѣснѣ о томъ,какъ «дівка брала ленъ дрибненькій» и въ слезной задушевной бесѣдѣ съ матерью—землею жаловалась на свою долю сиротскую, умоляла разступиться и взять ее къ себѣ, въ свои нѣдра, въ могилу ея матери, такъ какъ обездоленная на «біломъ світі» жизнь сироты слишкомъ тяжела для ея «самотной [1]) головоньки»; но земля въ отвѣтъ на эти мольбы промолвила:

«Чімъ зо світа тебе брати,
Лішій тобі пару дати».

Оставшись прежней труженицей-работницей замужняя женщина, какъ хозяйка, превосходитъ во многихъ случаяхъ мужа: она лучше его хозяйство бережетъ, хорошій совѣтъ подастъ, какъ и что дѣлать; сообразитъ, выгодна или нѣтъ извѣстная продажа или покупка и т. п. Въ этомъ отношеніи вліяніе ея на мужа такъ велико, что онъ не продастъ, не купитъ, не заключитъ ни съ кѣмъ какого бы то ни было условія, пока не посовѣтуется съ женою, хотя-бы дѣло клонилось видимо въ его пользу; а потому, куда бы онъ ни шелъ или ни ѣхалъ, не разлучна съ нимъ и его жена.

Какъ мать—холмянка весьма хороша. Она ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ съ полнымъ самоотверженіемъ; по цѣлымъ ночамъ свѣтится тусклый огонечекъ въ ея хатѣ, и вы замѣтите въ окошечко, какъ она копается, поправляетъ въ люлькѣ, укладываетъ ребенка, чмокаетъ ему, тысячи нѣжныхъ словъ и названій какъ изъ рукава сыплетъ на маленькое созданьице, кормитъ его грудью по-нѣсколько разъ въ ночь, заставляя качать, однако, мужа, если онъ дома. Съ утра, лишь пропоетъ пѣтухъ, и свѣтъ чуть-чуть забрезжитъ въ окнахъ, какъ лѣтомъ напримѣръ,—она уже на ногахъ, не только исполняетъ свои обязанности по домашнему хозяйству, но и отправляется вмѣстѣ со всѣми въ поле, захвативъ съ собою ребенка, какъ и другіе, ведетъ свой «загинъ», а между тѣмъ такъ и подпекаетъ ее, чтобы оторваться на минуту къ дитяти. Въ обѣденную пору всѣ жнецы отдыхаютъ, а ей работа: надо, какъ слѣдуетъ, дитя осмотрѣть, покормить, пеленки помыть,—отдохнуть-то и некогда. Вообще, сама она какъ нибудь пробивается, лишь бы дитяти ея хорошо было.

Не менѣе почтенны качества холмянки какъ жены. Понимая свое значеніе въ семьѣ, она не исполняетъ капризовъ мужа, подобно великорусской своей сестрѣ, когда онъ пьяный, придя домой, отдаетъ разныя сумасбродныя приказанія; не трясется, не трепещетъ передъ пьянымъ самодуромъ; напротивъ, еще и поколотитъ мужа, если онъ не въ добрый часъ вздумаетъ дурачиться, и послѣ всю вину свалитъ на него же. Вотъ какъ объ этомъ поетъ пѣсня:

Била жинка мужика,
Пишла позивати:

Присудили мужику
Жинку препрошати.

---

[1]) Одинокой.

«Простижъ мені, моя мила,
Що ти мене била;
Куплю тобі гарниць меду,
Коновоньку пива».

—«Не купуй ми гарця меду,
Коновоньки пива,—
Купи ліпій нагаёньку,
Щобъ я тебе била».

Строго относясь къ слабостямъ мужа, жена не даетъ ему воли, когда онъ слишкомъ часто станетъ въ корчму заглядывать, лѣниться; какъ начальникъ подчиненному не даетъ забывать службы, такъ и она не даетъ забывать мужу о домѣ, о хозяйствѣ, а главное,—о себѣ: «а до дому, а до дітей, а до роботы»! гонитъ его; а сама между тѣмъ нерѣдко позволяетъ себѣ вольности въ родѣ слѣдующей, выраженной въ пѣснѣ:

«Горе мужикъ, горе,
На шляхъ поглядае;
Жинка его иде зъ міста
Гопки витинае.
«Ой мужу-жъ мий, мужу,
Килько ты нагоравъ»?

—«Симъ загони до полудня,
Бося тебе боявъ.
Жинко-жъ моя, жинко,
Килько-жъ ты пропила»?—
«Симъ таляры до полудня,
Осьмого згубила».

Терпѣливо мужъ переноситъ деспотизмъ своего «владыки въ юбкѣ», рѣдко подымаетъ противъ него оружіе; но если и случится такой грѣхъ, то жена въ большинствѣ случаевъ съумѣетъ ему дать приличный отпоръ, а въ ссорахъ преимущество всегда на ея сторонѣ; она выбранитъ мужа на чемъ свѣтъ стоитъ: «ты сякий, ты такий, твий батько бувъ такий и дідъ и всень ридъ вашъ такий»; дома его иной разъ и въ грошъ не ставитъ, но передъ людьми относится къ нему даже лучше, чѣмъ онъ того стоитъ: «що наша пичъ спекла, то и будемо істи,» — ничего не подѣлаешь: «нехай вороги не радуются».

Самостоятельность и даже произволъ жены въ отношеніи мужа выражаетъ слѣдующая пѣсня:

Сіявъ мужикъ гречку,
Жинка каже: «макъ».
—«Нехай сякъ, нехай такъ
Нехай буде зъ гречки макъ».
Сіявъ мужикъ жито,
Жинка каже: «гречка».

—«Не кажи ми ні словечка,
Нехай буде гречка».
Злапавъ мужикъ рибу,
Жинка каже: «ракъ»
—«Нехай сякъ, нехай такъ,
Нехай буде зъ рыбы ракъ».

Великорусской женѣ (?) не сошло бы съ рукъ такое своеволіе и самодурство. (?)

При всемъ томъ, холмянка горой стоитъ за мужа, когда ему случается поссориться или подраться съ «сосѣдомъ-ворогомъ». Она выбѣгаетъ на крикъ ссорящихся, вооруженная «коцюбой или ожухомъ», а порою только однимъ своимъ остренькимъ язычкомъ, да подыметъ дѣтей, чтобъ плакали и кричали пошире: «ратуйте, хто въ Бога віруе, тата забьютъ»! и такого надѣлаетъ переполоху, что обѣ враждебныя стороны предпочитаютъ перенести ссору или драку до болѣе удобнаго случая или совсѣмъ прекратить ее.

Отличаясь постоянствомъ и глубиною чувства, она, разъ кого нибудь полюбивши, на всю жизнь полюбила, и выйдя замужъ остается преданной своему мужу ровно и одинаково «до могилы»; въ болѣзни ухаживаетъ за нимъ какъ за ребенкомъ: сама ѣсть не будетъ, только бы доставить что нибудь лучшее больному мужу; въ несчастьи— утѣшаетъ и его и себя надеждой, что Господь Богъ «переміннитъ»; что же касается вѣрности супружеской, то идеалъ женскаго цѣломудрія стоитъ на недосягаемой высотѣ. Вотъ двѣ пѣсни, изображающія—одна постоянство чувства любящей дѣвушки, которой измѣнили, а другая—твердое, ничѣмъ непоколебимое сознаніе долга замужней женщины.

1) Тамъ у лозі, при дорозі
Теринъ розцвітае;
Сідить голубъ на дубочку
Голубка летае.
«Скажи мені, голубоньку,
Тай щирую правду:
Чи ти мене вірне любишъ,
Чи на яку здраду?
—«А я тебе вірне люблю,
Такъ якъ свою душу:
Черезъ лихи вороженьки
Покидати мушу».

И когда въ отвѣтъ на это дѣвушка убѣждаетъ своего «голубка» не слушать «ворогивъ», не покидать её, потому что разлука эта будетъ для нея слишкомъ тяжела, она не перенесетъ этой тяжести, невѣрный возлюбленный предлагаетъ слѣдующее средство:

—«Естъ у мене таке зилые
Близько перелазу,
Якъ дамъ тобі напитися—
Забудешъ одразу».
Покинутая отвѣчаетъ:
«Буду пити, буду пити
И крапли ні впущу,
Тоди хиба тя забуду.
Якъ оченьки зблющу;
Буду пити, буду пити
И крапли ні вроню,
Тоди хиба тя забуду,
Якъ рученьки згорну»...

Бываютъ, впрочемъ, дѣвушки и мстительны «дівкй злыя, чаривници»; онѣ такъ прямо и сживаютъ со свѣта своихъ измѣнниковъ. На упрекъ своей матери:

Нащо ти «суко»,
Грицюня струила,—Дівка-чаривниця
отвѣчаетъ:
«Ой мати, мати,
Жаль вваги не мае:
Нехъ-ся Грыцюнё
Ве двухъ не кохае;
Нехай не буде а ни ий, не мні,
Нехай наісцься сыреи земли».

Такъ какъ по преимуществу въ Холмскомъ краѣ женщины—«бѣлолицы, съ русою косою и сивима очыма», а чернобровыя и черноглазыя не во вкусѣ мѣстности, то почему-то имъ приписывается злость и чародѣйская сила: «котра дівчына чернобривая, той чаривниця справедливая».

2) А вотъ и пѣсня, изображающая цѣломудріе замужней женщины:

«...Коли я на тебе гляну,
То ажъ во мні сердце вяне,
Якъ ти станешъ щебетати,
Я въ ночи ні могу спати».
—«Коли тобі сердце вяне—
Глянь на жинку—перестане;
Якъ въ ночи ні можешь спати,
Иди діти колисаты».
«Ты, Гандзюню, не чурайся;
И на Божу волю здайся;
Не уважай ні на кого,
Пригорнись до серця мого».
—«Чи ты здуривъ, чоловіче?!
Я свого мужа маю,
Я му въ церкви присягала
И присяги не зломаю».

Овдовѣвъ, даже самая молодая женщина предпочитаетъ оставаться вѣрной памяти своего покойнаго мужа, чѣмъ вновь выходить замужъ, какъ объ этомъ поетъ слѣдующая пѣсня:

«....Вилэтівъ орелъ зъ пидъ черной
хмары,
Голуба вибивъ зъ милей пары;
Голубка плаче, жалобно гуде,
Що вже зъ миленькимъ жити не
буде»,
Налэтіла стая голубей сватать
вдовушку:
«Голубко красна, на що дуфаешь,
Чи на ту вроду, що красну маешь»?
«Щожъ мені съ того, що врода красна,
Колижъ бо моя доля несчастна».—
«Голубко красна, не вернешъ его
(мужа),
Маешь нась тысячъ—берн одного».
«—Щобъ васъ тутъ було тисячи
штири,—
Такого не буде, якъ бувъ мий милий».

Внѣбрачное сожительство въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно сплошь да рядомъ проявляется въ интеллигентномъ слоѣ общества, у крестьянъ, напротивъ, составляетъ явленіе аномальное, преслѣдуемое особливо женщинами, что свидѣтельствуетъ о той высокой нравственности, которою славится холмянка. Извѣстна открытая въ одномъ селѣ попытка этого рода. Преступниковъ потащили къ священнику и присудили ихъ стоять во время обѣдни въ «бабенцю» (притворѣ); входящіе и выходящіе изъ церкви обязаны были плевать въ лицо: мужчины «ему», а женщины «ей». Отличились, конечно, женщины немножечко строго... не по евангельски даже...

Духовная особенность холмянки—религіозность и набожность. Молитва и любовь къ Богу, вѣра, надежда весьма развиты; исполненіе заповѣдей по отношенію къ «святымъ днямъ», къ бѣднымъ, соблюденіе установленныхъ Церковью постовъ не ослабляется ни на іоту.

«Возставъ отъ сна», первымъ ея дѣломъ—крестное знаменіе и молитва: «давесь Боже, нычъ переночоваты, дай-же и день святый передиювате; нехай буде воля Твоя святая». Умывшись, она читаетъ утреннія молитвы, большею частью стоя на колѣняхъ, лицомъ къ образамъ, а затѣмъ уже, между дѣломъ, произноситъ массу разныхъ другихъ молитвъ. Безъ молитвы хозяйка куска хлѣба въ ротъ не возьметъ, не проглотитъ капли пищи, если случится пробовать ее во время варки: «якъ можно, щобы вперше о ідині думаты, ныжъ о Богу». Вечеромъ спать не ляжетъ, пока не помолится и не испроситъ у Бога благословенія: «давесь, Боже, день переднювати, дай же ще и ничку переночовати счастливе». Привязанность поэтому къ церкви, какъ духовной матери, весьма сильна. Въ каждомъ приходѣ есть «братство церковиное», радѣющее о благолѣпіи храма и религіозномъ соревнованіи прихожанъ. Братство это составляется изъ мужчинъ «братчиковъ», и женщинъ—«сестрицъ»; часто число сестрицъ превышаетъ число братчиковъ.—Такія же религіозныя чувства каждая мать вселяетъ и въ своихъ дѣтей; а такъ какъ по большей части дѣти теперь «пысьменныи», то она и дома заставляетъ ихъ читать св. евангеліе, молитвы. Въ церквахъ какъ мальчики такъ и дѣвочки поютъ хоромъ «службу Божую».

Съ религіозностью женщинъ тѣсно связана набожность холмскаго народа вообще. Въ благополучіи онъ не забывается своимъ счастьемъ, такъ какъ—«все въ рукахъ Божьихъ»: «ляжешь спаты богатымъ, а встанышъ убогимъ» (нищимъ). Исходя изъ этого воззрѣнія, даже самые счастливые обыкновенно молятся: «дякую Тоби, Боже, св. отець Мыкола, за Вашы дары прынайсвятійшыи, дайте счастливе споживтковаты». Точно также въ болѣзняхъ, во всякомъ горѣ-злосчастьи, «бiди», Богъ—первое утѣшеніе упованіе и вся надежда, а особенно—«Божая Маты»: «о Пресвятійшая Божая Маты Холмськая, переміни-жъ Ты тую недолю»! молится народъ.—Извѣстна пѣсня Пресв. Богородицѣ: «Пречистая Дево-Маты русскаго краю».

Начало и конецъ всякаго дѣла сопровождаются молитвой: «Господы допоможи въ часъ добрый зачаты» и «Богу святому дяковаты за роботу, за все». Вообще, всѣ перемѣны въ жизни, всѣ земныя веселья, радости, напр. свадьбы, родины и др. начинаются молитвеннымъ обращеніемъ къ Божеству. Такъ напр., дѣвушка, выходя замужъ, проситъ у Бога въ пѣснѣ: ...«дай-же, Боже, женыха ведля мени мысли»... А въ самый разгаръ «весиля, пьятыки и танцю», въ самый разгаръ, такъ сказать земного довольства жизнью и счастья, когда забываются всѣ житейскія невзгоды и попеченія,—слова пѣсни:

«Дай-же, Боже, въ добрий часъ,
«Якъ у въ людей такъ и въ насъ.
Въ счастливую годину
Розвеселить родину»,—

покрываютъ и звукъ скрипокъ, и гудѣніе бубна, и шумныя ликованія пирующихъ. Способностью веселить «родыну» отличаются женщины, а потому и набожность всего народа, который веселится во имя, такъ сказать, Бога, воспѣвая подобныя пѣсни,— нужно приписать опять таки вліянію женщинъ.

Наряду съ духовными свойствами въ холмянкѣ вы находите избытокъ душевно-нравственныхъ силъ. Всѣ невзводы, всѣ бѣды, которыя приходится ей испытывать на вѣку, съ помощью Божіей она переноситъ безъ ропота, съ полной готовностью принять и дурное и доброе, съ покорностью волѣ Божіей, въ противоположность интеллигентной женщинѣ, которая въ подобныхъ превратностяхъ жизни представляетъ намъ примѣръ абсолютной несостоятельности своего существа: ропотъ, плачъ, истерики, упадокъ силъ и духа, и въ заключеніе полное отчаяніе—заурядныя явленія въ ея пустой жизни... Тамъ вы не услышите словъ: «давъ Бигъ зле, дасть и добре: на всенько Ёгѐ св. воля»...

Всѣмъ извѣстны *) пѣсни южно-русскаго народа, а особенно пѣсни женскія, отличающіяся силой поэтическою, живыми образами. Многія изъ нихъ составляютъ общее достояніе цѣлаго народа и поются на всемъ протяженіи окраины, а другія, не менѣе богатыя, принадлежатъ извѣстной мѣстности, въ томъ числѣ и Холмской Руси.

Отсюда слѣдуетъ, что русинка Холмскаго края обладаетъ не меньшей силой поэтическаго творчества, какъ и ея родная сестра южанка, въ чемъ убѣждаютъ насъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше пѣсенъ.

По части «знахарства», т. е. собиранія лѣкарственныхъ травъ, «зілля», для врачеванія больнаго люда она не сдѣлала большихъ успѣховъ, тѣмъ не менѣе многіе недуги излѣчиваются мѣстными средствами безъ помощи «ученой медицины». Колдовство, или «чарованье» также не нашло для себя въ краѣ богатой почвы, благодаря просвѣщенію и религіозности. Между знахарками, или, по мѣстному названію, «бабками» весьма часто встрѣчаются искусныя бабки «повивальныя».

Отношенія къ холмянкѣ мужа и семьи, большею частью, весьма мягки, съ оттѣнкомъ любви и уваженія, какъ къ другу—покровителю; они выражаются больше дѣломъ, чѣмъ словами: мужъ, жалѣя слабыя подчасъ силы своей главной половины, на которую обязанности жены, матери и хозяйки возлагаютъ массу заботъ и работы,—по возможности облегчаетъ ея труды, подставляя, гдѣ нужно, свои выносливыя плечи. Также поступаютъ и всѣ дѣти. Значеніе и власть матери семейства весьма ярко характеризуются слѣдующими фактами. Она, во первыхъ, княжитъ и рядитъ домомъ, и всѣ чады и домочадцы съ отцомъ во главѣ состоятъ подъ ея началомъ; во вторыхъ, весь скарбъ домашній находится въ «скрыни», ключъ отъ которой у нея при «торочці», въ третьихъ, сельчане, говоря про чьихъ нибудь дѣтей, отличающихся молодечествомъ въ работѣ или многочисленностью, не называютъ: «Шмаровозовы дочки, сыновья Козолупа», а говорятъ: «Шмаровознишны дочки пшеныцю вижали, Козолупишни сини уже лугъ стяли»; или: «Тапалаишцноп Гандзи чоловікъ пишовъ увже сіяти», а не просто: «вонъ сѣять пошелъ Скакунець»; «Ковтуниха знову шесть моргивъ земли купила»,—а не Ковтунъ.

Укажемъ на ту роль, которую пріобрѣла холмянка во внѣшней жизни своего общества, внѣ своего дома, внѣ своей семьи.

Мы говорили уже, что мужъ внѣ дома ничего не сдѣлаетъ безъ согласія своей жены. Слѣдовательно, эта жена появляется во всѣхъ сдѣлкахъ съ людьми посторонними—торговцами, покупщиками, ремесленниками, т. е. съ тѣмъ обществомъ, съ которымъ крестьянинъ имѣетъ самыя частыя сношенія, а это само уже опредѣляетъ характеръ дѣятельности и авторитетъ ея въ общежитіи, внѣ дома. Далѣе, ни одна пирушка не затѣется безъ женской инипіативы. И на этихъ пирушкахъ (свадьба, крестины, поминки, новоселье) женщина занимаетъ первое мѣсто, она—душа всѣхъ затѣй, обычаевъ, обрядовъ.

Но этимъ не исчерпывается общественная жизнь и дѣятельность женщины. Она не только добилась уваженія къ себѣ на «веселомъ пиру» и въ разныхъ сношеніяхъ съ обществомъ въ интересахъ хозяйства, но и проникаетъ «въ канцелярію гмины»,

---

*) Приведенныя мною пѣсни записаны прямо со словъ крестьянокъ. Я не помню, заключаются ли какія нибудь изъ нихъ въ этихъ сборникахъ или нѣтъ.



въ дѣло общественнаго самоуправленія, т. е. добилась того, чего не могутъ добиться такъ называемыя «передовыя женщины» со всей своей эмансипированной идеей «женской равноправности». Такъ на гминныхъ сходахъ нерѣдко вмѣсто мужа появляется его жена,—представительница своей усадьбы, подающая голосъ «pro aut contra»; и голосъ ея составляетъ такую же единицу, какъ и другіе.

Между прочимъ, извѣстенъ слѣдующій примѣръ.

Въ одномъ селѣ (не далеко отъ Холма) сотскимъ выбранъ мужичекъ такъ себѣ. Говоря правду, выборъ сдѣланъ неудачно, но выручила своего мужа изъ бѣды его «достойная супруга». Она посѣщаетъ гминное управленіе, дѣлаетъ доклады, получаетъ приказанія, сообразно съ которыми потомъ и распоряжается во всемъ селѣ, точно у себя дома. Распоряженія эти, встрѣченныя, быть можетъ, вначалѣ и смѣхомъ, исполняются аккуратно, потому что «сотская» шутить не любитъ и ослушниковъ представляетъ войту для оштрафованія. И надо отдать полную справедливость «сотской»: съ тѣхъ поръ какъ она взяла бразды правленія въ свои руки, въ селѣ водворился большій порядокъ и дисциплина, чѣмъ былъ при смѣнившемся сотскомъ—мужчинѣ.

Судейскія камеры также видятъ въ стѣнахъ своихъ женщинъ. Подавая частные иски и отвѣчая на нихъ за себя и за мужа, участвуя при случаѣ и въ дѣлѣ, касающемся всей «громады», женщины смѣлѣе своихъ мужей вступаютъ въ пренія съ судьею и лавниками, не хуже иного «брехунця-адуката», какъ называютъ онѣ представителя защиты,—соглашаются или не соглашаются, смотря по обстоятельствамъ,—съ рѣшеніями суда. Извѣстны въ краѣ недоразумѣнія между помѣщиками и громадами по надѣлу сервитутовъ (лѣсъ, выгонъ). Женщины наравнѣ съ мужчинами принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ и безпорядкахъ по этому поводу...

К. Яроцкій.

Въ Императорское Русское Географическое Общество.

(Отдѣленіе этнографіи).

Прибывши на дняхъ изъ путешествія по Китаю, я спѣшу сообщить о себѣ слѣдующее.

За время съ 30 октября 1890 г. по 3 мая 1892 г. я совершилъ 4 поѣздки: 1) 30 октября 1890 г.—23 февраля 1891 г. я употребилъ на приведеніе въ порядокъ тѣхъ этнографическихъ матеріаловъ, которые значатся на страницѣ 62, въ «отчетѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1890 г.», подъ №№ 27, 29 и 31; 24 февраля 1891 г.—12 мая 1891 г. я посвятилъ изслѣдованію нарѣчій Сартовъ и Киргизовъ Русскихъ и Китайскихъ, живущихъ въ восточной части Семирѣченской области (укрѣпленіе Бахты); 2) 13 мая 1891 г.—7 ноября 1891 г. я посвятилъ изслѣдованію нарѣчій Дзунгарскихъ Киргизовъ и Китайскихъ Сартовъ, живущихъ въ г. Чугучакѣ; 3) 8 ноября 1891 г.—7 марта 1892 года я посвятилъ изслѣдованію нарѣчія Хамійскихъ Сартовъ, подданныхъ цинь-вана Хамійскаго (князя первой степени); 4) 8 марта 1892 г.—3 мая 1892 года я посвятилъ изслѣдованію нарѣчія Турфанскихъ Сартовъ, непосредственно подчиненныхъ тину Турфанскаго приставства, и нарѣчія Логучёнскихъ Сартовъ, подданныхъ цзюнь-вана Логучёнскаго (князя второй степени). Эти 4 поѣздки въ сравненіи съ поѣздками предъидущихъ 1888—1889 гг. были весьма плодотворны, какъ по изслѣдованію неизвѣстныхъ доселѣ тюркскихъ нарѣчій провинціи Гань-су-синь-цзянь, такъ и по изслѣдованію обычаевъ тюркскихъ племенъ этой провинціи. Кромѣ этого собранія памятниковъ народнаго творчества тюркскихъ племенъ, обитающихъ въ Дзунгаріи и Гань-су-синь-цзянь, я занимался также составленіемъ коллекцій денежныхъ знаковъ: бумаж-

ныхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, обращающихся въ указанныхъ 2 областяхъ и Или. Откладывая представленіе собранныхъ мною матеріаловъ до болѣе благопріятнаго времени, имѣю перечислить въ этомъ письмѣ только тѣ пути, какими я ѣхалъ до Хами и обратно до Кульджи, и тѣ результаты своихъ изслѣдованій, къ которымъ я пришелъ за 18 мѣсяцевъ путешествія по Китаю. Всѣ 4 поѣздки я совершилъ на 2 русскихъ телѣгахъ, на 4 коняхъ и съ 2 слугами, кромѣ ямщиковъ, временно нанимавшихся, и провожатыхъ солдатъ, назначавшихся ко мнѣ Китайскими властями. Съ 30 октябр 1890 г. по 23 февраля 1891 года я занимался въ укрѣпленіи Бахты Семирѣч. обл. приведеніемъ въ порядокъ прежнихъ работъ, съ 24 февраля 1891 года по 12 мая того-же года я жилъ въ томъ же укрѣпленіи Бахты, а 13 мая переселился въ г. Чугучакъ, гдѣ я прожилъ вплоть до 7 ноября, ожидая изъ Пекина охранной грамоты, вмѣсто которой я получилъ только билетъ за подписью нашего консула въ Кульджѣ В. М. Успенскаго и Илійско-Тарбагатайскаго дао-тая Ина. Ожидая Пекинскую грамоту, я занялся въ Чугучакѣ изученіемъ Киргизскаго и Сартскаго нарѣчій. 8 ноября 91 г. я покинулъ г. Чугучакъ и черезъ гг. Дурбульджинъ, Куръ-Кара-Усу, Манасъ, Урумчи, Гученъ и хребетъ Тянь-шань (перевалъ Гоу-ченъ-дабанъ) проѣхалъ въ г. Хами, гдѣ прожилъ вплоть до 7 марта 92 г. Въ г. Хами и на сѣв.-вост. отъ него я изучалъ Сартскія нарѣчія. 8 марта 1892 г. я по Нань-лу, южному Императорскому тракту, отправился въ г. Турфанъ черезъ г. Пичанъ. Въ Турфанѣ я встрѣтилъ какъ Турфанскихъ, такъ и Логучéнскихъ Сартовъ, нарѣчія которыхъ я и изслѣдовалъ. Покинувшя Турфанъ, я направился въ обратный путь въ Россію черезъ г. Кульджу, куда и прибылъ 3 мая с. г. Охранная Пекинская бумага вручена мнѣ Китайцами въ г. Турфанѣ только 20 марта с. г., когда я уже былъ на обратномъ пути въ Россію. Дневникъ путешествія въ Тарбагатайскій, Хамійскій и Турфанскій округа, со включеніемъ въ него всѣхъ памятниковъ народнаго творчества, переданныхъ на рус. яз. въ точномъ переводѣ, со включеніемъ описанія коллекцій денежн. знаковъ и съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ типовъ и рисунковъ предметовъ домашняго обихода, требуетъ для приведенія въ порядокъ времени не менѣе года, вслѣдствіе чего всѣ мои обширныя собранія будутъ представлены Отдѣленію, по приведеніи въ порядокъ, черезъ 3—4 мѣсяца (часть I). Собрано мною:

1) Сказокъ: Хамійскихъ Сартовъ 38, Логучéнскихъ С, 71, Турфанскихъ С. 8, Кашгарскихъ С. 1, Аксуйскихъ С. 2. Всѣхъ сказокъ собрано 120.

2) Разсказовъ: Киргизскихъ 4, Хамійскихъ 46, Логучéнскихъ 34, Кашгарскихъ 2, Аксуйскихъ 1 и Турфанскихъ 3. Разсказы эти повѣствуютъ о нижеслѣдующихъ предметахъ: объ излѣченіи бѣшенства и сумасшествія (Кирг.); о дняхъ, когда можно брить голову; о дняхъ, когда можно ходить въ баню; о вечеркахъ; о дняхъ, когда можно переселяться изъ дома въ домъ; когда можно кроить одежду и обувь; о Хамійскомъ цинь-ванѣ и его предкахъ; когда можно надѣвать новое платье; въ какіе дни можно стирать бѣлье; значеніе 12 лѣтъ Китайскаго счисленія для человѣка, животныхъ и растеній; причина и послѣдствіе затмѣнія солнца и луны; въ какіе дни можно отправляться въ дорогу; причина и значеніе землетрясенія; значеніе звона въ ушахъ; въ какіе дни можно стричь ногти и волосы; причина и значеніе грома и молніи, о дѣятельности русскихъ купцовъ Тюстина и Соболева въ Хами; 8 эпизодовъ изъ Дунганской войны въ Хами; о податяхъ и повинностяхъ подданныхъ цинь-вана Хамійскаго; о болѣзняхъ мужскихъ и женскихъ; о могилахъ Хамійскихъ святыхъ; о борьбѣ Іисуса Христа съ антихристомъ на страшномъ судѣ; о Сартскихъ чиновникахъ въ Хами; объ одеждѣ вана и его чиновниковъ (всѣ эти разсказы записаны со словъ Хамійскихъ Сартовъ); объ Якубъ—бекѣ Кашгарскомъ и его сыновьяхъ; объ оспопрививаніи; о святомъ Сейдъ—Ваккáсѣ; о Турфанскихъ у св. юношахъ; о Логучéнскомъ цзюнь-ванѣ; о покореніи Вост. Туркестана Якубъ-бекомъ и о побѣдахъ Якубъ-бека надъ Ханъ-ходжа-Рáшидиномъ, Исхакъ-ходжа и Айдинъ-ходжа; объ остроуміи ежа; о Дунганской войнѣ въ Кашгаріи; о болѣзняхъ мужскихъ и женскихъ; о фруктахъ Логучéнскихъ; о Китайскихъ пыткахъ; о животныхъ Логучéнскихъ; о проституткахъ Ло-

гучёнскихъ и ихъ болѣзняхъ; о мѣдныхъ монетахъ; объ одеждѣ Турфанскихъ и Логучёнскихъ Сартовъ; о Лобъ-норскихъ обитателяхъ; о Китайскихъ тюрьмахъ; о башмакахъ, оставляемыхъ начальникомъ города на память при переѣздѣ въ другое мѣсто службы; о встрѣчѣ царской бумаги чиновниками; о пантерѣ; о Сартахъ, какъ солдатахъ; о промыслахъ Лобъ-норскихъ обитателей; о Китайцахъ, какъ солдатахъ; о пищѣ Китайской и Сартской; о Логучёнскомъ ванѣ и его семьѣ; о поборахъ Китайцевъ (эти разсказы записаны со словъ Логучёнскихъ Сартовъ); объ Якубъ-бекѣ и его правосудіи (Кашгар.); о Мамутъ-ханѣ, соправителѣ Якубъ-бека (Аксу); о саранчѣ; объ Якубъ-бекѣ и его войнахъ съ Дунганами (Турфан.). Всѣхъ разсказовъ записано 90.

3) Пѣсенъ веселія (четверостишій). Киргиз. 44, Аксу. 5, Маргелан. 4, Турфан. 83, Хамійскихъ 235, Кашгар. 20, Логучён. 72 и Байскихъ 74. Изъ этого рода пѣсенъ замѣчательны слѣдующія пѣсни: о порчѣ нравовъ (Турф.); о Соломонѣ (Турф.); пѣсни, распѣваемыя на вечеринкахъ (Хами); о плѣшивыхъ (Хами); о герояхъ Дунганской войны (Хами); о Мамутъ-ханѣ (Хами); пѣсни свадебныя (Хами); пѣсни о непосѣщающихъ мечети; о паршивыхъ (Хами); пѣсни, распѣваемыя въ Рамазанъ (Кашг.); объ Якубъ-бекѣ (Логучён.); объ Іисусѣ Христѣ и дѣвѣ Маріи (Турфан.); о Дунган. войнѣ (Бай). Всѣхъ четверостишій записано 537.

4) Пѣсенъ скорби (четверостишій): Киргиз. 133, Самарканд. Сартовъ 3, Турфан. 17. Изъ этого рода пѣсенъ особенно замѣчательны причитанія по покойникѣ (Кирг.) и пѣсни о саранчѣ (Турф.). Всего 153.

5) Толкованій сновъ: Хамійскихъ Сартовъ 809 и Логучёнскихъ 107. Всего записано 916 толкованій.

6) Обычаевъ: Киргиз. 1, Хамійскихъ 107, Логучёнскихъ 63. Особенно замѣчательно слѣдующее: погребеніе умершихъ (Кирг.); изгнаніе духовъ изъ бѣсноватаго (Хами); свадебные обряды (Хами); погребеніе умершихъ у богатыхъ и бѣдныхъ (Хами); стихи, распѣваемые въ Рамазанъ (Хами, Логучён.); стихи, распѣваемые въ Баратъ (Хами, Логучён.); лѣченіе простуды каленымъ желѣзомъ (Хами); обыденныя занятія Хамійцевъ; нареченіе имени младенцу (Логучён.); обрѣзаніе (Лочуч.); стихи въ день Новаго Года (Логуч.); свадьба (Логуч.); вечеринки и званые обѣды (Логуч.); стихи въ праздникъ Сафаръ (Логуч.); исцѣленіе бѣсноватыхъ (Логуч.); хорошіе дни, когда можно выѣхать въ дорогу (Логуч.); празднество по случаю выпаденія перваго снѣга (Логуч., Хами); свадьба у жителей селенія Кара-тöбэ (Хами); поздравленія по случаю брака (Хами). Всего записано 171 обычай.

7) Біографій: Хамійскихъ Сартовъ 1, Турфан. 1 и Кирг. 2. Всего записано 4 біографіи.

8) Пословицъ: Киргиз. 390, Хамійскихъ 121 и Логучён. 126. Всего записано 637 пословицъ.

9) Вѣрованій, повѣрій: Кирг. 11, Хамійскихъ 18, Турфан. 13 и Логучён. 27. Всего записано 69 повѣрій.

10) Выпрашиваніе подаяній нищими и юродивыми: Логучён. 1, Хамійскихъ 10 и Турфан. 52. Всего 63 четверостишія.

11) Загадокъ: Логучён. 11 и Хамійскихъ 27. Всего загадокъ записано 38.

12) Описаній путей, селеній и городовъ. Логучён. 5 статей.

13) Клятвъ: Логуч. 6

14) Благословеній: Байскихъ 1 и Логуч. 2. Всего 3 статьи.

15) Проклятій: Логуч. 1 и Хамійскихъ 2. Всего 3 статьи.

16) Гаданій (по бараньей лопаткѣ, на горошинахъ и по Корану): Логуч. 34.

17) Прибаутокъ и прозвищъ: Хамійск. 1 и Логучён. 8. Всего 9 статей.

18) Изреченій древнихъ мудрецовъ: Хамійскихъ Сартовъ 186 статей. Изъ этихъ изреченій особенно замѣчательны тѣ, которыя повѣствуютъ о злой женѣ, неразумныхъ дѣтяхъ, жизни праведниковъ на 7 слояхъ неба и жизни грѣшниковъ подъ 7 слоями земли. Изреченія эти часто излагаются въ формѣ діалоговъ.

19) Собственныя имена мужскія и женскія: Хамійскихъ Сартовъ 2, Пичанскихъ 2. Всего 4 статьи именъ.

20) Объявленій на Сартскихъ нарѣчіяхъ: Логучён. 6 (отъ чиновниковъ Китайскихъ) и 1 (отъ врача Китайскаго).

21) Выписокъ изъ медицинскихъ книгъ на Сартскихъ нарѣчіяхъ: Логучён. 6 статей.

Изъ коллекцій, мною составленныхъ, я могу указать на слѣдующія:

1) Коллекцію фотографій типовъ Ка́чинцевъ, Сагайцевъ, Бельтировъ, Карагасовъ, Киргизовъ, Сартовъ, Китайцевъ и Манжуровъ; 2) коллекцію рисунковъ на одеждѣ, обуви и др. предметахъ домашняго обихода обитателей Хамійскаго оазиса; 3) коллекцію облигацій, выпущенныхъ частными фирмами и правительственными учрежденіями Тарбагатая, Куръ-Кара-Усу, Урумчи и Хами; 4) коллекцію Китайскихъ серебряныхъ гривенниковъ, чеканенныхъ въ Хотанѣ, Яркендѣ, Янги-гисарѣ, Кашгарѣ и Аксу; 5) коллекцію мѣдныхъ монетъ (желтыхъ и красныхъ), вращающихся въ гг. В. Туркестана, Или, Тарбагатая и Синь-цзяня. Подробное описаніе этихъ 5 коллекцій будетъ включено въ дневникъ путешествія по Китаю. Фотографическіе снимки пріобрѣтены у Д. Ѳ. Долинина въ г. Минусинскѣ, Ф. Д. Бачанскаго въ г. Нижнеудинскѣ и И. Ф. Толшина въ г. Семипалатинскѣ. Рисунки воспроизведены частью мною самимъ и частью мѣстными художниками Хами и Логучёна. Облигаціи и монеты Китайскія прочитаны мнѣ въ Хами, Турфанѣ и Урумчи самими Китайцами. Кромѣ этихъ снимковъ имѣются у меня и снимки съ Китайскихъ надписей на камняхъ, прочитанные также Китайцами; содержаніе надписей также будетъ включено въ точномъ русскомъ переводѣ въ дневникъ путешествія, какъ и самые тексты памятниковъ народнаго творчества изслѣдованныхъ мною племенъ С. З. Китая. Тексты написаны арабскою транскрипціею и точною русскою, принятою въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ. Грамматическія особенности изслѣдованныхъ мною 4 тюркскихъ нарѣчій С. З. Китая, стихосложеніе въ этихъ нарѣчіяхъ и фонетика изслѣдованы мною со всѣми мельчайшими подробностями.

Размѣръ стиховъ у Ка́чинцевъ, Сагайцевъ, Бельтировъ, Карагасовъ и Урянхайцевъ совершенно одинаковъ съ размѣромъ стиховъ Хамійскихъ, Турфанскихъ, Логучёнскихъ, Байскихъ, Аксуйскихъ и Кашгарскихъ Сартовъ и съ размѣромъ Киргизскихъ причитаній по покойникѣ, именно: каждое полустишіе куплета состоитъ изъ двойнаго ямба (⏑ — ⏑ —), переходящаго по отсѣченіи перваго слога въ амфимакръ и по отсѣченіи послѣдняго въ амфибрахій. Рифмуютъ обыкновенно первая, вторая и четвертая строка четверостишія, или только вторая и четвертая. Изъ печатныхъ книгъ въ Турфанѣ, Пичанѣ и Хами я встрѣтилъ только Коранъ на араб. яз. и нѣсколько религіознаго содержанія книжекъ на нарѣчіи Казанскихъ Татаръ. Эти книжки завозятся черезъ Бійскъ, а Коранъ—черезъ Семипалатинскъ и Чугучакъ. Народная литература заключается въ рукописныхъ книгахъ на мѣстномъ языкѣ, устныхъ разсказахъ и рукописныхъ переводахъ съ Арабскаго яз. (объ адѣ и раѣ), Персидскаго (о томъ-же и гаданіи, затѣмъ сказки) и Китайскаго (сказки и разсказы). Въ нарѣчіи Киргизовъ Дзунгаріи я встрѣтилъ Китайскихъ словъ очень мало, въ нарѣчіяхъ Турфанскихъ, Логучёнскихъ, Байскихъ и Кашгарскихъ Сартовъ китайскихъ словъ нѣсколько больше, а у Хамійскихъ Сартовъ китайскихъ словъ масса, монгольскихъ-же немного; арабскія и персидскія слова встрѣчаются во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ одинаково, попадаются даже русскія слова, вошедшія съ предметами торговли, какъ напр. сѣрника, поднось и др.

Катановъ.



Содержаніе 4-хъ вышедшихъ въ свѣтъ номеровъ «ПОЖАРНАГО».

Въ 1, 2, 3 и 4 №№ «Пожарнаго» помѣщены слѣдующіе очерки и статьи 1) По поводу Одесскихъ пожаровъ. 2) Фрегатъ въ огнѣ. А. Чернаго. 3) Біографіи: А. П. Паскина, С.-Петербургскаго брантъ-маіора, и Кн. А. Д. Львова, владѣльца пожарной команды въ Стрѣльнѣ. 4) Два слова о пожарномъ дѣлѣ, гр. А. Д. Шереметева. 5) Желѣзнодорожные пожарные поѣзда. 6) Пожары въ селеніяхъ. Н. Снѣссарева, 7) Пожарное дѣло въ провинціи. Г. А. 8) Новые Московскіе ряды въ противопожарномъ отношеніи. 9) Пожарное дѣло въ земствахъ. В. Гулевича. 10) Французы о европейскихъ пожарныхъ командахъ. 11) Пожарное дѣло въ нашихъ провинціальныхъ городахъ. А. Меца. 12) Пожары въ театрахъ и противопожарныя мѣры, принятыя въ Мюнхенскихъ театрахъ. 13) Пожары въ Японіи. 14) Паровые пожарные насосы, ихъ появленіе и дальнѣйшія усовершенствованія. Инж. Г. Дица.

Редакція открыта для объясненій и личныхъ переговоровъ по Вторникамъ и Четвергамъ, утромъ отъ 10—12 час.

Статьи, посылаемыя для напечатанія въ иллюстрированномъ журналѣ «ПОЖАРНЫЙ», должны быть за полною подписью ихъ авторовъ и съ указаніемъ ихъ мѣстожительства. (По желанію авторовъ, статьи могутъ быть напечатаны и безъ подписей: подъ иниціалами ихъ имени и фамиліи или подъ псевдонимами). Принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію. Анонимныя статьи, письма и заявленія Редакція оставляетъ безъ вниманія.

Статьи — безъ указанія желаемаго за нихъ авторомъ вознагражденія — считаются безплатными. Возвращеніе статей по почтѣ Редакція принимаетъ на себя только въ томъ случаѣ, когда на ихъ пересылку будетъ прислано соотвѣтствующее число почтовыхъ марокъ.

Мелкія статьи и замѣтки, не напечатанныя почему-либо въ «Пожарномъ», не возвращаются.

Издатель-Редакторъ **Гр. А. Д. Шереметевъ**

Романскія повѣсти, ст. А. Н. Веселовскаго; 10) К. Н. Батюшковъ, какъ поэтъ, ст. Л. Н. Майкова; 11) Поля Бурже. Очерки современной психологіи; 12) Бомарше, Трилогія, съ характеристикой А. Н. Веселовскаго; 13) Медея, Еврепида, трагедія; 14) Сюлли-Прюдомъ, Геркулесъ, поэма; 15) Педагогическіх теоріи эпохи возрожденія, ст. И. И. Стороженко; 16) Баянъ, Сборникъ произведеній современныхъ славянскихъ поэтовъ, въ пер. Уманова-Каплуновскаго; 17) Очеркъ исторіи книги, публ. лекціи А. И. Кирпичникова. 18) Бл. Паскаль, Мысли; 19) Критическіе опыты Вал. Н. Майкова; 20) А. К. Шеллеръ (Михайловъ), ст. Ор. Ѳ. Миллера; 21) Бьернстернъ-Бьернсонъ, комедія; 22) М. Гюйо, Современная эстетика; 23) Литературная исторія Донъ-Жуана, соч. Е. Г. Брауна; 24) Радости жизни, соч. Дж. Леббока, съ предисловіемъ автора къ русскому изданію; 25) Ж. Ж. Руссо, сочиненія; 26) Ленау, Фаустъ, поэма; 27) Монтэнь, Опыты; 28) Монтескье, Персидскія письма; 29) Сочиненія В. П. Боткина; 30) Стихотворенія Р. Гюго, А. Мюссе, Леконтъ де-Лиль, К. Делавинъ, Петрарки (сонеты), Лонгфелло, Тоннисона, Мильтона, Шелли и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ:

За годъ . . . . 6 руб.
» полгода . . . . 3 »
» границу за годъ . . . . 8 »

Редакція и главная контора, въ С.-Петербургѣ, Николаевская, 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА

(4-й годъ изданія).

Журналъ «СЕМЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА», издаваемый редакціею «Пантеона Литературы», имѣетъ цѣлью дать самой небогатой семьи возможность за ничтожную плату составить себѣ библіотеку изъ произведеній избранныхъ писателей. Каждая книжка содержитъ въ себѣ, по возможности, законченное произведеніе.

Въ вышедшихъ книгахъ между прочимъ помѣщены: Г. П. Данилевскаго, Потемкинъ на Дунаѣ, истор. ром.; Ѳ. М. Толстого, Болѣзни воли, ром.; К. П. Батюшкова, Стихи; С. С. Смирновой, Огонекъ, романъ; Е. Сальяновой, Законный исходъ, повѣсть; М. А Филиппова, историч. разсказы; Вас. Нарѣжнаго, Два Ивана, пов.; И. И. Козлова, полное собр. стихотвореній съ біографіей; Искандера, Кто виноватъ? ром.; Шатобріана, Атала и Мученики христіанства; Шамиссо, Чудесная исторія; Я. Н. Бутковскаго, Народныя сказки (въ стихахъ); Виктора Гюго, Послѣдній день приговореннаго къ смерти, Шпіонъ и 93-й годъ; А. Марлинскаго, Амалатъ Бекъ; Габихта; Сила предразсудка, истор. романъ гр. Л. Н. Толстаго, Смерть Ивана Ильича; полное собраніе стих. А. В. Кольцова съ біографіей и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ 2 руб., за полгода 1 руб.; за границу за годъ 4 руб.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
въ 1893 году.

Въ 1893 году «ИЗВѢСТІЯ» Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ: января, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи; мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Програмы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ первыхъ книжкахъ «ИЗВѢСТІЙ» за 1893 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующіе статьи: «Данныя о городахъ Волжской Булгаріи» П. А. Пономарева; «Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ» его же; «Древнія мѣдныя орудія въ Каз. губ.» А. А. Штукенберга; «Древности Костромской губ.» его же; «Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII вѣкѣ» А. А. Спицина; «Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи» (сводъ извѣстій путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе К. И. Воронцовъ, Н. Я. Кириловъ, А. К. Кулагинъ, В. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ); «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» И. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій); «Черемисы Арбанской волости» Н. Троицкой; «Замѣтки о мордвѣ Нижегородской губерніи» А. Д. Смирнова; «Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у зырянъ» А. В. Красова; «Кара-Якубовскбя волость Белеб. у. Уф. губ.» И. А. Износкова и др.

Въ видѣ приложенія къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься двѣ серіи изданій:

1) **Матеріалы для этнографіи Поволжья.** I. «Черемисско-русскій словарь» В. П. Троицкаго; II. «Мордовско-русскій словарь» М. Е. Евсевьева.

2) **Археологическая библіотека «Извѣстій».** I. Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. Перев. съ нѣмецкаго.

Цѣна годовому изданію **5** руб., каждая книжка отдѣльно по **1** руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 руб.) въ два срока: три руб. при подпискѣ и два руб. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Члены Редакціоннаго Комитета: **И. Смирновъ** и **А. Соколовъ.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1893 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ **Ѳ. Мищенко.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 января 1893 года.

СТРАН.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.


Stanford University Libraries
3 6105 012 273 897